

5

2012

РОСССНЯ XXI

5. 2012 сентябрь-октябрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Кто будет исправлять ситуацию?
Накануне цивилизационной катастрофы _____ 6

Грани катастрофы

Хажисмель Тхагансоев

Образование в современной России –
вверх по лестнице, ведущей ... вниз
(штрихи к портрету наших реформ) _____ 22

Современные утопии

Виктор Мальков

«Социализм» по-американски.
К истории создания администрации долины
реки Теннесси _____ 40

Страницы истории

Евгений Каменев

Сыны отечества: к вопросу
о формировании декабристской
идеологии _____ **74**

*Елена Мягкова,
Александр Репников*

Образы Французской революции
в общественной мысли
России XIX века _____ **102**

Ярлыки и мифы

*Дмитрий Антонов,
Михаил Майзульс*

«Мечтания» и «illusions».
Дьявольские наваждения между
книжностью и иконографией
(окончание) _____ **126**

Актуальный архив

Андрей Юрганов

Рождение двойных стандартов
в советской идеологии _____ **154**

Contents in English look at the page 188

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

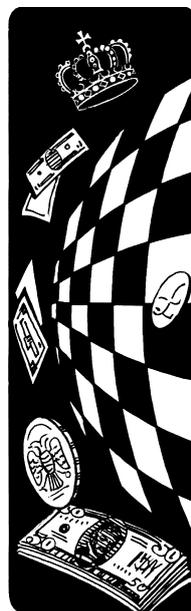
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Дело не в осуществлении каких-либо возможностей, а, напротив, в осуществлении необходимости – того единственного, что нужно в данный момент. Дело в том, чтобы стремиться всякий раз не к возможному, а к должному.

Виктор Франкл

**Избежать катастрофы
может только тот,
кто считает ее
реальной.**

Вильгельм Швобель

Сергей Кургинян

КТО БУДЕТ ИСПРАВЛЯТЬ СИТУАЦИЮ?¹

НАКАНУНЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
КАТАСТРОФЫ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК
32

The author deals with the extremely difficult situation that has emerged in the contemporary Russian domestic policy. Nonfeasance of authorities and intelligentsia, growth of protest moods and spirits, religious extremism that lifts its head up, revitalization of inland subversive forces – all that create pre-conditions for collapse of the Russian Federation. The danger is quite real. In this moment one has to understand what forces it is necessary to rely on in order to save the country that is sliding to the social and economic abyss. The role of the national intelligentsia is as great as it had never been earlier because intelligentsia has to turn the protest in a positive direction and to prevent the ultimate disaster.

Ключевые слова: радикализм; протест; либеральная политика; цивилизационная катастрофа; национальная интеллигенция.
Key words: radicalism; protest; liberal policy; civilizational disaster; national intelligentsia.
E-mail: ecc@ecc.ru

¹ По материалам выступления перед общественностью Твери 13 сентября 2012 года.

Я – политолог и руководитель всероссийского движения «Суть времени», которое последние полтора года серьезно беспокоит умы многих, особенно последние полгода.

Взявшись создавать это движение, я понимал, что взвалил на себя достаточно тяжелую ношу: сегодня я приезжаю в Тверь, завтра – в Калугу, послезавтра – в Брянск, через 2 дня – в Красноярск, а потом в Иркутск и Владивосток. Так что езжу я сейчас достаточно много и могу рассказать, что же я вижу всюду (а всюду я вижу примерно одно и то же).

Сейчас для меня предельно важно то, что я увидел в Татарстане и что меня встревожило до предела. Татарстан находится далеко от Москвы, Твери, но все мы граждане единой большой России и хотим понять, что происходит в ней в целом. Конечно, в каждом регионе свои проблемы, но есть некоторые вещи, которые не только духовно и идеологически очень сильно влияют на ситуацию, но могут реально изменить ее в конкретных условиях.

В Татарстане всегда существовали разумные исламские силы, которые были за единую Россию (я не имею в виду «Единую Россию» как партию, а единое российское государство), которые были за то, чтобы жить в мире с православными людьми, со светскими людьми – со всеми людьми страны. Но в последнее время стало нарастать количество людей, которые исповедуют *другой* ислам. Одни его называют ваххабитским, другие – салафитским. Это ислам, который считает, что он должен завоевать всю территорию России и особенно ту часть, где проживает много исламского населения. Он очень чужой для самого коренного ислама России, он привнесен из Саудовской Аравии, прежде всего. Местный ислам воспринимает его крайне враждебно, потому что понимает, что проповедуют его люди, которые хотят не мира, а войны (его так и называют – «джихад меча»). Постепенно его влияние на территории Татарстана растет.

Татарстан был самой мирной частью исламской территории России. Это не Северный Кавказ, в котором достаточно быстро начались всякие острые события военного характера. В Татарстане все было относительно мирно. Было немножко националистов, Байрамовы и другие. Очень мало было вот таких исламских радикалов. Но за несколько лет их количество удесятирилось! И сейчас есть несколько потоков, которые позволяют говорить о том, что Татарстан становится горячей точкой на исламской карте.

Я назову эти потоки.

Прежде всего, в Татарстане, как и везде сейчас, есть большой поток мигрантов из различных южных стран, в том числе из стран исламского мира: Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана и других. Их очень много и в Москве. Это связано с нашей новой капиталистической экономикой, при которой чем дешевле рабочая сила, тем лучше. Люди с юга соглашаются работать за третью или пятую часть цены, которая существует на российском рынке труда. Они здесь не платят налогов. Дома у себя они живут на гроши, а здешние заработки являются для них большими. Это же явление (миграция) существует во Франции, Германии – везде. Это часть глобализированной экономики, когда рабочая сила ищет, где больше платят, а капитал – где дешевле рабочие. Соответственно все заводы идут в Китай, а люди едут в Европу и Россию. Таких мигрантов везде много.

Мигранты в Москве попадают, в основном, в руки наших криминализованных элементов, очень разных предпринимательско-криминализованных групп, которые выжимают из них сверхприбыль, поселяют в плохих местах и следят за тем, чтобы большую часть зарплаты отдавали им. Поскольку таких криминализованных фигур в Москве много, мигрантская масса не собирается воедино. Она разбита на мозаику, включающую многих хозяев, которые нанимают рабочую силу и потом перепродают кому-то еще. Этот рынок приезжающих с Юга полурабов разбит на много-много таких стеклышек, каждое из которых ни во что не окрашено.

В чем же специфика Татарстана? Там начался опасный процесс, когда *одна* мечеть распределяла всю рабочую силу с юга: Узбекистана, Таджикистана и т.д. Одна мечеть, один исламский лидер следят за тем, как именно живут мигранты, как они работают, где они работают, сколько получают, какие у них визы и т.д. Этот лидер – ваххабит, т.е. человек, который настроен на то, чтобы в Татарстане было исламское государство и никакой России не было. Вы, наверное, знаете, что у радикальных исламистов есть (я никоим образом не хочу осуждать ислам как великую религию) концепция Халифата, по которой все люди, исповедующие ислам, должны жить в одном большом государстве. Не в национальных государствах, таких как Египет, Алжир, а в одном большом государстве, называемом «Халифат». И есть «Джихад меча» – принцип, по которому это государство надо отвоевывать, и каждый правоверный обязан это делать. Исламский лидер взял на себя распре-

КТО БУДЕТ ИСПРАВЛЯТЬ СИТУАЦИЮ?

деление всей рабочей силы в Татарстане, всех собрал воедино и соответственно подчинил себе.

Второй поток – это волна радикальных исламских мулл, которые двинулись с Северного Кавказа. А третий поток мулл двинулся из Саудовской Аравии.

Эти три потока медленно завоевывают Татарстан. И казалось, что они его так, постепенно, завоюют без всякого сопротивления и через три года там будет большинство радикальных исламских мулл. Сейчас в Татарстане уже более 120-ти ваххабитских мечетей.

Но нашлись два героических человека, которые встали на пути этого процесса. Первый – это муфтий Татарстана Файязов, второй – один из лучших знатоков классического ислама, называемого ханафитским (в отличие от салафитского и всех прочих), – Якупов. Оба этих человека стали бороться против иноземных мулл, этих радикальных или, как их называют сами местные исламисты, «бородатых». Они начали против них бороться, боролись очень отважно, стали переламывать ситуацию. Они сами, я подчеркиваю снова, исповедуют ислам, и они оба огромные авторитеты в Татарстане. Не чужие люди приехали бороться с «бородатыми», а сами же люди из ислама, и уже начали побеждать. И вот в одно утро был расстрелян и скончался Якупов, один из лучших знатоков ислама в Татарстане, а чуть позже был взорван в машине, но чудом уцелел главный муфтий Татарстана Файязов.

Он уцелел, пережил тяжелые травмы. И продолжил свою героическую деятельность. Но, естественно, не с прежней силой, он передвигается на кресле. После этих террористических актов правоохранительные органы пытались понять, чьих рук это дело, и начали жесткое расследование. Тогда ваххабитские круги восстали, вывели людей на митинги, где было сказано: «Руки прочь от нас». И власть уступила.

Когда власть уступает подобного рода силам, эти силы атакуют. И вот наступил день 28-го августа, когда Владимир Путин, президент России, прилетел в Татарстан. Он прилетел туда в 16 часов 08 минут по официальным сводкам, и где-нибудь часов в пять–пять с небольшим при большом стечении народа вручил ордена жене покойного Якупова и самому Файязову, которого на кресле привезли получать орден.

Путин сказал все полагающиеся слова, что это не пройдет и т.д. Но почти в один час... Не только в тот же день, но и в тот же час в Дагестане взорвали самого главного авторитета исламского мира на территории России, который отстаивал страну от ваххабитов. Путин вручал орден, а

в этот момент в Дагестане убили не только этого человека, но и членов его семьи, 11-летнего ребенка и других. Фактически была объявлена война. Это война между мягким и желающим жить с нами в мире суфийским исламом и исламом, который нам никакого мира не несет, который хочет, чтобы вся территория стала «даруль харб» – территорией войны и «джихадом меча», чтобы она в итоге вошла в исламское государство и никакой России не было. Это официальная программа тех сил, которые называются салафитскими или ваххабитскими, не важно.

Далее. Впервые на территории Казахстана начались митинги организации Хизб ут-Тахрир. Это радикально-исламская организация, которая убивает людей. По приказу которой, я видел это в Таджикистане, сдирают кожу с маленьких детей, то есть эта организация беспощадно жестока. Я уважаю ислам, как и все религии, существующие в нашей стране. Но я не хочу, чтобы в учебниках по исламу наряду с замечательными фразами великих исламских мыслителей были инструкции, как именно и куда вставлять провод неверному, при каком токе неверный начинает кричать и где главные болевые точки, при которых неверный все расскажет. Когда в учебниках рядом с учебным материалом идут подобные высказывания и инструкции, это уже не ислам, это нечто другое.

Вот что сейчас началось. Как говорил Горбачев (не к ночи будь помянут), «процесс пошел». Он реально сформировался. Татарстан для нас – самая тяжелая точка. Кавказ все-таки находится на краю, Татарстан в центре, и все трубопроводы и газопроводы сходятся в Альметьевске. Если взрывается Татарстан, то Европа – холодная, а Россия – голодная.

Этот процесс крайне опасен. Казалось бы, любой нормальный вменяемый человек точно так его и должен понимать. Казалось бы, это нечто безусловное. Никто из наших политиков не может поддерживать Хизб ут-Тахрир. Ну, это все равно, что поддерживать бен Ладена. Басев мягче, чем Хизб ут-Тахрир. Тем не менее это документально доказанный факт, в Татарстан приезжает политик по фамилии Удальцов и заявляет, что в борьбе с Кремлем все должны быть союзниками и что главный наш союзник – Хизб ут-Тахрир и татарские националисты-сепаратисты. Это не какие-то там клеветнические измышления, это многократно подтвержденный факт. Удальцова несколько раз спрашивали, являются ли подобные заявления его позицией, он ответил – да, являются.

КТО БУДЕТ ИСПРАВЛЯТЬ СИТУАЦИЮ?

Возникает, с моей точки зрения, самое опасное, что только может быть в стране. Все благородные протестные негодования людей: против вхождения в ВТО, против проводимой либеральной политики, против повышения налогов, против повышения тарифов на ЖКХ, против повышения цен (французские аналитики сказали, что в этом году в России цены возрастут на 37%, а валовый внутренний продукт – на 3,5%) – все это протестное негодование будет схвачено и направлено не на цели, отвечающие национальным интересам, а на разрушение страны.

В сущности, то же самое происходило в перестройку. Огромное количество людей было недовольно номенклатурными привилегиями, застоём. Но во главе движения против всего этого встали люди, ратующие не за очищение социализма, и не за более высокие темпы развития страны, и не за оздоровление ее от коррупции – все эти лозунги были перевернуты с ног на голову. Они повернули направление движения, и мы получили развал страны и криминальную экономику. Это называется «благими намерениями выложена дорога в ад».

Сейчас опять делается попытка в очередной раз абсолютно благие намерения повернуть в ад – в ад очередного государственного развала. Выступают некие люди, убежденные марксисты, которых я очень уважаю, чье мнение по поводу Маркса я полностью разделяю (с некими поправками, о которых могу сказать отдельно). Эти люди много говорят про советскую власть, а потом заявляют: «Не надо жалеть путинскую РФ-ию. Это плохое государство. Чем быстрее мы его снесем, тем лучшее государство мы построим». Я это уже слышал двадцать лет назад. Одно государство снесли, а то, что построили, оказалось еще хуже. Если что-нибудь такое произойдет сейчас, то никто уже здесь ничего не построит, строить будет Хизб ут-Тахрир.

В чем же проблема надвигающихся действий? Московская публика и не хочет, и не может убивать и умирать. Она может ходить с шариками, махать руками, ну, максимум, может чуть-чуть подраться. Она не будет этого делать, а Хизб ут-Тахрир будет. Значит, как только российская протестная политика начнет соединяться с этими тенденциями, получится следующее – станут стрелять (поверьте мне, станут). Власть отреагирует. Тогда будет сказано, что власть, которая против протестующих выступает, омерзительна. Это будет поддержано на Западе: сначала будут подброшены деньги и оружие, потом будут подброшены волонтеры из сопредельных стран, потом инструктора и так далее. Это и есть сирийский вариант. Я кожей чувствую, что он приближается. Воз-

можно, это будет не следующей зимой и не следующей весной. А может быть, это придет и очень скоро.

И весь вопрос сейчас заключается в том, как будет оформлен протест, в какую сторону будет направлен, будет ли он державный, поймут ли люди после двадцати ужасных лет, которые они провели, что второй раз потерять страну они не могут, что государство они отдать не могут, что они не могут поддерживать антигосударственные силы, что вполне можно сделать так, чтобы любой протест был протестом не против России, а против власти. Поймут, где проходит грань между страной и властью. Грань была стерта. Раньше это все называлось «совок», теперь это называется «РФ-ия».

Как ни относиться к существующей власти и ко всему остальному, но это совершенно не значит, что можно опять потерять страну. Могут быть любые союзники, левые, правые, если они хотят большого государства, если они хотят справедливости человеческой жизни, это правильно, нормально, это требуется поддерживать и развивать. Но, если начинает вклиниваться Хизб ут-Тахрир, татарские сепаратисты и другие, здоровый процесс превращается в онкологию. Вот грань, ты сделал еще один шаг – и это уже смерть. И я не могу понять, когда же эта грань будет осознана каждым гражданином.

Второй процесс я сейчас увидел в Архангельске. Что можно выдумать в Архангельске? Это же не Татарстан. Выдумали! На большие норвежские деньги сооружено движение поморов. Все всегда знали, кто такие поморы. Поморы – это русские, которые живут у моря. Когда я сейчас выступал в Архангельске, я говорил, что есть Великий Русский Север и это замечательное место, это соль земли русской. Туда действительно не заходили ни Батый, никто из завоевателей. Он сохранился в своей первозданности, он всегда защищал Россию, под Архангельском громили шведов и прочее.

Теперь говорится, что поморы не русские, что это абсолютно отдельный народ. Я сам не понимал, когда услышал такое: (я не верил): «Поморы – вообще не русские, это совершенно другой народ, а вот норвежские поморы и поморы здесь – это единый народ. Поморье должно отделиться от России».

Пишется поморский язык – искаженный русский, издаются на огромные деньги норвежские учебники. Архангельский государственный университет создает центр, празднуются специальные поморские праздники, и все это делается не для того, чтобы сказать, какой огром-

КТО БУДЕТ ИСПРАВЛЯТЬ СИТУАЦИЮ?

ный вклад север России внес в русскую жизнь, а для того, чтобы отделить этот север!

Такой процесс в науке называется «трайбализация». Русские как этническое целое начинают дробиться на поморов, сибиряков и всех прочих.

Сейчас я еду в Сибирь, там поднимает голову сибирский сепаратизм. На Дальнем Востоке существует организация «ТИГР», которая провозглашает, что Дальний Восток – это не русские. Казаки начинают оформлять это движение.

И мы опять начинаем входить в стадию, в которую входили двадцать пять лет назад. Казалось, что раз и навсегда население наелось всем этим и повторение невозможно. Однако корабль Российского государства все же плывет в эту сторону, он движется в интересах богатых, проедаются наши ресурсы, у нас не остается шанса в XXI веке.

Этот корабль надо повернуть. Можно спорить о том, какое направление лучше, куда надо идти. Для этого есть народные голосования, для этого есть дискуссия, для этого есть все.

Но вместо этого говорят: давайте мы этот корабль взорвем. – А почему мы его должны взорвать? – А потому, что он идет в плохом направлении. – И что, что он идет в плохом направлении? Что будет, когда мы его взорвем? – Будут обломки. – И что? – И мы замечательно заживем на обломках. – А почему вы заживете замечательно? – А нам норвежцы говорят, что, когда мы станем поморами и отделимся, у нас будут и алмазы, и лес, и все... – Я отвечаю: и норвежцы будут вашим старшим братом.

Пока вы русские, пока вы едины, норвежцы – это «кот», а вы – «слон». И что может сделать «кот» против «слона»? Но если поморы отделяются, они становятся «мышью». И норвежцы сожрут эту «мышь». И они готовят сейчас эту «мышь» не просто так, они готовят ее для того, чтобы скушать.

А что такое казаки отдельно от России? Они же нашли свою собственную ДНК. Вы не знаете, что они нашли свою ДНК? Во всех газетах пишут, что ДНК казаков отличается от русской. Началось сумасшествие с ДНК. Могу вам рассказать, что по ДНК определить принадлежность к этносу нельзя. Этнос – это явление культурное. Существует спор двух школ, так называемой примордиальной и конструктивистской, что такое этнос. Нашлись такие, кто утверждает, что у казаков ДНК отклонена и что казачество у них в крови.

Сибиряки – это очень серьезная тема.

Но самое, конечно, серьезное – это тема радикального исламизма. И это как раз то, что может очень сильно изменить весь характер сегодняшнего процесса.

Подобные вещи происходят сейчас, когда совершенно понятно, что нельзя отступать ни на шаг. Такой усеченной, без Украины, без Белоруссии, без Крыма, когда Россия была такой? Если и дальше это усечение продолжится, это будет означать, что ни детям нашим, ни внукам в своей державе не жить, и абсолютно не факт, что они окажутся под замечательной опекой норвежцев. Большая часть из них окажется под опекой китайцев или Хизб ут-Тахрира. Что, поверьте, примерно одно и то же. По жестокости и последствиям. Поэтому еще и еще раз повторю, что подобные темы нужно проговаривать. Что есть огромное количество тем в нашей политике, которые перестали проговаривать. Вы, наверное, заметили, что с телевидения вообще исчезли аналитические программы. Народ должен перестать думать. Смотреть бесконечные сериалы и прочее.

Теперь я хотел бы поговорить о тех процессах, которые происходят в нашей глубинке, потому что, если говорить совсем честно, они в каком-то страшном смысле неоднозначны. Мы все понимаем, что эти процессы плохие и в каком-то смысле предыдущая жизнь была праведнее. Но... Вот я провел месяц в очень глухой костромской деревне, где рядом находится заброшенная фабрика. Раньше это была картонная фабрика, где люди трудились и получали зарплату. Сейчас там никто не получает никаких зарплат. Разрушенное здание, разоренная библиотека, медицинский пункт... Но магазинов много. Зарплаты нет. Магазинов четыре, и в них каким-то барахлом (не будем обсуждать, каким) все забито и все в изобилии. Но странно и страшно не это. Приходит женщина к продавщице и говорит:

– Запиши мне чипсы картофельные, у меня нет денег, запиши... Сколько?

– 420 рублей.

– У, как дорого.

– Выше цена стала.

– Ну, запиши, все равно. Запиши. Я беру.

Моя жена спрашивает:

КТО БУДЕТ ИСПРАВЛЯТЬ СИТУАЦИЮ?

– А зачем вам это нужно? У вас же картошка на огороде. Вы ее пожьете, пожарьте на постном масле. Будет вкуснее и здоровее, вы же не знаете, что там, в этих чипсах. И ничего не будет стоить.

Она говорит:

– Я понимаю, но ребенок плачет, хочет чипсы, он их видел по телевизору.

Если бы в народе, сведенном с ума телевидением и всем прочим, проснулся здравый смысл, и это плохо живущее большинство консолидировалось, как консолидируются люди в экстремальных условиях, на зимовках, например, и как-то эту тяжелую ситуацию переламавают, то было бы легче.

Но процессы, к сожалению, идут не так. И нельзя, особенно невозможно людям, хорошо живущим, стопроцентно доказать, почему тогда было хорошо, а сейчас – плохо. Они знают, что они тогда жили хуже, что у них было меньше благ, не такая хорошая дача, не было ничего за границей, не было такой машины, не было того, сего. Я сейчас попытаюсь сформулировать наиболее ясно, что именно произошло, не так чтобы тут встать и начать петь, как все было замечательно и как все стало ужасно, просто приведу некоторые расчеты, которые описывают процесс. Мы много поработали над этим. И не мы одни.

Есть ученые, которые год за годом собирают статистику. И отражают ее на графиках. И график таков: начиная с 1913–1914 года с квадратного километра сельскохозяйственных угодий в среднем выдавалось столько-то продукции, потом больше... Совершенствовались способы пахоты, сева и т.д., и становилось урожая больше, больше, больше. В гражданскую войну стало чуть-чуть меньше, в конце двадцатых опять больше. И несмотря на все, что описывают как ужасы коллективизации, уже никогда не становилось меньше. Я не говорю, что жизнь была хорошей, я говорю о кривой, на которой изображена не жизнь людей, на ней изображено, сколько с квадратного километра собрано урожая. Или с квадратного метра, не важно, или с гектара. Показатель все время рос по данным всех аграрных центров, я отвечаю за это. Он упал после 1991 года в 3,4 раза и подняться не может.

Иногда говорят, что в Краснодаре стало лучше. Во-первых, это неправда. Ни в Ставропольском крае, ни в Краснодаре не стало лучше, там просто что-то удержалось. Но в среднем в стране? Стало больше каких-нибудь домиков, и в них красивых унитазов, а страна потеряла в три

раза продуктивность сельскохозяйственной земли. В три раза, ни одна страна в мире не потеряла столько!

Вторая кривая – валовой внутренний продукт. Он рос. Люди скудно жили, да, не было этого изобилия в магазинах, но валовой внутренний продукт рос. С 1991 года он упал в те же три раза. Что случилось? Война? Этого и в войну не бывает... И в 1941–1945 он так не падал.

Третий процесс – знаменитый «Русский крест». Есть страны, в которых нарастает продолжительность жизни, а деторождаемость падает, есть страны в которых, наоборот, огромное деторождение и короткая жизнь, где-нибудь в Африке. Солдаты там – мальчишки по 10 лет. Но нет страны, в которой и продолжительность жизни, и деторождение падают одновременно. Детей рожают меньше, и люди живут тоже меньше. Это называется «Русский крест», и все говорят, что за 20 лет потери не меньше 18 млн. людей, больше миллиона в год. И я до сих пор не понимаю, точны ли данные последней переписи, у меня нет гарантий.

Вот три процесса.

Ну, хорошо, ну, кофточки в магазинах стали чуть-чуть разнообразнее. Машины появились. А разве это окупает, окупает то, что возникло, – эти три процесса?

Я назову и четвертый процесс. Я долго добивался у разных ведомств, сколько у нас беспризорных детей. Во-первых, никто не может объяснить мне, почему они вообще есть. Это что, гражданская война? Что происходит в стране, откуда беспризорные? Одни говорят – три миллиона, вторые – два и четыре, третьи – пять, и это все официальные ведомства. Мы пересчитали количество свиней, крупного рогатого скота, а беспризорных детей пересчитать не можем. Не то что не можем их сделать «призорными», мы их пересчитать не можем. Это четвертый процесс.

Ну, пусть будет еще три вида кофточек, пусть будет пять видов мороженого и двенадцать сортов сыра. Это стоит трех миллионов беспризорных детей? Можно поделить людей на два типа, тех, кто считает, что стоит, – направо, а тех, кто считает, что нет, – налево. Вы готовы, чтобы у вас дом был на 30 метров больше, а беспризорных стало на миллион больше?

Пятый процесс. Никогда русские не снижали планку культуры, что бы ни происходило в XVIII, XIX, XX веке. Большевики – не большевики... Никогда русские не снижали планку культуры. Они все время ее

КТО БУДЕТ ИСПРАВЛЯТЬ СИТУАЦИЮ?

повышали. Эйзенштейн, Станиславский, Мейерхольд, Таиров, Вахтангов, Шолохов – планка культуры все время поднималась. Я не могу смотреть телевизионные сериалы. Я не могу смотреть их не потому, что они глупые, пошлые, криминальные. Русский актер не имеет права так играть. Идет чудовищная декультурация, чудовищная, понижение культурной планки, впервые за столетия. И это все видят. Нет человека, который это не понимает. Все оскотинено, все рассчитано «на низ», на низкие потребности.

Образование. Здравоохранение. Это не коммунисты кричат, а Всемирная организация здравоохранения, которая по сумме дешевизны и качества ставила советское медицинское обеспечение на второе место после кубинского, сегодня указывает на девяносто седьмое, официально. Я не буду говорить о преступности. Я не буду говорить, что в тысяча девятьсот восемьдесят каком-нибудь году я мог спокойно смотреть на то, что моя дочь выходит во двор гулять. Кто-нибудь сейчас на это решится?

Мы потеряли все. Это цивилизационная катастрофа. И на фоне этой цивилизационной катастрофы вместо разумного аскетизма – чипсы. Интернет – и возможность наслаждаться порно. Люди не работают и пьют. Богатый слой просто озверел. Он просто озверел, весь. И когда они говорят: «А давайте поменяем этого на того, а того на другого», – это смешно. Переставлять подобные фигурки смешно. Прежде всего надо признать, честно и перед всеми, что приобретения не покрывают издержки.

Все то, что называется завоеваниями эпохи, даже если оно и есть, барахло по сравнению с тем, что потеряно. Потеряли нечто фундаментальное и главное, а все, что подсунули взамен, есть то, от чего можно отказаться. Кофточек может быть меньше, этих машин, если есть хороший общественный транспорт, тоже может быть меньше. Жить можно скуднее, но жить в стране, в которой твои дети получают образование, становятся докторами наук, живут от этого лучше и счастливее работают, в стране, которая развивается, двигается вперед. А потом, наверное, можно сделать так, чтобы было и побольше кофточек. Но если все время заикливаться на благополучии и не видеть, какие идут процессы... Хорошо, построили большой дом, но завтра это будет замечательный дом какого-нибудь хизбуттахрищика. Он придет, посмотрит, кто в нем живет, медленно, как барану, перережет горло и заселит туда свою семью.

Первое, что нужно сейчас сделать, с моей точки зрения, это все-таки признать потери, найти в себе мужество сказать об этом, понять, что такое была советская жизнь, что можно восстанавливать, кто это может делать. Если большинство твердо понимает, что оно совершило ошибку двадцать лет назад и надо выворачивать в определенную сторону, оно вывернет. Говорите правильные слова на всех базарах, идите к людям и говорите. Потому что потом будет поздно, как слепых котят в очередной раз потопят, и будет опять сказано, что хотели лучшего, а получилось черт знает что...

Чтобы этого не произошло, мы и создали свою организацию. И я убеждаю, убеждаю здесь сидящих – идите в депутаты, идите в муниципалитет, идите в народные массы и попытайтесь открыть людям глаза. Варианта два. Откроем или не откроем. Откроем – спасем. Но даже если не откроем и погибнем со своим народом, то, по крайней мере, не будет ощущения, что мы трусы, падаль такая, у ног Хизб ут-Тахрир, что мы не сделали по-настоящему все, что могли.

Надо сказать народу эту правду, постараться его организовать и главное, сделать так, чтобы его благородная энергия не была бы направлена на его же уничтожение. Слепых можно поволочь куда угодно. Когда народ прозреет, он поймет. Но наше дело это сделать. Не будет национально-освободительной борьбы без национальной интеллигенции. И нужно честно признать, что большая часть этой национальной интеллигенции свой народ с ликованием предала. А теперь пытается еще использовать его как чушку, для того, чтобы грохнуть дом и похоронить под обломками. И надо твердо сказать, что мы им этого не позволим. Что есть другая интеллигенция. Я хочу верить, надеюсь, что не одно движение «Суть времени» это делает, есть и другие, и мы будем это делать вместе. Сейчас не время умствовать, сидеть у себя в кабинете. Не время радоваться, осваивать полученные дополнительные возможности, они ничего не стоят, потому что когда страна погибнет, и ты погибнешь, погибнешь и духовно, потому что ты без нее жить не можешь, и человечески, потому что все это будет принадлежать завоевателю.

И мне кажется, что внутри простоты и доступности, с которой я сейчас говорю, может быть, есть что-то, что дойдет до умов и сердец. От здесь сидящих, от сидящих на сцене и от моих соратников по организации, от внутреннего патриотического актива области зависит то, в какой мере народ пробудится от этого сладкого кошмарного сна. И тогда,

КТО БУДЕТ ИСПРАВЛЯТЬ СИТУАЦИЮ?

может быть (и не может быть, а точно), мы будем знать, что делать. Вопрос только в том, кто это будет делать. Если существует активное, консолидированное, державное, патриотическое большинство, которое поворачивает корабль, уверяю вас, оно его повернет. И никто, никто этому не помешает. Это произойдет мягко, спокойно и в правильном направлении.

Не происходит же это только потому, что это большинство отчасти спит, отчасти соблазнено чипсами. Интеллигенция считает, что она отсидится. Московская интеллигенция вообще считает, что она очень хорошо грызет кость, которую ей кинул, так сказать, богатый класс, и что там есть очень вкусные кусочки мяса. Это все вместе составляет нашу погибель. Такую, как никогда. Но открытые глаза – это уже огромная часть спасения. Консолидация людей – вторая часть. А стратегию мы можем обсудить, и никакого труда ее сформулировать нет. Главное всегда, КТО будет делать. В России очень любят рассуждать: «Что делать и кто виноват?» И никто не хочет спрашивать: «Кто будет исправлять ситуацию?»

Я считаю, что большинство, руководимое подлинно национальной патриотической интеллигенцией, может исправить ситуацию. И в России сейчас есть для этого основания. Нет же чего? Нет воли к организации этого большинства. Есть какое-то внутреннее ощущение собственной слабости. Люди понимают, что принадлежат большинству, что они хозяева. Но они тем не менее смотрят на меньшинство, которое делает с ними, что хочет, как на каких-то могучих инопланетян, которые куда хотят, туда и вертят.

Не будут они вертеть, куда хотят, если большинство окажется в нужном состоянии. А привести его в это состояние – дело национальной интеллигенции.

Телевидение делает нас
образованнее.
При виде включенного телевизора
я ухожу в соседнюю комнату
и принимаюсь за чтение.

Джулиус Генри Маркс

Всякую вещь, безусловно, лучше совершенно не изучать, чем изучать поверхностно, потому что здравый человеческий рассудок, желая высказать свое суждение о вещах, не совершает таких промахов, как полуученость.

Георг Кристоф Лихтенберг

Хажисмель Тхагапсоев

**ОБРАЗОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ – ВВЕРХ
ПО ЛЕСТНИЦЕ,
ВЕДУЩЕЙ... ВНИЗ**

(ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ НАШИХ РЕФОРМ)

УДК
37

The article deals with strategies of the Russian education. The focus is made on these strategies adequacy to the real challenges Russia confronts now. The inevitable multiple and relative character of crises in education in the environment of the present day dynamics of social history is emphasized. The author concludes that prevailing in Russia nowadays strategies of education development are haphazard, non-systemic and that ideas and practices of the 1990s radical Liberalism dominate in these strategies due to the inertia. The issue of necessity to correct strategies of the Russian Federation education development, with real peculiarities of the current stage of the Russian civilization transformation including acute demand to formation of the Russian national identity taken into due account.

Ключевые слова: образование; университет; глобализация мира; общество знаний; кризис; вызовы образованию; стратегии развития образования; болонский процесс; идентичность.

Key-words: education; university; globalization; knowledge society; crisis; challenges to education; education development strategies; the Bologna process; identity.

E-mail: gapsara1@gmail.com

К числу характерных особенностей современной России и ее политической практики относится централизация едва ли ни всех сфер бытия – управления, экономики и финансов (по различным данным свыше 60% всех финансовых средств РФ сосредоточено и обращается в Москве), научной и культурной жизни. В этом смысле за исключением столицы и еще 5–7 крупных деловых и промышленных центров (Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Красноярск, Екатеринбург, Томск и др.) вся Россия являет собой провинцию. Модель иерархии «центр–периферия» теперь перенесена и на сферу образования. Директивно выстроена такая система стратификации (общенациональные университеты – МГУ им. Ломоносова и СПбГУ, федеральные – каковых уж 7, исследовательские – общим числом 29), которая обрекает около 96% всех российских вузов (961 из 1 000 ныне действующих) к «провинциальному бытию». Но в какой мере оправдан подобный «стратегический ход»? Ведь университет по сути своей призван снимать и преодолевать всякие формы провинциализма – интеллектуального, культурного, технологического. А шире – в какой мере стратегии, практикуемые в современной России в сфере образования, адекватны вызовам времени и российского общества?

Данная статья является попыткой найти ответы на эти вопросы.

Как известно, любая стратегия зависит от того, как понимается сущность объекта стратегии и цели стратегических действий. Такой сложный феномен, как образование, вероятно, может определяться и интерпретироваться по-разному, но что оно (образование) является механизмом воспроизводства культуры и способом социализации человека в контексте конкретных вызовов времени и места («здесь и сейчас»), едва ли нужно доказывать. В этом смысле перипетии культуры и цивилизации, политики и идеологии, экономики и технологии, – их взлеты и кризисы, – неизбежно становятся судьбой образования, диктуя стратегии его развития.

Состояние современной цивилизации осознается не иначе, как «пороговое», как преддверие смены всех форм жизнедеятельности человека – от экономико-технологических до экзистенциальных. Соответственно, и в роли главных мер бытия человека и социума ныне чаще всего выступают масштабы, темпы и многообразие перемен, коими охвачены базовые сферы жизни – культура, технология, познавательная практика, коммуникативные отношения. При этом динамика перемен такова, что проблематичной является сама возможность выразить суть, дух и облик «предстоящего» (вот-вот грядущего) социального бытия. На это претендует целая вереница определений: постиндустриальное / информацион-

ное / креативное общество, «эпоха постэкономики», «общество знаний» и даже «эпоха постчеловека». Как быть образованию в этой ситуации, как преломить в своем содержании, ценностно-целевых ориентирах, методах и формах организации этот необычайно динамичный процесс тектонических сдвигов и перемен в бытии человека, общества и культуры, что ныне происходит на наших глазах?

Понятно: образование здесь неминуемо обречено на отставание от «хода времени», на неадекватность его вызовам, на перманентный «поиск самого себя», что с 60-х годов XX в. повсеместно (практически во всех развитых странах) фиксируется и настойчиво манифестируется как «современный кризис образования». И происходит это, заметим, на фоне технологических революций и культурных инноваций, которые сформировали нынешний облик мира и постоянно его обновляют.

**ТАК ЛИ СТРАШЕН КРИЗИС
ОБРАЗОВАНИЯ,
КАК ЕГО ... «МАЛЮЮТ»?**

Кризис, какие бы неприятные ассоциации ни вызывала мысль о нем, являет собой неотъемлемый аспект развития. И проявляется он (кризис) как некий перелом состояния субъекта

развития (в данном случае – образования), при котором практикуемые «здесь и сейчас» средства регулирования и развития становятся неадекватными, вызывая различные проблемы, нежелательные ситуации и тренды. При этом «степень драматизма» кризиса может быть разной. Одно дело – кризисы в таких трудно поддающихся управлению системах, как экономика или политическая система, в рамках которых действует множество несовместимых интересов и противоборствующих акторов, оборачивая кризис в хаос и опасные неуправляемые конфликты. Другое дело – сфера образования. Здесь, как и в науке, конструктивистские и конвенциональные начала (педагогические идеи и технологии, нормативные акты управления, механизмы финансирования) играют решающую роль. В этом контексте очевидно, что кризисы в образовании могут носить (и носят) не только объективный, т.е. контекстно-обусловленный, но и «рукотворный» характер, порождаясь ошибками и просчетами организации и управления. А значит – кризисы в образовании носят «перманентный» характер.

Кризис образования имеет еще одну очевидную особенность: формы его проявления, как и последствия, критическим образом зависят от конкретного социально-культурного контекста, в отличие, скажем, от финансовых кризисов, унифицированные формы которых всюду проявляются одинаково.

После этих замечаний впору задаться вопросом о тех кризисах образования, что сегодня заявляют о себе, принуждая к реформам и модернизациям этой сферы, об их сущности и истоках, а главное – о возможных способах их «снятия» в конкретных условиях «здесь и сейчас».

**КРИЗИС ОБРАЗОВАНИЯ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР**

Сегодня в мировом образовательном сообществе особенно активно обсуждается вопрос о кризисе университета (хотя в России, которая, увы, все еще пребывает в системном кризисе, доминирует риторика «модернизации и реформирования» – без прямого апеллирования к идее кризиса, его истокам и формам проявления). При этом идейно-смысловые горизонты дискурса по поводу этого кризиса так или иначе задаются известной книгой Б.Ридингса «Университет в руинах»¹ и дискуссиями по схеме «за и против» болонских процессов².

Что касается Б.Ридингса, его идеи, заметим, – из разряда бесспорных. Ключевая из них сводится к следующему: европейский университет возник и веками развивался как основание национальной культуры, соответственно – как важнейший фактор формирования и консолидации нации и демиург ее идентичности, а в связи с этим – как опора и альтер-эго национального государства. Теперь (в нашу эпоху) ситуация изменилась: в современном глобальном мире пространственные и культурные границы государств рухнули, а само государство неуклонно скатывается в статус младшего партнера транснационального бизнеса (ТНК). Иначе говоря, государство более не является ключевым актором историко-культурного процесса, а значит, и бывшие функции университета становятся анхронизмом, «руинами» бытия. Так выглядит суть кризиса университета по Б.Ридингсу.

Однако здесь напрашиваются уточнения – «руины» в данном случае скорее фигура речи и полемический прием. Ведь, как бы к этому ни относиться, университет, перестав в чем-то быть ключевым институтом национальной культуры и национального государства, теперь обретает новый модус (переходит в новую парадигму), а именно: становится типом и формой корпоративного «бизнеса на знаниях», движимого

¹ Ридингс Б. *Университет в руинах*. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – 300 с.

² Белоцерковский А.В. *Дороги, которые мы выбираем // Высшее образование в России*. 2010. №2. С.32–39; Ивахненко Е.Н. *Российский университет перед лицом принудительных эпистем неоглобализма // Высшее образование в России*. 2008. №2. С.122–129.

ценностями либерально-рыночной культуры (успешность, эффективность, лидерство, прибыль и т.д.). Образ руин представляется просто неуместным, если учитывать особенности того общего политико-идеологического, социально-экономического и научно-технологического контекста, в рамках которого бытует европейский университет во второй половине XX века – в эпоху «руинизации университета» по Ридингсу. Этот период истории Европы отмечен целым рядом радикальных перемен в социальном бытии, прежде всего расцветом неолиберализма под известным лозунгом М.Тэтчер «Да здравствует право на неравенство!» и распространением неолиберальных идей:

- свободный рынок и неограниченная конкуренция суть главные средства обеспечения экономического и социального прогресса;
- общественные связи-отношения являют собой разновидности рыночных отношений, а значит – образование, здравоохранение и культура также являются сферами и формами услуг;
- глобализация мира – естественный механизм и имманентная форма развития рынка, вне которого не могут оставаться и сферы услуг³.

Примерно в это же время на арене социальной мысли заявляют о себе идеи-концепции «информационного общества»⁴ и «общества знания»⁵, переход к коему неизбежно предполагает появление и соответствующей экономики – «экономики знаний». А это, в свою очередь, в полный рост ставит вопрос о новой роли и месте университета на рубеже двадцатого и двадцать первого веков. Таким образом, «метафорическая руинизация» университета (в ученых монографиях) и реальный прорыв социальной мысли к идее «общества знаний» случились одновременно, что, полагаем, вполне закономерно.

Впрочем, 70-е – 90-е годы двадцатого века отмечены еще одним важным явлением. Речь идет о коренной ломке гносеологической культуры – установка на технологию (поиск новых технологий, их истоков) становится главной доминантой познавательной деятельности. В этом контексте и науки все жестче подразделяются на теоретические (науки для себя) и технологические («науки дела»)⁶. Более того, формируется

³ Панарин А.С. *Политология*. М.: Университет, 2000. – 320 с.

⁴ Термин введен Ф.Махлупом в 1962 г.

⁵ Понятие предложено П.Дракером в 1994 г. и получает широкое распространение с начала 90-х годов.

⁶ Юревич А.В. *Асимметричное будущее* // *Вопросы философии*. 2008. №7; Мамчур Е.А.

представление о принципиальной и неустранимой погруженности науки в технологический дискурс о том, что именно в технологиях проявляются главные цели и предназначение научного знания⁷. Иначе говоря, в пору «руинизации университета» складывается такая культура научного познания, в рамках которой мир видится не только и не столько как предметное множество, требующее проникновения и осмысления (что было идеалом университета и университетского академизма), сколько как набор процессов, которые могут быть превращены в технологии. Соответственно, и формой бытия науки становится не только и не столько генерирование знания, сколько порождение и тиражирование технологий. Остается добавить: указанные феномены разворачиваются в условиях ускоряющейся глобализации мира.

Если учитывать обрисованные контекстные условия существования европейского университета в XX веке, мог ли он (университет) и далее бытовать в ключе романтических идей разума (Кант) и культуры (Гумбольдт), как в эпоху Просвещения? Ответ очевиден – нет. Университет, конечно же, изменился столь же радикально, что и контекстные факторы собственного существования: возник новый модус университета, корпоративный университет эпохи глобализации мира, который ориентирован не только на выработку научного знания и его трансляцию в культуру, но и на превращение знания в компетенции, товар, инновации, ноу-хау, технологии. В этом контексте разворачивается и болонский процесс, который вот уж на протяжении почти 30 лет вызывает острую полемику и самые разноречивые оценки.

Весьма характерна для этой полемики статья университетского профессора и политического журналиста Дж.Роджеро⁸. Она содержит ряд тезисов, с которыми трудно не согласиться (в силу их очевидности), как-то: производство знания в наше время выходит за пределы университета, болонский процесс ослабляет связь университета с государством, социализация научного знания всегда носит проблемный характер и т.д. Однако главная идея статьи в другом. Оказывается, если верить автору, суть современного кризиса образования заключается в нехватке болонскому процессу масштабности и интенсивности развития. С по-

Фундаментальная наука и современная технология // Вопросы философии. 2011. №3. С.80–89.

⁷ *Горохов В.Г. Проблема технонауки – связь науки и технологий // Философские науки. 2008. №1. С.33–57.*

⁸ *Роджеро Дж. Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета. URL: //http://magazins.russ/nz/2011/3*

добным утверждением трудно согласиться. Ведь болонский процесс являет собой лишь один из механизмов бытия университета – не более того. Но самое примечательное в рассматриваемой статье в том, что ее автор утверждает: «Для того, чтобы разобраться в преобразованиях, переживаемых нынешним университетом, нам нужно освободиться от культа знаний, который в течение длительного времени был частью левой политической традиции». Вот так! Получается, неолиберализм, хотел бы (хочет) встроиться в общую канву своей социально-политической, экономической и культурной практики сферу образования и его тренды через болонский процесс, избавившись при этом от культа знания (академического знания, надо полагать, – ведь болонский процесс отдает предпочтение формированию «компетенций», в структуре которых преобладают навыки действия, прикладные и рецептурные знания).

Понятно, это не может служить поводом для «окрашенного» (позитивного или негативного) отношения к болонскому процессу; любое политико-идеологическое течение пытается использовать в собственных целях объективно существующие тренды развития форм и механизмов социального бытия – науки, образования, культуры, технологии. Как видим, не является исключением и болонский процесс. Тем более, что болонский процесс не ограничивается рамками образования – является политико-стратегическим инструментом и одним из механизмов глобализации мира, т.е. аспектом мировой политики⁹. В этом плане роль болонского процесса можно понимать и так: глобализация мира и сопутствующие ему формы информационного, когнитивного и культурного бытия требуют новых подходов к организации «системы производства» интеллекта, а значит – и новых форм образования¹⁰.

Однако проблема в том, что болонский процесс, как бы к нему ни относиться, несет угрозы и риски любому национально-государственному пространству образования и любой системе национального образования. Какова мера этих угроз, каковы формы и механизмы их проявления? Не должны ли быть эти вопросы в центре внимания государственной стратегии развития образования в стране? Увы, эти вопросы пока остаются лишь предметом беспокойности российского педагогического сообщества – вне внимания властей. При этом отечествен-

⁹ Медведев С.А. Болонский процесс, Россия и глобализация // *Высшее образование в России*. 2006. №3. С.31–37.

¹⁰ Долженко О., Тарасова О. Будущее: информационное многознание или Человек понимающий? // *Высшее образование в России*. 2009. №8. С.32–40.

ные критики болонского процесса активно используют термин «макдональдизация образования»¹¹, что, как нам представляется, явно упрощает ситуацию: ведь этот процесс имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Однозначно можно утверждать лишь то, что болонский процесс, будучи привержен идеям и принципам неолиберализма, усиливает рыночно-экономический подход к образованию, низводит его до разновидности товаров и услуг – в ущерб гуманистическим и общекультурным целям образования¹². В современной России это ощущается болезненно, поскольку неприемлемо по понятным причинам.

В то же время принципы болонского процесса порождены особенностями современного этапа социальной истории (глобализацией мира, новыми формами информационной и когнитивной культуры, нарастанием темпов социально-культурной динамики и др.). Это, если угодно, фактуальная данность, с которой следует считаться. И здесь трудно не согласиться с теми, кто полагает: России необходимо вписаться в него умно и эффективно¹³.

Итак, с одной стороны, парадигма европейского университета (которой следует и Россия) изменилась, а значит, болонский процесс, который базируется на этой новой парадигме, пока не имеет альтернативы. С другой стороны, в силу конкретных обстоятельств болонская стратегия оказалась более всего адаптирована к философии и социальной практике неолиберализма. В итоге создалась такая ситуация, когда, входя в его (болонского процесса) пространство и выбирая характерные для него организационные формы и технологии, мы оказываемся в тех ментально-культурных и поведенческих рамках, что стоят за этими технологиями, т.е. в рамках либералистских отношений к человеку, обществу, культуре, экономике. Принципиальный вопрос, к которому автор этих строк уже не первый раз пытается привлечь внимание, заключается в том, насколько это приемлемо в условиях России¹⁴.

Попытка ответить на этот вопрос приводит к другому, столь же непростому вопросу: «Что являет собой современная Россия в своих со-

¹¹ Байденко В.И. Болонские преобразования: проблемы и противоречия // *Высшее образование в России*. 2009. №11. С.26–41.

¹² Хагуров Т.А. Высшее образование между служением и услугой // *Высшее образование в России*. 2011. №4. С.47–58.

¹³ Белоцерковский А.В. О качестве и «количестве» образования // *Высшее образование в России*. 2011. №4. С.3–10.

¹⁴ Тхагапсоев Х. Г. Университет в современной России: технология как стратегический горизонт? // *Высшее образование в России*. 2011. №4. С.58–62.

циокультурных измерениях, а значит, в образовательных запросах и потребностях?»

Понятно, что этот вопрос не имеет однозначного ответа. С уверенностью можно сказать лишь одно: Россия сегодня предстает как сложнейшая социально-культурная и политико-экономическая система, в которой переплелись и противоречиво сосуществуют множество историко-культурных эпох и пространств, типов идентичностей и разновекторных трендов политического, экономического и социального развития, настоятельно требуя учета и отражения в стратегиях образования. Но у нас в стране почему-то ставка на болонскую стратегию стала абсолютной и императивной.

**БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС
КАК ПАНАЦЕЯ ОТ ВСЕХ БЕД
ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ?**

Так сложились исторические обстоятельства, что Россия ныне проходит, возможно, один из сложнейших этапов своей истории – этап преодоления советского уклада

жизни и далеко не самых удачных реформ политического и экономического бытия. Эти процессы разворачиваются в условиях глобализации мира и обострения конкуренции ведущих стран за интеллектуально-технологическое, экономическое и культурное лидерство на мировой арене, что ставит страну перед лицом множества острых вызовов и проблем. К этому надо добавить и следующее: общий модус российских реформ за последние двадцать лет менялся трижды – от радикального либерализма (неолиберализма) 90-х к реставрационно-эклетическому консерватизму «нулевых» и, наконец, к нынешнему правоцентристскому курсу, что в конечном итоге породило современную многослойную и противоречивую российскую социально-культурную действительность. Иначе быть не могло: в многоэтничной и поликультурной России все зигзаги реформенной политики оставили свои специфические следы, активно апеллирующие как к политическому курсу страны, так и к стратегии образования в стране.

В порядке иллюстрации к сказанному обратимся к известному примеру – к «параду этнических суверенитетов». Он отмечен, наряду с множеством политических и экономических абсурдов, еще и тем, что в республиках РФ обучение (образование) в школах и даже в вузе лихорадочно переводилось на национальные языки. Это, в свою очередь, породило в стране новую социолингвистическую ситуацию, а именно: резкое падение уровня владения русским языком в национальных регионах, что, к сожалению, пока никак не учитывается в стратегиях рос-

сийского образования. Замечу: с этой проблемой знаком не только теоретически, но и по работе в должности министра образования и науки одной из национальных республик. Другой пример – миграционные процессы в Москве и других мегаполисах России столь интенсивны, что в школу приходят дети, не владеющие русским языком, что, как бы к этому ни относиться, выдвигает на повестку дня запрос на педагога-билингва, которого, увы, нет в наших классификаторах вузовских специальностей.

Перечень «примеров провала» стратегии отечественного образования можно продолжать и продолжать – в их числе и спектр крайне острых и сложных проблем, относящихся к пресловутому «национальному вопросу». О чем идет речь? Реальная ситуация «культурного отката», порожденная в стране политикой 90-х годов, такова, что сегодня российские этнические культуры сосуществуют параллельно и мозаично (как и столетие назад), вновь выдвигая проблему их интеграции в общее и единое культурно-цивилизационное пространство. Здесь более всего уместны «мягкие» интеграционные механизмы хорошо поставленного образования. Вопрос в том, годятся ли при этом унифицированные и рыночно ориентированные методы болонской стратегии. Ведь Россия пока еще далека от рыночной культуры; к тому же ситуация усугубляется крайней неравномерностью развития наших регионов, что в конечном итоге порождает «зияющие разрывы» между болонским процессом и реальной готовностью «российской почвы» к его успешному восприятию и освоению на благо культуры и экономики.

На этом общем фоне создается впечатление, что наша «философия» бесконечных «реформ и модернизаций образования сверху» явно задержалась на идейных рубежах 90-х годов, на либералистском этапе «хождения в Европу», не воспринимает реальные сложности и «корявый портрет» российской действительности. А самый главный момент этой действительности состоит в том, что доминантный этнос страны – русский, – после «культурного шока 90-х» и «парада суверенитетов» (посеявших обиды в русском сознании), теперь явно сосредоточился на реставрации своего традиционного символического универсума¹⁵. Очевидным следствием стало нарастание консервативных тенденций в культуре и в политических предпочтениях, активизация этнофобий и клерикального сознания, явный рост критичности в отношении ко всему западному, включая болонский процесс.

¹⁵ Давыдов А.П. *Инверсия как культурное основание цикличности в развитии (к вопросу об объекте деконструкции в русской культуре)* // *Философские науки*. 2010. №1. С.25–30.

Вероятно, топ-менеджерам отечественного образования можно еще какое-то время не замечать эти проблемы, числя все это по ведомству политики (как сейчас имеет место). Но едва ли надолго. Ведь результирующим итогом постсоветских трансформаций является движение России к обретению новой национальной (гражданско-политической) идентичности, что сегодня становится если не главным, то одним из ключевых вызовов российскому образованию. Понятно, что становление новой идентичности – объективный процесс, который опирается на различные культурные механизмы и может иметь различные исходы¹⁶. Но, к сожалению, у нас в стране пока преобладают стихийные процессы – влияние масс-медиа и «конфликта стереотипов» в обыденной жизни. В итоге мы, как и в 90-х годах, остаемся в ситуации «поляризации идентичностей», когда из стен одних школ выходят ревнители татарского языка или задорной пляски «лезгинка», а других – охранители православно-казахской культуры, увы, не очень готовые к взаимному диалогу и поиску согласия. И пока сохраняется подобная ситуация, над которой почти безучастно парит нынешняя стратегия развития образования в стране, исторические перспективы России остаются под угрозой (если не сказать – призрачными).

Мы, как известно, в «нулевые годы» с большими издержками восстановили единое конституционное пространство страны. Но оно, как нетрудно понять, сохранится прочно и надолго, лишь будучи трансформировано (прежде всего – методами образования) в целостное единство культурно-цивилизационного пространства России, в единство гражданско-политической идентичности россиян. Где и как мы учли эти обстоятельства в наших российских стратегиях развития образования? Увы, пока – нигде и почти никак.

Для полноты «картины вызовов» в адрес образования современной России напомним, что наряду с вызовами «внутреннего» плана, вытекающими из отмеченных особенностей российской действительности, к нашему образованию (к университету, школе) обращено также множество вызовов «внешнего» порядка, диктуемых особенностями развития глобального мира и его ключевых сфер – науки, технологии, экономики, информационной и коммуникативной культуры, глобального рынка, наконец.

¹⁶ Крылов А.Н. *Эволюция идентичностей*. М.: НИИ, 2010. – 270 с.; Тхагапсоев Х.Г. *Идентичность как философская категория и мера бытия* // *Философские науки*. 2011. №1 (специальный выпуск). С.10–26.

Итак, с одной стороны, трудно рассчитывать на успешность России в глобальном мире (с его практиками научных мегапроектов, академической мобильности, старт-апов и транснациональной экономики), если наши ведущие вузы естественнонаучного, технического и медицинского профиля не будут встроены в систему этих практик, а значит, и в болонский процесс. С другой, – история и судьба нашей страны сложилась так, и запрос на идентичность, объединяющую россиян культурно и духовно в единую нацию, сегодня настолько значим, что требует системного отражения в стратегии образования, прежде всего в сферах гуманитарного вообще и педагогического в частности (которые должны бы стать оригинально российскими). А пока ситуация такова: принцип гламура «коммерческий успех и модное потребление – высший идеал» детерминирует наше гуманитарное образование, особенно школьное, в то время как для России, подчеркнем еще раз, вопрос об идентичности, о консолидации и интеграции народов и культур в единое гражданско-политическое сообщество (в нацию) на духовно-ценностных принципах является вызовом «номер один».

**ДИРЕКТИВНАЯ ЭЛИТИЗАЦИЯ
ВУЗА КАК ОТВЕТ
АКТУАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ
ОБРАЗОВАНИЯ
И ФОРМА ЕГО РАЗВИТИЯ?**

До сих пор речь шла о вызовах нашему отечественному образованию и мере их отражения в стратегиях функционирования и развития этой сферы, что, как убеждают факты, вызывает множество вопросов. Еще больше вопросов вызывают меха-

низмы, на которые опираются российские стратегии в сфере образования – ЕГЭ, стандартизация, индивидуальное финансирование обучающегося из госбюджета (ГИФО) и приказное назначение «элитных» и «ведущих» вузов, о чем выше уже говорилось.

Разумеется, можно только приветствовать, если государство создает условия для успешного развития университета, поощрения и «расковывания» его креативного потенциала, видя в этом путь, способ и механизм к повышению конкурентности страны на мировой арене. Но тогда университетская стратегия должна бы не замыкаться на директиву сверху «войти таким-то вузам в список 100 или 500 лучших университетов мира», а действовать системно. Именно: на устранение (с опорой на потенциал высшей школы) тех социальных, экономических, технологических и культурных разрывов между регионами, этносами и культурами, которые у нас образовались в 90-е годы и продолжают лишь нарастать. Иначе говоря, надо бы, чтобы в каждой области (республике, крае)

хотя бы один вуз располагал ресурсной базой и технологиями современного университетского процесса, что могло бы стать «драйвом» для страны в целом. А что касается директивного провозглашения «сорока особых вузов», то как стратегия это представляется неубедительным, а как институт – лишь формой монополизации статуса и имитации прогресса.

Здесь, вероятно, впору обратиться и к «прозаическим» аспектам нашей стратегии образования – к вопросам бюджетного финансирования вуза, оплаты труда преподавателя, принципам стимулирования к развитию, творчеству и инновациям. Парадокс состоит в том, что как бюджетные, так и рыночные механизмы, которые привносятся действующей стратегией в образование, «заточены» именно в пользу все тех же элитных вузов, что из «списка сорока». К сожалению, культура власти и управления у нас такова, что в стране отсутствует практика социальной экспертизы, на чем в мире оттачивается и выверяется наука в вузах, еще и зарабатывая при этом деньги.

Что касается российской экономики, она, как известно, пока скромна по масштабам и не отличается особой тягой к науке и сотрудничеству с университетом – все ограничивается сферой нефтегазовой отрасли, металлургии и оборонных направлений, что, заметим, почти целиком завязано на те «избранные» 40 вузов. Казалось бы, эти вузы, как «продвинутые» и ориентированные действовать на общем мировом пространстве образования, должны опираться главным образом на рыночные механизмы и меньше апеллировать к госбюджету страны. Однако все в наших стратегиях обстоит совсем иначе: директивно означенные «передовые вузы» имеют особо щедрое бюджетное финансирование. К тому же бюджетный процесс устроен так, что финансирование вуза прямо пропорционально сумме баллов в аттестатах поступивших в этот вуз, что опять-таки работает на тех же, из «списка сорока», куда рвутся лучшие выпускники всех школ России. Кому не хочется попасть в число избранных? В итоге бюджетное финансирование вуза поставлено в зависимость от результата, в создании которого вуз никакого участия не принимал. Получается так: бюджет страны сначала платит за создание брэнда «элитный вуз», а затем регулярно платит ренту под этот же брэнд из того же бюджета. Все это не очень вяжется с принципами болонского процесса и современного мирового корпоративного университета (действующего на глобальном рынке образовательных услуг), куда нам вроде бы прокладывают путь вузы из «списка сорока», но, увы, сильно напоминает укоренившуюся в нашей стране с 90-х годов практику монополизации любой формы ренты. Ведь «избранные

вузы из списка сорока» пока так и не попали в круг лучших университетов мира – единственным зримым результатом анализируемой нами «стратегии» развития образования в стране, увы, стало разве что появление резкого разрыва в оплате труда преподавателей и в уровнях бюджетного достатка государственных вузов страны, казалось бы, призванных решать сходные задачи.

Вот примеры. Покопавшись немного в интернете, я узнал, что профессор-гуманитарий некоего горного университета РФ получает ровно в 8 раз больше, чем автор этих строк (тоже профессор госуниверситета). Разумеется, я рад, что труд коллеги оценен по достоинству. Но хотелось бы знать, что же такого совершил мой коллега из горного университета в сфере гуманитарной мысли, от чего я как бы отстаю катастрофически – на целый порядок. К сожалению, мне не удалось найти ответа на этот вопрос. Но главное в том, что действующая российская стратегия образования вообще не задается такими вопросами. Еще один пример – ректорские зарплаты. Они, если верить открытым и доступным данным, почти в 19 раз (!) превышают средний уровень зарплаты в сфере высшей школы РФ. Если даже оставить в стороне немодные ныне вопросы о «морали-этике», остается открытым прагматико-управленческий вопрос о стоимости труда профессора в государственных вузах РФ, работающих, впрочем, по одним и тем же нормам и требованиям госстандартов, как и о сравнительной стоимости труда креативного профессора и ректора вуза.

Похоже, вопросами стоимости труда вузовского преподавателя и его стимулирующей оплаты в стране задаются разве что в пространстве политического пиара. Еще пример – доцент российского государственного вуза имеет зарплату в 8–10 тысяч руб. (профессор – чуть больше). Как возможно «воспроизводство качественного доцента» при таких зарплатах? Не призвана ли стратегия в сфере образования отвечать на эти вопросы, а точнее – решать их? Впрочем, ныне вводится весьма своеобразный способ решения оплаты труда в вузе: зарплата профессора (доцента, ассистента) будет зависеть не от уровня его квалификации и сложности выполняемой им работы, а от... географического места дислокации вуза, в котором он работает. Средний уровень зарплаты в том регионе, где размещен вуз, – вот отныне положенный ориентир заработка профессора. Если ваш вуз размещен в нефтегазовом или горно-металлургическом регионе, вам повезло, можете рассчитывать на зарплату в 80 и в 100 тыс. руб., а если на Северном Кавказе – хватит и 15 тыс. Это при том, что вы работаете в государственных вузах равного статуса, на бюджете и под управлением одного и того же российского

Министерства – образования и науки. Так вновь и вновь заявляет о себе «универсальная» социально-экономическая стратегия новой России – уповать на ренту. Но, как известно, рента не стимулирует к развитию, что относится и к сфере образования, – это видно по всем фактам.

Теперь о ГИФО, ЕГЭ и ГОС-ах. Принцип «деньги следуют за обучаемым» (принцип ГИФО) просто идеален, если исходить из того, что регулятором социальных отношений (и образовательных в том числе) является рынок, т.е. образование есть платная услуга. Тогда все просто: обучаемые выбирают лучшие школы и вузы, а худшие разоряются и уходят с рынка – в итоге качество образования растет. Однако дьявол, как известно, кроется в деталях. Ведь рынок начинается с возможности выбора. О каком выборе можно говорить в условиях нашей российской глубинки, где 70% школ являются «малокомплектными» (в стенах одной «малокомплектной» школы обучается от 3–5 до 50–70 учеников), а расстояние между «соседними» школами составляет десятки и сотни километров? И еще. Возможно ли, чтобы каждый учитель начальной школы, автомеханик, земский врач и агроном нашей необъятной страны получал образование в стенах 40 «избранных» и одаренных бюджетом вузов? И, наконец, может ли рынок образовательных услуг быть успешным при том уровне доходов российского населения, что мы ныне имеем?

О ЕГЭ так много и с основанием говорится и пишется, что осмелюсь добавить немного. Та философия и технология ЕГЭ, что настойчиво навязана и поддерживается сверху, по сути вредна для школьного образования. Она разрушает самое главное в школьном процессе – ориентир на мышление и на максимальное развитие культуры устной и письменной речи; разрушает в угоду тестовой технологии, которая может гарантировать в лучшем случае фрагментарные знания и обрывочные сведения.

О стандартах образования. Если бы они только очерчивали значимые ориентиры образования, а также «нижнюю планку» его приемлемого качества (как это теоретически полагается), к стандартам не было бы никаких вопросов. Однако в реальной жизни все обстоит иначе: наши стандарты в сочетании с тестированием в режиме «он-лайн» (т.е. из министерских кабинетов) неуклонно трансформируются в инструмент вертикализации власти и управления, мелочных регламентаций и явного посягательства на академические свободы (коих в наших вузах и так немного). Да и не мешало бы здесь определиться в главном – в мере сочетания стандартного и творческого в вузовском процессе. И еще – о пределах применимости в школе и вузах технологии тестирования, ко-

торые так и норовят формализовать все, включая и то, что по определению не может быть формализовано – гуманитарные знания (философию, литературу, историю, культурологию).

Как уже подчеркивалось, Россия после десятилетий поисков и ошибок теперь берет правоцентристский консервативный политический курс. Для подобного курса характерно то, что он держится реальной почвы реальной действительности. Может быть, настала пора и для корректировки стратегии российского образования, которая, как показывают факты, лишена убедительной системности; к тому же остается в идейном плену 90-х, когда понятное стремление поскорее войти в мировое образовательное пространство явно превалировало над реальными «внутренними вызовами» к образованию и их многообразием?

Как нетрудно понять, от изъянов ныне действующей стратегии более всего страдают «провинциальные вузы» и провинциальные системы школьного образования, призванные выравнивать и поднимать культуру России в самом широком смысле – политическом, экономическом, социальном, гражданском, научном, технологическом. Бытие образования в провинции сегодня напоминает грустную картину мучительного хождения вверх по лестнице, увы, ведущей скорее вниз. Те самые «не громкие» университеты и институты в областях, краях и республиках России, которые в свое время сотворили «чудо советского образования» – да и ныне поддерживают сносный уровень массового профессионализма в стране – деградируют на маскирующем фоне нескончаемой имитации движения нашего образования «по курсу Европы».

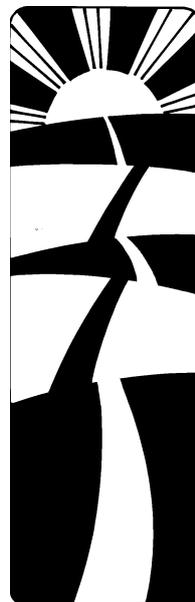
Для нашей эпохи, как хорошо известно, характерны необычайный динамизм и безмерное многообразие форм социального бытия, и оседлать ее (эпоху) возможно разве что посредством образования, высокого интеллекта, свободы и творчества, но не госстандартов, ЕГЭ и тестов, пригодных скорее для контрольных воцелений бюрократии и вертикали власти.

Мне кажется, любая политическая система может работать в случае единодушной поддержки. Но лучше всего функционируют те, которые меньше всего нуждаются в героизме. Потому-то капитализм, основанный на алчности, работает лучше социализма, которому требуется больше героизма и самопожертвований. Капитализм работает всегда, а социализм – лишь в тех случаях, когда люди обладают определенным количеством энергии и расположены к труду. Возможно, с точки зрения морали социализм выше. Это великая теория, только на практике из нее ничего не выходит.

Лоис Макмастер Буджолд

**В ужасе мы наблюдаем, что
капитализм, с тех пор как его брат
социализм объявлен мертвым,
страдает манией величия...**

Гюнтер Грасс

Виктор Мальков

«СОЦИАЛИЗМ» ПО-АМЕРИКАНСКИ¹

**К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ
ДОЛИНЫ РЕКИ ТЕННЕССИ**

СОВРЕМЕННЫЕ УТОПИИ

УДК
323.21

Based on rich material the article is the first comprehensive history of the Tennessee Valley Authority (TVA) written by the Russian historian. It is a telling case study of the TVA creation in 1933 and its organizational evolution from the New Deal years to the final stage of the World War II. The author traces the central issue of the New Deal's most dramatic project aimed to expand the governmental control over the economy and natural resources through public power, regional planning and new intellectual ideas for the transformation the New South area. President Roosevelt and the leading personalities in the board of directors of TVA (and among them David E. Lilienthal) had four principal goals. The first was to provide cheap electricity to homes and farms. The second was to provide jobs for unemployed. The third was to save from devastation the large territory of the depressed region in the South. And there was a fourth more ephemeral goal: that through public power, governmental ownership of some other services and publicly-owned distributorship could be created a model for a new and more prosperous form of society. Some contemporaries deeply believed that TVA was a big step to American sort of socialism.

Ключевые слова: Франклин Рузвельт, Дэвид Лилиенталь, Артур Морган, «новый курс», государственная корпорация, Администрация долины реки Теннесси, общественная собственность.

Key words: Franklin Roosevelt, David Lilienthal, Arthur Morgan, New Deal, state corporation, TVA, public power, public ownership.

E-mail: vic.malkov@mail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №10-01-00404.

...Не будет преувеличением сказать, что опыт нынешнего поколения людей наталкивает наиболее социально сознательных наблюдателей на сомнения в разумности видеть в денежной мотивации индивидуума способность автоматически обеспечить образцовый общественный порядок. По крайней мере, можно считать общепризнанным, что коллективный разум общества должен контролировать все основные экономические операции.

(Из статьи Гарольда Ласки, лидера британского лейборизма и профессора политологии Лондонского университета «Позиция и перспективы коммунизма», опубликованной в журнале «Форин Аффферс» за октябрь 1932 г.)

ХОРОШО СПЛАНИРОВАННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Для своего замечательного во всех отношениях очерка о Ф.Рузвельте, написанного где-то в середине 30-х годов и окончательно подготовленного к изданию в книге портретов «великих современников», вышедшей в 1939 г., Уинстон Черчилль избрал метод исторических параллелей. В нем он сравнивает «работу» Рузвельта с «работой» Гитлера и «русской альтернативой». Сравнение выявляет различие и, конечно же, оказывается целиком в пользу «героического эксперимента Рузвельта». Но сопоставление показало и нечто общее, что предопределено было, по мысли Черчилля, трагичностью и взрывоопасностью самой эпохи. Именно оно позволило автору очерка без стеснения назвать способ успокоения общества в кризисной ситуации и нахождения в нем самом резервов для стабилизации обстановки термином «диктатура». Пускай прикрытая конституционными формами, писал выдающийся английский политик и историк, но в Америке она дала максимальный результат. В чем его суть? Черчилль ответил на этот вопрос совсем не в духе английского консерватора. Не чураясь вольнодумства, он назвал главный секрет успеха «в расцвете творческих программ, с которыми навсегда будет связано имя Рузвельта»².

Дилемма, возникшая перед «первопроходцем» Рузвельтом, как это виделось Черчиллю, упиралась в вопрос выживаемости капиталистической системы в целом и в реальную опасность поворота к «азиатским концепциям», т.е. к национализации средств производства и уравниванию в сфере распределения, обмена и кредита. Именно перед таким выбо-

² Черчилль У. *Мои великие современники*. М., 2011. С.310.

ром, как это виделось Черчиллю, стояли Соединенные Штаты так же, как и другие развитые страны Старого Света. Захочет ли флагман капитализма – США – воспользоваться «спасительным плотом новой системы», маячившей на горизонте, вопрошал Черчилль, адресуя в неподдельной тревоге свой запрос непосредственно Рузвельту и самому себе³.

Поводов для беспокойства у нового лидера английских тори было предостаточно. Он видел, что мысль тяготеющего к какой-то разновидности европейского социал-реформизма вновь избранного в апогее экономического кризиса президента США развивается в русле создания опорных конструкций новой стратегии восстановления и развития. Черчилль не столько понял, сколько интуитивно угадал, что замыслы Рузвельта простираются дальше обычной операции по спасению страны от кризиса путем стабилизации экономики и укрепления ее опор. Историк А.Шлезингер дал исчерпывающе верный ответ. «С одной стороны, – писал он, – стратегия "нового курса" была оборонительной. Он был призван защищать свободу и возможности американцев от опустошений, которые принесли безработица и упаднические настроения. С другой стороны, ставилась задача построить лучшую Америку. Такое желание родилось задолго до Великой депрессии, хотя кризис вдохнул в него новую жизнь и открыл новые возможности»⁴.

И действительно, еще в довоенные годы, заседаая в законодательном собрании штата Нью-Йорк, Рузвельт позиционировал себя сторонником спланированного использования земельных ресурсов и передачи энергетических предприятий в руки общественного самоуправления «ради блага грядущих поколений». Ему импонировала инициатива прогрессивного республиканца, сенатора от Небраски Джорджа Норриса, много лет в одиночку сражавшегося за передачу федеральным властям недостроенной электростанции в Масл-Шоулс (штат Алабама), призванной обслуживать также недостроенные заводы боеприпасов, с тем чтобы после завершения строительства она бы поставляла дешевое электричество живущим в условиях крайне примитивного существования обитателям огромного региона в долине реки Теннесси⁵. Частные генери-

³ Там же. С.316, 317.

⁴ Schesinger A.V., Jr. *The Coming of the New Deal*. L.; Melbourne, 1960. P.309.

⁵ Крупнейший американский историк Нового Юга США К.Ванн Вудворд писал, что трущобы южных городов были среди наихудших, белая беднота жила в них так же, как и чернокожие, – на немоцных улицах, «задыхающихся от мусора, слякоти и грязи». Не меньшие бедствия испытывало сельскохозяйственное население, в основном фермеры-

рующие и сетевые компании много лет игнорировали нужды нищенствующего лачужного населения семи штатов. Под разными предложениями с завидным постоянством откладывались в долгий ящик задуманные проекты строительства антипаводковых сооружений, других объектов мелиорации, заводов сельскохозяйственного инвентаря и удобрений и т.д. В поле зрения неизбежно попадал и огромный сегмент экономики отсталого Юга США по обоим берегам реки Теннесси со всеми ее притоками, «сумасбродной», изменчивой по нраву, протекающей по территории семи штатов (Теннесси, Алабама, Джорджия, Миссисипи, Северная Каролина, Кентукки и Вирджиния). Это был пример забытой и крайне запущенной периферии США. Рузвельт, вынужденный в силу неизлечимой болезни (полиомиелит) регулярно посещать геотермальные источники в Уорм Спрингс (штат Джорджия), воочию убедился, какой урон несут фермеры и вся экономика огромного региона в результате наводнений, пожаров, дефицита электричества, отсутствия сколько-нибудь развитой инфраструктуры и небрежения федеральных и местных властей.

В духе последовательного прогрессизма Рузвельт еще со времен своей деятельности в законодательном собрании штата Нью-Йорк видел реальную возможность улучшения социальных условий жизни сотен тысяч семей рядовых американцев путем передачи собственности на производство электроэнергии в руки федеральных или местных властей. «Когда он говорил о дешевом электричестве, он мыслил не в киловатт-часах, – вспоминал многолетний ближайший помощник и спичрайтер Рузвельта Сэмюэль Розенман. – Он мыслил в терминах автоматической дойки, питаемой электричеством, облегчающих труд людей электроприборов, плит для приготовления пищи, освещения и швейных машин». Став губернатором Нью-Йорка в 1928 г., он создал специальный орган, наделяющий администрацию («народ») правом контроля за производством электроэнергии, вел борьбу за строительство гидроэнергетических предприятий на реке Святого Лаврентия и строго следил за тем, чтобы частные энергетические компании не завышали чрезмерно плату за предоставляемые ими услуги. Владельцы энергетических компаний отвечали ему обвинениями в тайном сочувствии социализму и большевистским экспериментам. В ответ Рузвельт разьяснял «твердо-

арендаторы (описание Вудворда приводится здесь в изложении другого авторитетнейшего американского историка Говарда Зинна из его книги «Народная история США. С 1492 года до наших дней». Издана в переводе с английского в Москве в 2006 году. – С.343).

лобим», что называть сторонников общественной собственности на энергоресурсы и энергораспределение «большевиками и опасными бунтарями» есть грубейшее заблуждение. Никто не хочет прослыть поклонником утопических грез. Находящееся в руках общественных структур энергопроизводство и энергоснабжение, убеждал он оппонентов, будет работать на тех же принципах, что и почта в сфере, где правительство продемонстрировало весьма убедительно, что способно справиться с управлением сложным хозяйством лучше, чем кто-либо еще⁶.

Владение энергоресурсами и контроль над ними, принятие законов о регулировании ценообразования на потребляемое электричество стали краеугольным камнем программы Рузвельта-губернатора (1928–1933) в области природопользования и регионального развития. Называя себя «фермером», он вкладывал в это особый смысл, подчеркивая свою близость к природе и трепетное отношение к ней, как к дару Всевышнего и общенациональному достоянию, а также свои предпочтения при выборе пути к «сбалансированной цивилизации». Признание приоритетными фермерских интересов должно было служить к обузданию коммунальных компаний, превратившихся в безжалостных разорителей рядовых потребителей, прежде всего фермерских хозяйств, беднейших слоев городского населения, малого бизнеса и т.д. Радио, которое Рузвельт использовал как инструмент политической борьбы, дало ему колоссальные преимущества над коммунальной мафией и рыночными просветителями, уповавшими на «дружественную» прессу. Левоцентристская пресса со все возрастающим интересом следила за этой дуэлью губернатора в инвалидной коляске и новой генерацией спекулянтов-инвесторов, прибравших к рукам коммунальные службы. В ряде радиоречей Рузвельт поделился своим открытием: планирование напрямую связано с природопользованием и сбережением социального мира⁷.

Удивление пополам с восхищением вызывала рузвельтовская похвала в адрес находившихся в собственности территориальных властей (штатов и муниципалитетов) гидроэлектростанций, построенных в раз-

⁶ Rosenman S.I. *Working with Roosevelt*. N.Y., 1952. P.35; Schlesinger A.M. *The Crisis of the Old Order*. L.; Toronto, 1957. P.125–128, 255, 401, 403, 468–471; Davis K.S. *FDR. The New York Years, 1928–1933*. N.Y., 1985. P.99, 100; Hargrove E.C. *Prisoners of Myth. The Leadership of the Tennessee Valley Authority, 1933–1940*. Princeton, 1994. P.19–22.

⁷ См.: Brands H.W. *Traitor of His Class. The Privileged Life and Radical Presidency of Franklin Delano Roosevelt*. N.Y., 2009. P.219–231.

ное время и относительно надежно ограждающих миллионы потребителей от своеволия коммунальных служб, находившихся в частных руках. Сохранение ряда таких крупных сооружений гидроэнергетики в руках коллективного собственника было главным условием удержания потребительских цен на коммунальные услуги в пределах допустимого максимума. Так рассуждал Рузвельт. Они (государственные гидроэлектростанции), – говорил он, – могли бы «всегда оставаться в качестве жесткого регулятора сетей производимой и передающейся электроэнергии». Уклонение правительства от осуществления регулирования деятельности коммунальных компаний чревато самыми тяжелыми и непредсказуемыми последствиями. «Если мы в Соединенных Штатах, – продолжал Рузвельт, обращаясь к республиканскому большинству и демократам в законодательном собрании штата Нью-Йорк, с тревожным чувством поминавших пугающие призывы разгромленных социалистов Ю.Дебса, – откажемся в конце концов от контроля за коммунальной сферой нашего социума, то вслед затем последует атака на другие наши свободы». Задавленное гонениями протестное движение страны с изумлением и сочувствием отнеслось к этим проявлениям бунта «на корабле» против засилья стяжательской идеологии эры «нормальности» и всеподчинения «праздному классу»⁸. Страна как бы дожидалась мощного импульса, чтобы вплотную подойти к решению назревших задач.

Гигантское наводнение летом 1927 года в долине реки Миссисипи, случившееся в результате и на фоне полного безучастия республиканской администрации К.Кулиджа, разогрело ситуацию в стране до высокой температуры. И уж никак нельзя было назвать политиканством выступление Рузвельта в начале 1928 г. в сенатском комитете, в котором, как бы предвосхищая будущее, он говорил: «...Проблема водного режима Миссисипи рассматривалась бы в качестве федеральной задачи творцами нашей конституции... Более того, фактически невозможно найти более правильное решение в отношении затрат и ответственности... В порядке конкретного делового подхода строительство и поддержание в рабочем состоянии различных сооружений на реке Миссисипи могут быть выполнены только центральной организацией, которая, что само собой разумеется, должна быть под федеральным контролем.

⁸ См.: Schlesinger A.M., Jr. *The Coming of the New Deal*. Boston, 1959. P.402. – Лидер социалистического движения и кандидат социалистов на пост президента США в 1912 году Юджин Дебс (1855–1926) был необычайно ярким оратором и обличителем капитализма, злые выпады которого в адрес монополий запоминались надолго.

Ответственность включает в себя и ответственность в сфере финансирования...»⁹. За всей этой витиеватостью подразумевалось, что философия по формуле «каждый пусть позаботится о себе самом» осталась в прошлом, индустриальная цивилизация немыслима без государственного участия в масштабах, диктуемых только одним – обстановкой.

Экономический кризис 1929–1933 гг. открыл совершенно новую страницу в дискуссии о демократии и власти в Америке. Центральная власть присвоила себе роль генератора стратегических инициатив. Одновременно предполагалось укрепить независимость и расширить распорядительные функции общины, предусмотрев серьезные ограничения вмешательства властей штата. В этом видели возрождение творческого начала самодеятельности низов, демократии на уровне, как принято тогда было говорить в Америке, «корней травы». Началась эпоха «утреннего пробуждения». Самопомощь стала явлением повсеместным¹⁰. Многие верили, что только путем самоорганизации народа щупальца гигантского спрута в лице промышленных корпораций и коммунальных компаний будут обрублены, петля на шее городского и сельского потребителя ослабнет. Появится совершенно новая регулируемая модель сбалансированных взаимоотношений крупного производства и свободно развивающегося мелкого и среднего бизнеса. Таким путем будут осуществлены большие перемены в интересах возвращения Америке духа взаимопомощи и взаимодействия. Страна не знала ничего подобного с середины XIX века, когда А. де Токвиль писал об умении и желании американцев добровольно помогать друг другу. Крепнущие голоса в пользу регионального (а отчасти и национального¹¹) планирования в

⁹ Rollins A.B., Jr. *Roosevelt and Howe*. N.Y., 1962. P.225.

¹⁰ См.: Зинн Г. *Народная история США. С 1492 года до наших дней*. М., 2006. С.486–493.

¹¹ *Говоря о планировании, тогдашние либералы стремились прежде всего урегулировать вопрос о спросе и предложении и таким образом по крайней мере смягчить тяжесть безработицы, достигшей огромных, поистине пугающих, размеров особенно в отдаленных районах с неразвитой инфраструктурой и нарушенным соотношением между крупным и мелким бизнесом. Стоит напомнить сказанное по этому поводу Джоном К.Гэлбрейтом в его знаменитой книге «Новое индустриальное общество»: «Вплоть до конца Второй мировой войны и вскоре после нее термин "планирование" имел известное хождение в Соединенных Штатах. Под этим термином имелась в виду разумная озабоченность тем, что может произойти в будущем, и подготовка мер с целью предупредить те нежелательные события, которых можно избежать. Точно так же как пользовались уважением те люди, которые разумно планировали свою жизнь, считались по-*

условиях краха рынка в 30-х годах XX в. способствовали пониманию альтернативной стратегии спасения. Забытые проекты преобразований оказались востребованными. Вспомнили о «социалистических» предложениях сенатора Норриса, председателя комитета сената по сельскому хозяйству.

Неистовый сенатор от Небраски давно предлагал использовать построенную правительством в 1916–1925 годах электростанцию в Масл-Шоулс для нужд фермеров. Однако, что могло получиться из совмещения его идей с замыслами Рузвельта – кандидата в президенты – сделать гидроузел в Масл-Шоулс лишь первым звеном в цепи долгосрочных мероприятий по преобразованию огромного «Солнечного пояса», едва ли кто-либо догадывался. Последнему предстояло, как позже выяснилось, стать примером для всей страны в деле генеральной реконструкции экономики и социальной сферы¹².

Америка, казалось, привыкла к неординарности поведения новых людей в Белом доме. Но Рузвельт ошеломил даже давних сторонников идеи преобразований в долине реки Теннесси своей решимостью начать выполнять нарисованную им грандиозную задачу в те дни, которые ему самому грозили провалом, катастрофой, политическим банкротством. 10 апреля 1933 г.¹³ он обратился к Конгрессу, враждебному самой идее масштабного государственного вмешательства в «естественный ход вещей», с просьбой немедленно принять закон о создании Администрации долины реки Теннесси (TVA), «корпорации, облеченной правительственными полномочиями, но обладающей гибкостью и инициативой частного предпринимательства»¹⁴.

хвальными попытки эффективно планировать условия существования в масштабах города или района». Современные либералы, писал Гэлбрейт в 60-х годах, стали избегать этого термина, а консерваторы попросту превратили его в ругательство (Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. Пер. с англ. М., 1969. С.57).

¹² Идеи об осуществлении «обоснованного, всестороннего плана» введения в действие «крупных объектов государственной собственности» и организации общественных работ в общенациональных масштабах в целях спасения страны были изложены Рузвельтом в его по-своему историческом радиообращении 7 мая 1933 г. (см.: Рузвельт Ф.Д. Беседы у камина. М., 2003. С.33–42).

¹³ Через месяц после инаугурации, т.е. в ходе все тех же исторических «Ста дней».

¹⁴ См.: Hubbard P.J. *Origins of the TVA*. N.Y., 1961; Tyndall G.B. *The Emergence of the New South, 1913–1945*. Baton Rouge, 1967; Morgan A.V. *The Making of the TVA*. Buffalo, 1974; Hargrove E.C. *Op. cit.* P.20.

Язык и стилистика президентского послания неопровержимо свидетельствовали, что мысль Рузвельта шла дальше тех рамок, которые были установлены предложениями сенатора Норриса. Без внимания остались попытки как со стороны «жирных котов», так и со стороны рыночных фундаменталистов в Конгрессе организовать мощную контратаку под лозунгами спасения частной собственности и отмены поползновенной рузвельтовских либералов «привить нашей американской системе русскую идею»¹⁵. В пику упорствующим «жирондистам» 7 мая 1933 года в своем втором радиообращении к народу («беседы у камина») Рузвельт назвал законопроект о TVA частью «хорошо обоснованного плана» восстановления страны¹⁶.

Выслушав послание президента Конгрессу от 10 апреля 1933 г., либеральная печать дружно заговорила о наступлении эры государственного капитализма¹⁷. Рузвельт говорил абсолютно неординарные вещи, бывшие всегда под запретом на Капитолийском холме: «Она (Администрация долины реки Теннесси – *В.М.*) должна быть наделена более широкими правами в области планирования с целью рационального использования, сбережения и развития природных ресурсов в бассейне реки Теннесси, в береговой зоне и на прилегающих территориях нескольких штатов в интересах социального и экономического благополучия всей нации. Ее руководство также должно быть наделено необходимыми полномочиями для того, чтобы реализовать эти планы. К его обязанностям должны быть отнесены задачи по возобновлению тех начинаний в рамках проекта в Масл-Шоулс, которые не получили завершения, и их координация с более широкими планами. Многие суровые уроки учат нас, что отсутствие планирования ведет к бесцельным затратам человеческого труда. И здесь и там небольшое число управляемых разумным руководством городов и округов смотрят вперед и занимаются планированием. Но в целом нация только сейчас "повзрела". Наступило время распространить планирование на значительные территории, и в этом случае большой проект затронет многие штаты, прямо связанные в экономическом отношении с одной из наших великих рек. В подлинном смысле все это представляет собой возвращение к духу и предначертаниям первопроходцев. Если мы будем успешны в

¹⁵ Shlesinger A.M., Jr. *The Coming of the New Deal*. P.315, 316.

¹⁶ *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt*. N.Y., 1938. Vol.II. P.160–168; Moley R. *First New Deal*. N.Y., 1966. P.290; Brands H.W. *Traitor of His Class*. P.341.

¹⁷ См.: Johnson P. *A History of the American People*. N.Y., 1997. P.757.

нашем начинании, мы сможем продвигаться вперед, шаг за шагом в схожих начинаниях на других территориях»¹⁸.

Ясно, что идеи Рузвельта о планировании и переносе центра тяжести на региональное развитие, заимствованные им у ранних экологов и сторонников сбережения естественных ресурсов, оставались расплывчатыми и неконкретными. Во всяком случае, они имели мало общего с традиционной философией региональной автономии, противостоящей порокам «большого правительства» в Вашингтоне. Президент обходил эту тему. Отсюда понятно, почему язык закона об Администрации долины реки Теннесси (подписан Рузвельтом 18 мая 1933 г.) отличался от обращения Рузвельта к Конгрессу от 10 мая 1933 года. В содержательном отношении он представлял собой уже скорректированную версию старого предложения сенатора Джорджа Норриса о создании корпорации с целью реализации проектов преимущественно сельскохозяйственного назначения под эгидой федерального правительства и при его финансовой поддержке. Склонность Рузвельта к компромиссам в переговорных делах с целью достижения результата любой ценой привела к тому, что далеко идущие идеи планирования остались незаявленными, они как бы растворились в сопутствующих дискуссиях между прогрессистами и правоконсервативным крылом делового сообщества, сторонниками неограниченной рыночной стихии. О планировании в законе от 18 апреля 1933 г. говорилось лишь вскользь. Взамен ничуть не огорченному сенатору Норрису при поддержке Рузвельта удалось отстоять право TVA иметь не только генерирующие станции, но и передающие сети.

«ТРОЙКА»

В хаотичной и почти неуправляемой обстановке первых «Ста дней» проявилась особая черта дарования Рузвельта-администратора. Он расчетливо отдал инициативу в определении будущего TVA в руки ее трех высших руководителей («тройка»), дружно взявшихся управлять корпорацией, но сохраняющих в ряде отношений разные взгляды на TVA как на мегапроект. Главной целью проекта было спланированное использование природных и людских ресурсов (данная задача полностью сохранилась за TVA и в ядерную эру, когда в штате Теннесси развернулись работы по созданию пред-

¹⁸ Цит. по: Hargrove E. C. *Op. cit.* P. 20.

приятий атомной промышленности) и одновременно строительство гидроэлектростанций, производство и продажа электроэнергии, внедрение передовых форм земледелия. Мощный научно-производственный комплекс, приравненный к федеральному агентству, призван был перестроить весь уклад жизни и ландшафт региона, открыв миру самые современные формы жизнеустройства, культуры производства и быта.

Первая «тройка» директоров TVA, подобранная Рузвельтом в режиме ad hoc, с обычным для него стремлением к диверсификации деловых качеств своих избранников оставляла президенту, по убеждению многих современников, полную свободу маневрирования и выбора варианта развития. Он мог «спать спокойно», наблюдая за масштабным экспериментом, которым с разной мерой профессионального участия и опыта, но с великим энтузиазмом и стремлением довести дело до успешного завершения взялись руководить трое одаренных, хотя в сущности незнакомых друг другу, людей. Они все были наделены примерно равными полномочиями и преследовали одну и ту же цель. Но видели ее неодинаково близкой и необязательно совпадающей при детальном рассмотрении.

Поначалу ведущая роль в триумвирате принадлежала (предположительно) главе административного управления (своеобразного регионального министерства) TVA Артуру Моргану, выдающемуся инженеру-строителю и одновременно президенту Антиохийского колледжа в Елоу Спрингс, штат Огайо. С его именем было связано (помимо ряда замечательных сооружений) широкое движение за внедрение социальной инженерии, морального реформаторства и регионального планирования. А.Морган был заметной фигурой в интеллектуальных исканиях Америки 30-х годов. Высокообразованный человек, он не был чужд взглядам, в которых переплетались идеи европейского социализма и американских последователей Генри Джорджа (1839–1895)¹⁹. Литературные наклонности сделали его поклонником социальных фантастов. Вслед за ними самым надежным путем к успеху социального переустройства общества А.Морган считал метод самовоспитания человека, его самосовершенствование.

Артур Морган, проштудировал и воспринял в качестве откровения утопический роман американского публициста и писателя второй поло-

¹⁹ Популярность экономиста и одного из идеологов антимонополизма конца XIX – начала XX века благодаря вышедшей в 1879 г. книге «Прогресс и бедность» была необычайно велика как в Америке, так и в Европе. Л.Н.Толстой увлекался чтением его трудов.

вины XIX в. Эдварда Беллами «Оглядываясь назад» (1888). Он нашел исторический момент кризиса удобным для пропаганды и осуществления проекта строительства фаланстеров для вернувшихся к труду безработных и молодежи (управляемой из единого центра). Советы Беллами касательно воспитания молодежи Морган высоко ценил и старался воплотить в жизнь, строя у себя в колледже нечто подобное тому, о чем мечтал Беллами, добиваясь соединения учебы студентов с общественно полезным трудом. Он с величайшим недоверием, подобно всем среднезападным прогрессистам, относился к профессиональным политикам (все равно – демократам или республиканцам), но безоговорочно верил тем, кто лучше других понимал демократический дух «нового курса» и возникший благодаря ему моральный «драйв». Моргану импонировал недекларативный характер всех начинаний Рузвельта, связанных с искренним желанием изменить бедственное положение «забытых» американцев²⁰.

Проект TVA А.Морган воспринимал и как неотъемлемую часть «нового курса», и как многоцелевую программу создания просвещенной элитой совершенно по-новому мотивированной новой Америки, некоего подобия библейского Храма на холме, «земли обетованной» на опустошенной кризисом территории. Именно так он трактовал и свои беседы с Рузвельтом при обсуждении весной 1933 г. предложения президента стать во главе проекта и подобрать себе партнеров по руководству этим гигантским предприятием по облагораживанию общества и восстановлению им веры в себя. «TVA, – говорил он, – не является преимущественно строительством плотин и гидроузлов, производством удобрений и передающих электросетей... Мы думаем о другом». В наивной вере в безостановочное движение к цели Артур Морган иногда воспарял ввысь, выдавая желаемое за достижимое. TVA – это эксперимент по осуществлению продуманного социального планирования, – пояснял он, призвав в свидетели главного архитектора будущего общества. «Президент, – утверждал Морган, – видит в TVA средство ухода от хаотичного, неспланированного и не поддающегося интеграции развития путем внедрения все возрастающих элементов порядка, осмысленного творчества и предвидения»²¹. «Я разделяю Ваши взгляды», –

²⁰ См.: Crunden R. *Ministers of Reform: The Progressive Achievement in American Civilization, 1889–1920*. N.Y., 1982; Tilbert R., Jr. *FDR's Utopian. Arthur E. Morgan of the TVA*. Minneapolis, 1987.

²¹ Wolters R. *The New Deal and the Negro // The New Deal. The National Level* / Ed. by

сказал Рузвельт при встрече в Белом доме²². Впрочем, о чем конкретно могла идти тогда речь, так и осталось неизвестным.

Во всяком случае, с трудом верится, что президент безоговорочно поддержал план-максимум А.Моргана по преодолению хронической отсталости региона и превращению его в цветущий край путем получения от политических просветителей в готовом виде здоровых клеток нового общества и пересадки их впоследствии на всю территории страны. К тому же А.Морган совсем несвоевременно развернул шумную рекламную кампанию своей «лаборатории», способную скомпрометировать цели «нового курса», вызвав подозрение, что новые либералы создадут в «Солнечном поясе» с согласия президента «государство в государстве». Короче говоря, всем, кто познакомился с альтернативными идеями А.Моргана в организации жизнеустройства на Юге, могло показаться, что он собирается окончательно поссорить Рузвельта с консерваторами там, где их связь с традиционными ценностями была особенно глубока. Нетипично и порой наивно выглядели многие начинания А.Моргана – внедрение новой нравственности и сочинение морального кодекса для аппарата TVA с правилами открытости, абсолютной честности, воспитанности и некоррупционности. Для людей, как работающих на TVA, так и в частном бизнесе, предполагалось ввести особые обучающие методики и стандарты поведения, которые должны были радикально изменить облик людей, прошедших школу TVA.

Возникло опасение, что новации А.Моргана принесут больше вреда, чем пользы. Однако многим идея формирования человека будущего путем моральной проповеди пришлась явно по вкусу. Множество людей с энтузиазмом и пониманием встретили самый большой эксперимент по созданию новой культуры отношений, нормальной, цивилизованной жизни там, где она почти полвека едва теплилась и деградировала, зажатая в тиски остатками рабства афроамериканцев, оттоком населения, бегством образованных людей, архаичной инфраструктурой. Видный американский историк А.М.Шлезингер-мл., с присущей ему симпатией к отголоскам романтического течения в американской общественной мысли и не скрывая легкой иронии, суммировал главные черты возникшего в голове А.Моргана образа идеального сообщества тружеников: «Согласно его плану, – писал Шлезингер, – речь могла идти не просто о производстве электроэнергии и минеральных удобрений. Предполага-

J.Braeman, R.H.Bremner, D.C. Brody. Columbus, 1975. P.197.

²² См.: *Shlaes A. The Forgotten Man. A New History of the Great Depression. N.Y., 2007. P.177.*

лось стимулировать малый бизнес, содействовать созданию самодостаточных кооперативов, позволяя им, если необходимо, обзаводиться своими собственными местными денежными знаками. Ему была близка идея самоподдерживающихся семейных хозяйств, он развивал амбициозные образовательные проекты, проявляя особый интерес к проблемам здравоохранения и жилищного строительства. Он требовал изменения в земельном законодательстве с тем, в частности, чтобы сделать возможным изъятие земли у фермеров, которые не принимают мер для правильно налаженного землепользования. Он даже высказывал желание добиться от людей, живущих в регионе, отказа от употребления алкоголя и курения»²³. Артур Морган не был догматиком, в созидании нового смысла он не руководствовался исключительно посланиями президента. Непрерывность преобразований должна была диктовать их последовательность, характер и общий вектор – создание общества неподдельного равенства.

Камнем преткновения с самого начала оставалась нерешенность проблемы взаимодействия TVA с местными институтами власти. Огромный и все растущий штат набранных руководством TVA экспертов-планировщиков, лесников, специалистов-медиков, специалистов водного транспорта, строителей и энергетиков сознавали себя участниками рузвельтовской реформации. Они стремились уйти из-под опеки местных бюрократов. Артур Морган поддерживал это стремление. У него в отличие от его коллег была своя теория, как донести до всех участников процесса смысл преобразований и их роль в этом процессе. Он не сомневался в моральном и интеллектуальном ничтожестве местных плутократов, их сервильности, но уповал на силу морального примера своего и коллег. Эта теория была отвергнута. Возобладал взгляд на поддержание климата сотрудничества и тесной кооперации с властями штатов, округов и муниципалитетами городов. Но зазор в подходах к присутствию государственной корпорации в рыночной экономике сохранялся очень долго. В одном существовало полное единодушие: главным условием успешной экономической и социальной реконструкции Юга Артур Морган и его коллеги при всех различиях во взглядах считали непременным щедрое участие в проекте федеральных властей, Белого дома и лично президента.

Коллегой Артура Моргана по созданной президентом команде из трех управленцев высокого ранга был его однофамилец Харкерт Мор-

²³ Schlesinger A.M., Jr. *The Coming of the New Deal*. P.319.

ган, один из самых популярных старожиллов штата Теннесси, многолетний президент опекаемого властями университета штата. Он слыл настоящим «почвенником» и сторонником консервативной иерархии, долгое время доминировавшей в американском аграрном секторе и, в частности, в хлопковом поясе. В отличие от своего однофамильца – человека широких взглядов, он поддерживал местных фундаменталистов, не возражал и против принятия закона, запрещающего преподавание учения об эволюции. Впрочем, это не мешало ему самоотверженно трудиться как специалисту-аграрнику и ученому-энтомологу, хорошо знающему местные условия и местные таланты. Х.Морган был горячим сторонником идеи разделения ответственности властей между бюрократическим центром в Вашингтоне, молодыми «янычарами» и теми, кто знал региональные проблемы, традиции и нравы. Ради опоры в «молчаливом большинстве» и в противовес элитарному мышлению Артура Моргана, его однофамилец развил теорию «низовой демократии» («демократии на уровне корней травы»), которая предполагала плебисцитную форму участия жителей в принятии решений. Неверие в эффективность централизации власти в руках федеральных чиновников, не оставивших никаких надежд «забытому американцу», фермеру, оказавшемуся один на один с проблемой разорения и отчуждения земли, сближали Х.Моргана с третьим харизматическим членом «тройки», соединившим в себе идеализм и практицизм, изначально заложенные в общей идее уникального проекта. В его лице в составе «тройки» было представлено поколение молодых людей, мечтавшее о «счастливой законопослушной революции».

Этим третьим членом директории был уроженец маленького городка в штате Индиана 33-летний Дэвид Лилиенталь, образованный молодой юрист, окончивший университет Де Пью и школу права Гарвардского университета в 1923 г. Специализировавшийся на правовых вопросах коммунальных служб и потребителей их услуг, одержав ряд впечатляющих побед на поприще укрощения алчности телефонных, газовых и иных компаний, Лилиенталь оказался в поле зрения многих прогрессивных политиков и леволиберальной прессы. В 1931 г. губернатор штата Висконсин Филипп Лафоллет, будущий лидер рабоче-фермерской партии, назначил Лилиенталь членом влиятельной штатной комиссии, осуществляющей надзор за всеми коммунальными службами штата. Артур Морган, которому Рузвельт доверил отбор кандидатов на руководящие должности в администрации TVA, чутьем миссионера-евангелиста распознал в преуспевающем юристе человека с железной организаторской

«СОЦИАЛИЗМ» ПО-АМЕРИКАНСКИ

хваткой. Молодой человек был одержим идеей дать выход созидательной энергии рядовых американцев, сидевших без работы в городах, фермеров, перезаложивших земельные наделы, специалистов, лишившихся последней надежды найти приложение своим силам в, казалось бы, окончательно забытом фортуной регионе с одичавшим, таявшим населением.

Артур Морган, Харкерт Морган и Дэвид Лилиенталь после образования «тройки»

Несмотря на возникшую моральную зависимость от Артура Морганна, назвавшего его имя Рузвельту, Д.Лилиенталь в силу характера, неутомимости и упорства в работе с самого начала сумел сохранить полную самостоятельность в суждениях относительно неотложных задач и организационного обеспечения первого и последующих этапов осуществления проекта. В паре с Х.Морганом он отверг отвлеченность и безбрежный утопизм идейных установок, предложенных Артуром Морганом, и ухитрился получить поддержку президента, уступившего напору, убедительности доводов однокашника по Гарварду и его впечатляющему примеру бесстрашия в борьбе с могущественными коммунальными

монополиями. Рузвельт выразил восхищение уже первыми результатами работы Лиlientаля, благодаря схемам которого потребление электроэнергии в Теннесси, Миссисипи и Алабаме увеличилось за год с небольшим втрое и четверо, а ее цена упала в разы. Эти цифры позволили президенту высоко оценить вклад TVA в столь ожидаемый и абсолютно необходимый успех «нового курса». Посетив в 1934 г. Тупело (штат Миссисипи) и озвучив цифры, сообщенные ему Лиlientалем, он с оптимизмом юбиляра заявил: «Самым большим событием, которое я испытал за эти три дня, было видеть изменения в выражении лиц людей... Сегодня я вижу не только надежду, но и уверенность, что со страной все в порядке и что мы возвращаемся к временам стабильного развития»²⁴.

Разногласия в «тройке» по линии Артур Морган – Дэвид Лиlientаль плюс Харкерт Морган лежали в плоскости понимания общих перспектив Большого проекта, которого в готовом виде не было и который сам Рузвельт, верный своему обычаю, определял формулой смелого эксперимента без обязательной увязки его с какой бы то ни было политической философией. «Ни рыба, ни птица», – говорил по этому поводу президент, давая понять, что не знает, какая модель в конечном счете возобладает, и при этом добавлял: «...но что бы это ни было, она придется по вкусу людям, живущим в долине реки Теннесси»²⁵. В ранней истории TVA, когда А.Морган выполнял роль топ-менеджера и требовалось лишь доказать жизнеспособность необычного детища «нового курса», текущие рутинные заботы не оставляли места для конфликтов и идеологических дебатов. Руководители TVA, используя щедрые правительственные ассигнования и вовлекая огромные трудовые ресурсы, в режиме сверхнапряжения занимались строительством плотин и гидроузлов, налаживанием производства удобрений, добычей минерального сырья, обучением фермеров по новым технологическим схемам, налаживанием медицинской службы и войной с коммунальным бизнесом. Все это делалось за счет казны, на федеральной земле, руками и изобретательностью рабочих и инженеров, заключивших контракт с государством. В этой авральской обстановке, под огнем критики директорат TVA действовал в единой связке: два старых филина-интеллектуала и один молодой энтузиаст из той самой команды «парней», которая при-

²⁴ Цит. по: Hargrove E.C. *Op. cit.* P.45.

²⁵ Shlaes A. *Op. cit.* P.178.

шла из диссидентствующего Гарварда и закрепилась в федеральных учреждениях и масс-медиа.

Но по мере налаживания темпа строительных работ и получения реальных достижений в перестройке аграрной политики в регионе все сильнее выявлялись тактические и стратегические расхождения между А.Морганом и Д.Лилиенталем. Часть из них была преодолена, когда был найден компромисс с представительной властью на местах – от штата до муниципалитетов городов. Но возникло новое, которое оказалось неустранимым. Оно было связано с разным пониманием того, как государственной корпорации строить отношения с частными энергетическими и коммунальными компаниями во всем, что касается не только продажи и купли электроэнергии, но и самого существования сторон под одним небом. Лилиенталь, пройдя школу длительной борьбы с криминальным бизнесом коммунальных баронов, испытывал глубочайшее недоверие к ним, доходившее до крайних форм неприятия и брезгливости.

Напротив, эксцентричный Артур Морган, культивировавший в себе идеи всепрощения, считал, что TVA со всеми ее структурами должна, в конечном счете, быть интегрирована в сеть частных коммунальных компаний и постепенно изнутри моральным призывом приучить их к новой этике и справедливому обращению с потребителем. Полностью находясь в рузвельтовской системе сдержек и противовесов, Дэвид Лилиенталь без достаточного почтения к старшему по положению и опыту коллеге называл подобные настроения пораженчеством и капитуляцией, указывая на традиционное нежелание коммунальных боссов отказаться от привычного и прибыльного обворовывания потребителей. Он знал, что в их лице TVA имеет смертельного врага, поскольку противостоит «частным экономическим интересам»²⁶ участников картельных сговоров.

Действовать с позиции силы, не уповать на сознательность и добропорядочность известных своей алчностью и вероломством коммунальных компаний – таким было правило самого молодого из директоров государственной корпорации. В какой-то момент, после того как TVA окончательно встала на ноги, Лилиенталь сам занялся выкупом гидроэлектростанций, предприятий и крупных коммунальных компаний, что в результате привело к поглощению их TVA. Самыми известными эпизодами этой борьбы за потребителей (или во имя потребителя) стали

²⁶ Hargrove E.C. *Op. cit.* P.40.

приобретения двух гигантов – Электроэнергетической компании Теннесси и холдинга Народная компания Юга²⁷. Последний возглавлял популярный политик Уенделл Уилки, поддержавший Рузвельта на выборах президента (1932) и бросивший вызов последнему (уже в качестве лидера республиканцев) на выборах 1940 г. Что-либо противопоставить TVA частный бизнес был бессилён. Государственная корпорация втрое снизила тарифы на электроэнергию, потребляемую средним по численности населения городом вроде Тупело (штат Миссисипи)²⁸. Это произвело ошеломляющий эффект на обычно кричащую в негодовании публику, привыкшую видеть в деятельности государства одно расточительство и служение интересам бизнеса.

Лилиенталь с его практическим умом и нелюбовью к парению в облаках и резонерству не разделял и фантазий Моргана о механическом воспроизведении модели TVA на всей остальной территории США, видя все разнообразие условий и массу других непреодолимых факторов. Артур Морган при всей утопичности стратегического плана мыслил тем не менее глобально. Новая ожившая Америка, мечтал он, на основе согласия сословий и классов, белых и черных, могла бы решить все свои проблемы. На это, разумеется, должно было уйти много времени, но цель оправдывала любые затраты. В противоположность уходящим за линию горизонта видениям Моргана (как и его намерениям строить образцово-показательные города), Лилиенталь видел все в относительно краткосрочной перспективе, делая ударение на достижение конкретного результата в кратчайшие сроки. Он предпочитал не выходить за пределы надежды уже завтра увидеть американцев живущими в достатке и благополучии. «Река не терпит политики», – повторял он раз за разом. Нашлось немало радикально настроенных критиков (таких, например, как советник президента Рексфорд Тагвелл), которые полагали, что «прагматик» Лилиенталь сознательно деполитизирует проблему, тормозя или препятствуя превращению TVA в инструмент фундаментальных изменений. Но оппортунизм Лилиенталья был сродни взглядам Рузвельта, также предпочитавшего видеть конкретный результат независимо от того, какие для него найдутся идеологические обоснования (формула: «ни рыба, ни птица, но благополучие людей»).

Тагвелл или, как он сам себя называл, «социалист газа и воды», полагал, что Лилиенталь отступил от неписаного кодекса генерации «но-

²⁷ *Ibid.* P.46, 47.

²⁸ *Shlaes A. Op. cit.* P.188.

вых политиков», уклоняется от прямых заявлений об окончательном крахе старого порядка и не хочет присоединяться к новому течению, признав антииндивидуализм всеобщим принципом прогресса. Но Лилиенталь, со своей стороны, внутренне был убежден, что, поступив таким образом, он мог бы оказаться без финансовой и административной поддержки Конгресса и консервативного белого населения «Нового Юга» с его все еще сильнейшей привязанностью к Ку-Клукс-Клану и недоверием к новоявленным «саквояжникам» с Севера²⁹. Еще одна причина нежелания Лилиенталья сблизиться с различными течениями (как левыми, так и правыми) в коалиции «нового курса», скорее всего, состояла в том, что он не был до конца уверен в будущем проекта и не исключал, что он в случае провала не избежит участи быть объявленным разносчиком опасной крамолы против устоев американизма.

²⁹ См.: Shlaes A. *Op. cit.* P.173–188. – Отношение к черному населению долины р. Теннесси руководителей TVA, было, мягко говоря, специфическим, полностью соответствуя той стадии, на которой находилась политическая мысль либерализма «нового курса». Приведем выдержку из завоевавшего самые высокие оценки труда американских исследователей о «новом курсе»: «Несмотря на расширение TVA перед планированием и необходимостью улучшить социальные и физические условия в регионе для 250 000 черных, проживающих там, было ясно, что TVA проводит лилово-белую реконструкцию. Разумеется, на бумаге ее руководство запретило расовую дискриминацию и обещало афроамериканцам соблюдать пропорциональное распределение рабочих мест, но оно на практике проводило дискриминацию в области жилья, занятости и образования. В силу того, что многие объекты находились в отдаленных районах, где нормальное жилье отсутствовало вообще, было необходимо строить общежития и лагеря для строительных рабочих и поселки для постоянного рабочего населения. Что касается лагерей, то в них афроамериканцы подвергались сегрегации, им предоставлялись наихудшие условия, неграм (так в тексте. – В.М.) не разрешили селиться в "образцово-показательном" поселке Норрис, который представитель TVA с гордостью назвал идеальным американским поселением, могущим служить "образцом" для других поселков и показывать, куда следует двигаться на остальных территориях в долине. Представители черного населения были возмущены, и один из них сказал, что, "используя федеральные фонды для строительства лилово-белых жилых кварталов", TVA не ограничивается сегрегацией, и она в реальности ведет линию на отселение черных. На что Джон Нили, секретарь Совета директоров, совершенно откровенно сказал: "Вы можете поднимать, какой хотите шум. Мы же не намерены перемешивать негров и белых в поселках, строящихся TVA"» (См.: Wolters R. *Op. cit.* P.197).

Стяжав славу бесстрашного борца против трестов и фантастически способного управленца, Лилиенталь не хотел переходить грань, которая отделяла его от роли идейного хормейстера в так называемых движениях панацей, инициированных региональными вождями вроде «королевской рыбы» сенатора Хью Лонга из Луизианы, или «радиосвященника» Чарльза Кофлина из Мичигана, или писателя-социалиста Эптона Синклера из Калифорнии.

Но в то же время Лилиенталь не мог поддержать идею А.Моргана о «браке по расчету» с коммунальными баронами. Он сознавал, что это только скомпрометирует все разговоры о построении новой жизни в самом «забытом» уголке Америки и демократии «на уровне корней травы». «Потрошитель» чикагских картельных группировок, опустошавших кошельки сограждан непрерывным ростом тарифов на электроэнергию, газ, водопровод, полагал, что оппортунизм и заигрывание с магнатами света, водопроводной воды и газа, беззастенчиво обиравшими потребителей, противоречили бы тем правилам, которые наделяли TVA особой самостоятельностью и особой ответственностью перед Белым домом и народным волеизъявлением. В конечном счете, Лилиенталь оказался ближе к внутренне осознанному и уже сделанному альтернативному выбору развития, вполне допустимому в рамках конституции. Профессионалы высшего класса, с энтузиазмом принявшиеся за выполнение своей миссии, трудились преимущественно не на себя, а на общество. Для увеличения эффективности сельскохозяйственного производства им требовалось создать автономно работающую систему, которая включала бы электро- и водоснабжение, регулирование природопользования, а также содействие кредитованию фермерских хозяйств, организацию систематического обучения людей и консультации. Рождался некий смешанный тип экономики в пределах большого региона, в которой инициативная, наиболее динамичная роль принадлежала государственной корпорации, имеющей свой собственный статус, стабильный источник финансирования и даже собственного представителя в Вашингтоне³⁰.

Раскинув сеть своих представительств по всему региону, организовав многочисленные кооперативы и ассоциации содействия, членство в которых обходилось символическими взносами, TVA стала центром

³⁰ С 1933 по 1970 год им была Маргарет Оуэн, много лет активно лоббировавшая в пользу TVA в Конгрессе при содействии группы «дружественных сенаторов (Джордж Норрис, Кеннет Макклар и др.) (См.: Hargrove E.C. Op. cit. P.139).

притяжения для очень многих мелких некоммерческих распределителей энергии. Так создавался широкий фронт противодействия своекорыстию частного капитала, много десятилетий бесконтрольно хозяйничавшего на потребительском рынке.

Здесь, очевидно, уместно будет привести цитату из исследования Эдвина Харгрова, показывающую диапазон полномочий, полученных или присвоенных себе Администрацией долины реки Теннесси. Вот она: «TVA всегда устанавливала тарифы на электричество без регулирующего вмешательства других федеральных или штатных властей. Ее статус как государственной корпорации освобождал ее от надзора Федеральной энергетической комиссии. Для TVA было бы нестерпимо стать объектом регулирования со стороны семи различных штатных комиссий. Вот почему с самого начала TVA упорно убеждала штаты изъять устанавливаемые ею тарифы из-под контроля и рассмотрения, и она добивалась этого с помощью федеральных судов... Но почему TVA была освобождена от федерального регулирования? Сама структура государственной корпорации, которая должна была соединить все лучшее, что было в действиях правительства, с лучшими же сторонами бизнеса, взывала к автономии. Совет директоров TVA докладывал непосредственно президенту»³¹.

Некоторые исследователи полагают, что свою автономию TVA завоевала благодаря поддержке президента и развитому чувству ответственности, которым руководствовало ее высшее начальство³². Это бесспорно так. Но моральными категориями и мессианскими помыслами дело, разумеется, не ограничивалось. На стороне TVA и принимаемых ею решений было с самого начала широкое общественное настроение и сочувствие протестного движения в форме традиционно прогрессистских сил, существовавших на беспартийной основе и отражавших желание испробовать успешные модели развития, в том числе и такие, как советские пятилетки и план ГОЭЛРО. Ко всему прочему следует добавить фактор растерянности и замешательства сторонников неограниченной стихии рынка. Паника, вызванная Великой депрессией, добавила убедительности в пользу уступок неведомо откуда, по мановению руки сверху, явившемуся федеральному «чудовищу». У людей появилась надежда получить свою долю в его многообещающих субпроектах.

³¹ Hargrove E.C. *Op. cit.* P.106.

³² Owen M. *The Tennessee Valley Authority. N.Y., 1973.*

В унисон с выступлениями президента и учащенным пульсом общественного негодования Лилиенталь атаковал позиции противника в точках, в которых последний чувствовал себя психологически и морально особенно уязвимым и незащищенным. Невероятно углубившиеся неравенство и поляризация интересов в обществе (материального и статусного характера) позволили Лилиенталю апеллировать напрямую к тем самым слоям, которые в массе своей и составляли «корни травы», – задавленным экономическим бедствием рядовым гражданам Америки. В 1936 году, включившись в избирательную кампанию, он заявил в своем публичном выступлении в Мемфисе: «Мы горды иметь среди наших главных врагов всех тех консерваторов, сконцентрировавшихся в Нью-Йорке и Чикаго, которые делают все, что могут, с тем, чтобы не дать обычным американцам, мужчинам и женщинам, использовать свой шанс ради лучшей жизни. Интересы этого сборища реакционеров и ваши интересы диаметрально противоположны. Этот конфликт не может быть улажен. Либо TVA будет на вашей стороне, либо она будет на стороне ваших недругов. Как только они начнут расточать похвалы TVA, вам немедленно следует расстаться с нами»³³.

Публичные выступления, требующие от «м-ра TVA» умения подстроиться под настроения аудитории, не расходились с внутренним убеждением Лилиенталья, которое он, впрочем, не торопился высказывать в местах вроде элитарного вашингтонского «Космос клуба», но поверял своему дневнику. «Меня легко понять, – писал он в этом памятнике эпохи, – когда я говорю, что убежден в том, что, если мы не сумеем взять под контроль основные отрасли промышленности, а коммунальная индустрия является именно таковой, мы фактически окажемся без правительства или только с патетически разглагольствующей фикцией правительства»³⁴. Совпадение взглядов Рузвельта и Лилиенталья в конечном счете привело к тому, что президент стал отдавать предпочтение Лилиенталю как администратору, лоббисту, уполномоченному оратору и способному публицисту³⁵. Убежденность в первичности «корней травы», апелляция к демократической массовой поддержке экономических преобразований объединяла их обоих. Видимо, знаком признания президентом заслуг Лилиенталья в пробуждении симпатий к тем программам (в том числе культурным и молодежным), которыми

³³ McCraw Th.K. *TVA and the Power Fight, 1933–1939. Philadelphia, 1971. P.124.*

³⁴ Shlaes A. *Op. cit. P.178.*

³⁵ См.: Lilienthal D.E. *TVA: Democracy on the March. N.Y., 1944; и др.*

была заполнена политика «возрождения» после 1933 г., стали регулярные визиты Лиlientаль в Белый дом и обсуждение с президентом важных текущих дел. В 1937 г. Рузвельт отправил Артура Моргана в отставку.

Фактически с этого момента Дэвид Лиlientаль стал единоличным руководителем TVA. Повороту в личной судьбе главы огромной государственной корпорации сопутствовало его превращение в просветителя. Держась на почтительном расстоянии от партийных игр, он охотно принимал приглашения выступить в университетских аудиториях и в далекой глубинке. Главными темами были идеи регионализма, самоорганизации снизу и приобщения масс к делам управления. В 1938 г., отвечая на приглашение дирекции Новой школы социальных исследований о новациях в деятельности TVA, Лиlientаль с внутренним убеждением, что созданной им структуре суждено стать побудителем изменений в сознании американцев, писал: «Мы переживаем очень важный этап в работе TVA, особенно в части демонстрации демократического метода, о котором никогда еще по-настоящему не говорилось, и что я бы очень хотел сделать...»³⁶. Отстаивая свою доктрину децентрализации, верховенства общественных интересов и различных форм их выражения с самых низших уровней и до федеральных средств массовой информации – прессы, радио, печатных изданий, пользующихся широким спросом, – Лиlientаль рассказывал об успешности TVA, универсальности предложенных ею решений.

УТОПИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Лиlientаль открыто и четко заявил своим оппонентам, что (мы процитируем современного исследователя) с реализацией проекта TVA «интересы тех, кто живет в долине Теннесси, будут брать верх над интересами частного сектора»³⁷. Страна, отвыкшая видеть что-либо строящееся, убедилась, как быстро сбывается это обещание. Гидроэлектростанции и сопутствующие им ЛЭП вырастали с удивительной быстротой, неправдоподобной для людей, привыкших к статистике падений, закрытий, разорений. Эффект был поразителен. Высокопочитаемый литературный критик Ф.Гатхейм называл TVA примером «архитектуры человеческих отношений». Далее он про-

³⁶ Hargrove E.C. *Op. cit.* P.53, 54.

³⁷ Shlaes A. *Op. cit.* P.185.

должал: «... из концепции проекта и его осуществления вы можете почувствовать, что каждое решение принималось с расчетом, что люди будут приходить и делать выводы в соответствии с тем, что они видят». Еще один именитый литератор Льюис Мамфорд кратко и выразительно написал в популярном журнале интеллигенции «Нью Йоркер»: «Фараоны не могли бы сделать лучше». Современный историк, приводя эти отзывы, от себя комментирует: «Посетителей (объектов TVA. – В.М.) становилось все больше, они стали приезжать, чтобы увидеть это новое чудо. В какие-то моменты в годы Великой депрессии число посещающих вновь построенные города – Норрис, Вильсон, Уиллер – выросло до тысячи человек в день»³⁸.

Приведем еще один фрагмент из монографического исследования того же автора с тем, чтобы убедиться, сколь престижное место заняла TVA в ряду успешно работавших учреждений «нового курса». Э.Шлаес пишет: «В Вашингтоне вся история появления TVA воспринималась как самое раннее подтверждение успеха эксперимента, называемого "новым курсом", и он показал, что TVA возвращала Соединенным Штатам прежнее их место в мировом соревновании. Советы, построив Днепрогэс в 1932 г., разумеется, благодаря американскому опыту и участию, возглавили мировой прогресс. TVA к концу 30-х годов построила более семи таких же больших, как Днепрогэс, электростанций»³⁹.

Но популярность «нового курса» не была величиной постоянной. Попытки же Лилиенталя внушить стране, что TVA находится вне политики и потому должна быть идентифицирована отдельной строкой в ряду многочисленных дочек «нового курса», оказались не вполне удачными. Пробивать ассигнования в Конгрессе в конце 30-х годов, да еще после «рузвельтовской рецессии» 1937–1938 гг., становилось все труднее. Наряду с повышением налогов на богатых американцев в годы «нового курса»⁴⁰ прямой отъем доходов у них путем постепенного вытеснения с рынка коммунальных монополистов вызывал крайне негативную реакцию в Конгрессе⁴¹. Именно оттуда последовал сигнал, кото-

³⁸ *Ibid.*

³⁹ *Ibid.* P.186.

⁴⁰ Об этом см.: Кругман П. *Кредо либерала*. М., 2009. С.53, 54.

⁴¹ В исследовании о Великой депрессии, получившем высокую оценку среди специалистов США как эталон серьезности и достоверности, историк Роберт Макэлвейн писал: «TVA, возможно, была самой большой "угрозой" для существовавшего социально-экономического порядка, поскольку имела достаточный потенциал, чтобы продемонст-

рый британцы именуют «политически призывным свистом». Заговорили о сворачивании эпохи реформ. Более того, шансы Рузвельта выиграть в 1940 г. свой третий срок после неудач с реорганизацией федеральных институтов в 1937–1938 гг. и появления грозных признаков нового падения экономики были относительно невелики. Это прибавило отваги консервативной оппозиции, во главе которой оказался очень способный политик Уенделл Уилки, бывший глава поверженного TVA холдинга Народный концерн Юга, одинаково недоброжелательный к Д.Лилянтало и его самому большому покровителю, сенатору Джорджу Норрису⁴².

Лилянтало и его «команде» приходилось сдерживать натиск противников TVA, засевавших и в высоких кабинетах вашингтонских департаментов. Искатели новых смыслов оказались в конфликте даже с видными членами администрации Рузвельта, такими, например, как министр внутренних дел Гарольд Икес. Последний, опираясь на поддержку критиков TVA, пытался «затащить» ее в состав собственного ведомства. Дружными усилиями TVA отстояла свою многопрофильную структуру, показав, что помещение TVA под крышей специализированного министерства будет означать конец эксперимента. А вместе с ним и конец скоординированным усилиям добиться существенного прогресса в комплексном социально-экономическом развитии многих депрессивных регионов. И все же эта победа принесла лишь частичный успех. Удержаться на поверхности и продолжить существование TVA помогли главным образом два других фактора – реальный успех и конкретные достижения программы спасения и развития региона, обновления всей его внутренней плоти. И война.

Примерно через три недели после начала мировой войны в Европе, в разгар острых внутривластных дебатов о судьбах «нового курса» и третьем сроке президентства Рузвельта, руководство TVA направило 23 сентября 1939 г. меморандум-отчет президенту об итогах и уроках деятельности корпорации. В нем было сказано о завершении строительства каскада гидроузлов путем использования собственной рабочей силы; о проведенных скупках земель и перемещениях населения; о помощи

ризовать, как успешно работают планирование и взаимопомощь жителей местных общин и способность правительственного бизнеса успешно конкурировать с частными предприятиями» (McElvaine R.S. The Great Depression. America, 1929–1941. N.Y., 1984. P.168).

⁴² Bishop J. FDR's Last Years. April 1944 – April 1945. L., 1975. P.107.

фермерам; о работах по консервации земель и успешных научных экспериментах с посевным материалом; об инновационной работе в сельскохозяйственном машиностроении; улучшении навигационных условий и предотвращении паводков, о строительстве ЛЭП, водоводов, заводов электрометаллургии, химии и т.д. Все эти меры и шаги, констатировалось в письме президенту, стали возможными благодаря «индивидуальному, децентрализованному подходу». Речь шла о независимом от федеральной бюрократии планировании и распоряжении людскими и материальными ресурсами. Либо TVA, резюмировалось в отчете, сохранится как совершенно самостоятельная региональная корпорация, либо она, будучи лишенной возможности тесного взаимодействия с «корнями травы», угаснет, превратившись в обычную строительную организацию.

Разумеется, самым главным впечатляющим шагом было стремительное продвижение электрификации огромного региона и приведение в «человеческий вид» отношений между производителем и потребителем. Стоимость электроэнергии, произведенной на объектах TVA, была примерно вдвое ниже общенационального уровня. Государственная корпорация, по предложению Лилиенталя, установила дифференцированные тарифы на электроэнергию в зависимости от уровня потребления в тех или иных районах. Стремление отвечать чаяниям низов не вызывало удивления, но поражало своей бескомпромиссностью и радикальным максимализмом. «Для американцев того времени, – констатирует современный исследователь, – хорошо знакомых с Библией, было нетрудно увидеть в Дэвиде Лилиентале что-то вроде юного мифологического Давида, обогнавшего собственный возраст и вступившего в бой с более мощными гигантами»⁴³. Увы, злопамятство многочисленных врагов обернулось на пике карьеры Лилиенталя в годы маккартизма лобовой атакой и обвинениями в приверженности «левачеству "нового курса"»⁴⁴.

После освоения уже самых первых финансовых вливаний, формирования высококвалифицированного инженерного и управленческого корпуса, проведения работ по отселению с территорий будущих водохранилищ и переселению людей, развертывания жилищного строительства стали очевидны намерения директората TVA и его высокого покровителя в Белом доме. Отбив все атаки частных монополистов-

⁴³ См.: Johnson P. *Op. cit.* P.756; Shlaes A. *Op. cit.* P.181.

⁴⁴ См.: Hershberg J.G. James B. Conant. *Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age.* Stanford, Cal., 1993. P.315.

гигантов (Генри Форда, Уэнделла Уилки и др.), они решительно взяли под контроль государства главные богатства региона в 40 тыс. квадратных миль – леса, нефть, газ, редкоземельные элементы, уголь и т.д. Гидроэлектростанция Вильсон-Дэм в Масл-Шоулс была завершена в 1925 г., но дискуссия о ее принадлежности и подковерная война не прекращались вплоть до формирования TVA. Вслед затем последовала сдача в строй двух сверхмощных гидроэлектростанций – Боулдер-Дэм на реке Колорадо и Норрис-Дэм на реке Коув Крик, притоке реки Теннесси. По соседству возник образцовый город Норрис с удобными жилыми строениями (предшественниками культуры таунхаусов), образовательными учреждениями, городскими службами и даже театрами. Типовое домостроение сняло проблему с оттоком населения. Многие нашли работу на развернувшейся буквально через месяц после начала строительства на Коув Крик новой электростанции – Уиллер-Дэм – и на более мелких тепловых электростанциях. К концу 30-х годов, преодолев множество трудностей и препятствий, TVA превратилась из объекта пересудов об авантюризме группы самонадеянных фантазеров в предмет широкого (если не мирового) общественного интереса. Все это называли тогда предложенным М.Кейнсом термином «социализация инвестиций». Становилось общепризнанным, что особо затратные проекты (к ним безоговорочно была отнесена TVA) требовали «интервенции» государства, принятия им на себя всех кризисных рисков, включая и те, которые были связаны с аграрным сектором.

Никто не предвидел быстрого прогресса в аграрном секторе. Но он произошел буквально на глазах. Электричество в кратчайший срок дошло до самых отдаленных ферм. Керосиновые коптилки и дедовские механизмы уступили место лампам накаливания и электроприборам самого разного назначения – холодильникам, доильным аппаратам, электронагревателям, сортировочным установкам и т.д. Были предприняты шаги к созданию своей собственной торговли простейшими электротоварами и другой утварью, в чем нуждались фермеры и арендаторы, живущие в глуши и в труднодоступной местности. Через сеть особых уполномоченных (агентов) и создание сельскохозяйственных колледжей в штатах было налажено внедрение современной агрокультуры и оказана прямая материальная помощь землевладельцам и землепользователям.

Дешевая электроэнергия, производимая и продаваемая TVA, подтолкнула фермеров к созданию некоммерческих потребительских и сбытовых кооперативов. Облик депрессивного края начал стремительно меняться. Сельский ландшафт был обновлен строительством гидроуз-

лов, подъездных путей к ним, работающими на полную мощность и располагающими современной технологией новыми предприятиями. Он отражал последовательную и кропотливую работу администрации Рузвельта с первых же дней пребывания ее у власти.

Было признано, а сегодня и подтверждено современными исследованиями, что, заняв рынок производства и распределения электроэнергии в закрепленной за ней территории, TVA стала принципиально новым явлением в экономической истории США. Видный современный историк и знаток «нового курса» Дэвид Кеннеди пишет, что TVA, оставаясь в меньшинстве, «бросила вызов фундаментальному догмату капитализма – частной собственности на средства производства»⁴⁵. Профессор Кеннеди мог и не знать, что подобное признание американское экономическое сообщество услышало много десятков лет назад из уст высокого должностного лица в администрации Рузвельта и крупнейшего экономиста Адольфа Бирла-младшего. На 55-м ежегодном собрании Американской экономической ассоциации в начале января 1943 г. он выступил с открывающим дискуссию концептуальным докладом о роли государства в стабилизации национальной экономики. В центральной части своего доклада он остановился на вопросе «о новейших формах экономической активности» государства в чрезвычайных обстоятельствах. Сославшись на успешный шведский опыт строительства «кооперативной» системы, Бирл заявил, что Соединенные Штаты демонстрируют «подобный же пример». Аргументируя свой довод, он сказал: «Замечательный успех TVA, некогда ставшей яблоком раздоров, по всеобщему мнению является доказательством достигнутого превосходного результата в подобного рода деятельности»⁴⁶.

По завершении первой фазы строительства гидроузлов было подсчитано, что к 1945 г. при непосредственном участии и под контролем TVA было осуществлено 26 крупных проектов⁴⁷. Шестнадцать из них были построены TVA (сюда входили и тепловые электростанции), пять приобретены, а пять находились в управлении Алюминием компании оф

⁴⁵ Kennedy D.M. *Freedom from Fear. The American People in Depression and War 1929–1945*. N.Y., 1999. P.364.

⁴⁶ *The American Economic Review*. Vol. XXXIII. №1. Supplement. Part 2. March 1943. P.37.

⁴⁷ Конкретные данные о строительстве и приобретении различных сооружений в рамках проекта TVA содержатся в статье Т.Н.Горкиной «Комплексное преобразование долины реки Теннесси», опубликованной в «Независимой газете» в 1998 году. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/TENNESSI.HTM>

Америка («Алкоа»), но органично входили в систему TVA. Корпорация производила 12 млрд. киловатт часов, т.е. больше электроэнергии, чем любая другая отдельно взятая энергетическая система в США⁴⁸.

В 1938 году Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала серию хвалебных статей о TVA, завершившуюся редакционным эссе, названным «TVA и Американская мечта»⁴⁹. Лилиенталь считал, что такому успеху TVA содействовали диверсификация ее деятельности, децентрализация управления проектом (т.е. автономно от федеральных и местных органов власти), расширение ее функций с включением в них освоения разнообразных ресурсов тех семи штатов, в которых изначально организация заявила себя как средство спасения от полного экономического коллапса и политического хаоса. Курс на самофинансирование и независимость в делах управления от федеральной бюрократической машины стал руководящим внутренним принципом Дэвида Лилиенталья.

Война позволила не только отразить все лобовые атаки и подкопы под TVA, но и подтвердить ее эффективность в производстве наиважнейшей продукции в «интересах обороны». Уже в октябре 1939 г. Лилиенталь, опережая события, в специальном меморандуме на имя Рузвельта предложил мобилизационный план в целях использования набранной TVA мощи для развертывания военного производства. Машина TVA работала без перебоев, наращивая добычу стратегического сырья и производство боеприпасов. Самое же важное на этом этапе в деятельности TVA состояло в том, что она активно включилась в создание американской атомной индустрии, став ее самой большой (наряду с центром в штате Вашингтон) опорой. Все время пополняемые энергетические ресурсы и развитие химического производства определили в сентябре 1942 г. выбор места (Оук Ридж, вблизи города Клинтон, штат Теннесси), а затем строительство секретной радиологической лаборатории. Параллельно возникло и множество больших и малых предприятий по получению обогащенного урана методом термодиффузии⁵⁰. Это было только начало. В 1952 году Оук Ридж и Хэнфорд (штат Вашингтон), два города, где было запущено производство оружейного плутония, территориально выросли многократно, поглощая примерно 7% всей производимой в США электроэнергии.

⁴⁸ См.: Hargrove E.C. *Op. cit.* P.60.

⁴⁹ *Ibid.* P.108.

⁵⁰ *Ibid.* P.60; Hewlett R., Anderson O.F. *The New World: A History of the United States Atomic Energy Commission. Oak Ridge, Tenn., 1972. Vol.I, 1939–1946. P.116.*

Генерал Лесли Гровс и Дэвид Лилиенталь во время Второй мировой войны

Вместе с изменениями в перечне главных обязанностей TVA как государственной корпорации изменилась и роль Дэвида Лилиенталья, ее основателя и фактически бессменного лидера, сделавшегося легендой благодаря его таланту организатора и удивительной чистоплотности во всех делах, касающихся финансовой дисциплины и умения поставить на ноги гигантские наукоемкие объекты и связанную с ними инфраструктуру. В ноябре 1945 г. Лилиенталь – последний из могикан в «Большой тройке», сделавшей утопию былью, – принял предложение стать главой комиссии советников американского правительства по вопросам мирного использования атомной энергии (комиссия Ачесона–Лилиенталья), а затем и председателем Американской комиссии по атомной энергии. Его ближайшим сотрудником стал уже полуопальный Роберт Оппенгеймер, ушедший в отставку с поста руководителя лаборатории в Лос-Аламосе (штат Нью-Мексико)⁵¹. И для одного, и для другого опыт их тесного сотрудничества был судьбоносным, хотя и недолговечным.

⁵¹ См.: Rhodes R. *Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb*. N.Y., 1996. P.210, 226, 230. – Дэвид Лилиенталь вошел в историю американского атомного проекта как последова-

Обретение TVA особой военной функции означало, что была перевернута важная страница в ее истории⁵². В нее предстояло вписать новые главы в связи с производством оружия массового уничтожения, участием в холодной войне и строительством атомных электростанций с их многоцелевым назначением. Они заслуживают специального внимания и изучения, но выходят за рамки нашей темы. Заметим только: вполне возможно, что сегодня всякий образованный американец связывает аббревиатуру TVA главным образом с «изделиями» Манхэттенского проекта. Даже Уильям Манчестер, популярнейший американский историк и публицист 70-х – 90-х годов XX столетия, прямо написал в своей хронике истории США в XX веке, что если уж и стоит помнить о TVA, то, прежде всего, в связи с Хиросимой и Нагасаки. «...Без TVA, этого детища Рузвельтовских "Ста дней", – читаем мы в популярной книге Манчестера "Величие и мечта. Повествование об истории Америки в 1932–1972 гг. ", – две атомные бомбы, закончившие Вторую мировую войну, никогда бы не были созданы...». Далее он поправил сам себя: «...Конечно, это не было важнейшей целью TVA. Она ознаменовала свое рождение созданием серии плотин на реке Теннесси ради того, чтобы произвести и снабдить электричеством население, живущее в долине»⁵³.

Речная утопия обернулась грандиозной спасательной операцией, чтобы затем перерасти в осуществление многообразных мер развития, приоритетное значение среди которых в годы войны и после нее отдавалось решению задач обеспечения «национальной безопасности».

тельный сторонник установления международного контроля и исключительно мирного использования атомной энергии (Ibid. P.407, 408). Он дал самые лестные характеристики в отношении личности и роли Роберта Оппенгеймера в создании атомного оружия, представ в Конгрессе перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в 1954 г. (Ibid. P.550).

⁵² См.: Lilienthal D.E. *The Journals of David E. Lilienthal. N.Y., 1964. Vol.II: The Atomic Energy Years, 1945–1950. P.137.*

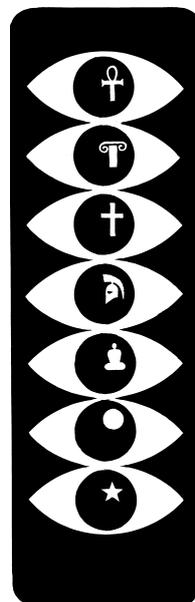
⁵³ *Manchester W. The Glory and the Dream. A Narrative History of America, 1932–1972. Boston, 1975. P.87.*

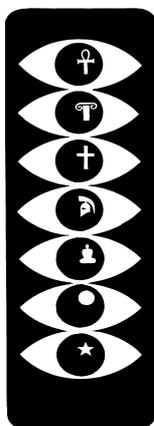
Если б можно было, как при Петре Великом и Иване Грозном, без всяких объявлений и судов арестовать, кинуть в каменный мешок, пытать, обезглавить. Однако уже больше полувека, как утвердилось дворянская вольность; в стране университеты, определенный уровень европеизма, чему сам царь, ученик Лагарпа, много лет содействовал; страна победила в 1812 году, и дворянство теперь невозможно откинуть на триста лет назад, к «турецким расправам». В любом случае без серьезного расследования не обойтись; но тогда, царь не сомневается, арестованные поручики, майоры, генералы будут дерзить почище, чем генерал Вандамм, напомнивший Александру об «отцеубийстве»: кто-нибудь воскликнет: «Мы действовали по твоему примеру, государь, как ты сам в 1801-м!»

Н.Я. Эйдельман

**Культ Французской революции –
первая религия молодого русского;
и кто из нас не хранил портреты
Робеспьера и Дантона?**

А.И. Герцен

Евгений Каменев

СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА¹:

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
ДЕКАБРИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

The article is devoted to study of social and political views common to members of the Russian officers corpus. Officers' attitude toward the Emperor and peasants is investigated on the basis of the Fatherland and the Fatherland's son notions semantics analysis. Change of these views in the post-war period (1814–1825) is traced. It is demonstrated that under the impact of wars waged in 1812–1814 this postulate transformed: the Emperor quitted to be associated with a son of the Fatherland while, on the contrary, officers started to perceive peasants as sons of the Fatherland. It is this transformation where origins of the Decembrist ideology are discovered.

Ключевые слова: русское офицерство 1812–1814 гг.; декабристы; идеология; семантика; концепты: отечество, сын отечества, благо общее.

Key words: russian officers in 1812–1814; Decembrists; ideology; semantics; the Fatherland, son of the Fatherland, the public weal.

E-mail: ekamenev@mail.ru

¹ Журнальный вариант доклада на конференции «После грозы. 1812 год в коллективной памяти России и Европы» (Германский Исторический институт в Москве, май 2012 г.). В документах сохранены особенности стиля и орфография.

Известно, что в среде молодого русского офицерства², участвовавшего в войнах 1812–1814 гг., зародилась декабристская идеология. Согласно Л.Я.Павловой, в наполеоновских войнах принимали участие (в офицерских званиях) 47 будущих членов тайных обществ³. Все они составили так называемое «старшее поколение» декабристов.

В историографии много внимания было уделено анализу объективных причин формирования декабристских взглядов – влиянию российских реалий исследуемого времени (крепостное право, абсолютная монархия и т.п.) на формирование идеологии декабризма, субъективные причины оставались, как правило, за рамками исследований⁴. Представляется, что изучение политических и социальных взглядов русского офицерства путем анализа его базовых социально-политических понятий (категорий) могло бы углубить понимание генезиса декабристской идеологии.

В исследовании мы исходим из тезиса, согласно которому картина мира человека может быть представлена как совокупность понятий. При этом в ее основе лежат далеко не все понятия, а лишь определенный ограниченный набор. Именно этот набор структурирует представления человека о мире, определяет ценностные ориентиры, которыми руково-

² В настоящей работе мы имеем в виду дворян, участвовавших в кампании 1812–1814 гг. в младших офицерских званиях. К младшим офицерским чинам по Табели о рангах относятся звания с XIV класса (прапорщик в армейской пехоте и корнет в кавалерии) до VIII класса (капитан в армейской пехоте, артиллерии, инженерных войсках, ротмистр в кавалерии, штабс-капитан в гвардейской пехоте и штабс-ротмистр в гвардейской кавалерии) включительно. Поскольку в рассматриваемое время гвардейские офицеры пользовались преимуществом в два звания перед армейскими, для гвардейских офицеров верхней границей младших офицерских званий является чин VII класса (капитан и ротмистр). Таким образом, основную часть офицеров, входящих в исследуемую нами социальную группу, составляли обер-офицеры (звания от прапорщика до капитана) и штаб-офицеры (капитан, майор).

³ Павлова Л.Я. Декабристы – участники войн 1805–1814 гг. М., 1979. С.99–108.

⁴ См., например: Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т.1. С.50–80; Никандров П.Ф. Революционная идеология декабристов. Л., 1976. С.11–39; Окунь С.Б. Декабристы. М., 1972. С.5–26; Федоров В.А. Декабристы и их время. М., 1992. С.37–52; Яхин Р.Х. Политические и правовые взгляды декабристов Северного Общества. Казань, 1964. С.17–43 и др.

дствуется человек в жизни, которые определяют его поведение и взгляды. Эти понятия, согласно А.Я.Гуревичу, образуют «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании⁵. Благодаря этим базовым понятиям, получившим в отечественной историографии название *категории*⁶, человек воспринимает мир, упорядочивает все многообразие явлений действительности и наделяет их смыслом. Вслед за А.Л.Юргановым мы считаем, что категории суть основы смыслоположения человека⁷.

КЛЮЧЕВЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА

Отечество

Отправной точкой нашего исследования будет анализ понятия *отечество*, как одного из ключевых Отечественной войны 1812 года. Мы рассмотрим его семантику и выявим понятия, которые были с ним связаны.

Согласно современной трактовке, *отечество* – это страна, где человек родился и гражданином которой он является⁸. Синонимом слова *отечество* в современном русском языке является слово *родина*⁹. Однако в начале XIX в. понятия *отечество* и *родина* имели различный смысл. Рассмотрим семантику слов *отечество* и *родина* в интересующее нас время.

Основное значение слова *родина* в начале XIX в. – место рождения. Так, например, С.Н.Глинка писал: «После 1812 года в первый раз в половине 1834 года посетил я свою родину. ... Родина моя теперь в постороннем владении»; «в 1795 году, в половине января, по выходе из тогдашнего сухопутного кадетского корпуса, отправился я на ро-

⁵ Гуревич. А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С.30.

⁶ См.: Там же; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998; Его же. Самосознание средневековой Руси: категории культуры. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1999.

⁷ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С.24.

⁸ Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. С.745.

⁹ Там же.

дину, в Духовщицкий уезд»¹⁰. «Представь себе, друг мой, – писал Ф.Н.Глинка, – что я теперь только в 60 верстах от моей родины и не могу заглянуть в нее!.. Правда, там нечего и смотреть: все разорено и опустело! Я нашел бы только пепел и развалины; но как сладко еще раз в жизни помолиться на гробах отцов своих!»; «что такое любовь к родине?... Откуда происходит это сильное, живое и для самих нас непонятное стремление к месту, где мы родились? Часто случается, что, лишась виновников бытия своего, потеряв всех милых, всех друзей и даже знакомых, не имея уже никаких причин, никаких предложений заглядывать на родину, все еще стремимся к ней, как к самому милому другу. Свидание с родиной есть праздник для сердца». Во время посещения родного города Смоленска Ф.Н.Глинка писал (13 сентября 1813 г.): «Я видел разорение моей родины, я слышал тяжкие вздохи ее. Повсюду пепел и разрушение! Город весь сквозной; мы без окон, без кровель, без дверей»¹¹.

Напротив, слово *отечество* употреблялось в качестве синонима слов *страна*, *государство* и не ассоциировалось с местом рождения. Так, в книге «О должностях человека и гражданина» (1783), написанной при непосредственном участии Екатерины II и предназначенной для народных училищ, сказано, что «в собственном знаменовании *отечество* есть то великое общество, которого кто сочленом, то есть: то *государство* (курсив мой. – Е.К.), коему кто поддан или по месту своего рождения, или по переселению своему и жительству»¹². Ф.Н.Глинка использует слово *отечество* вместо *родина*, говоря о России: «Всяк из нас будет одной рукой *водить соху*, а другой *сражаться за Отечество!*»; «дерзкий Наполеон, надеясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо в грудь Отечества нашего»; «всякий день вижу уменьшение отечества нашего и расширение власти врагов»¹³. Инженерный офицер

¹⁰ Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С.1, 127.

¹¹ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и Заграничной войны с 1812 по 1814 год // Глинка Ф.Н. Письма русского офицера; Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. Киев, 1991. С.57; 193; 194.

¹² Фельбигер И.И. О должностях человека и гражданина, книга к прочтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второя. СПб., 1783. С.162.

¹³ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... С.24; 30.

А.И.Мартос заявлял: «Полмиллиона воинов, предводительствующих мужем великим и счастливым, должны были лишить наше отечество политического существования»¹⁴.

Семантика интересующих нас слов, приведенных в словарях, составленных хронологически близко к изучаемой эпохе, подтверждает предположение о синонимичности слов *отечество* и *государство* в начале XIX в. Значением слова *отечество* согласно Словарю Академии Российской (опубликован в 1789–1794 гг.) является «страна, государство, место рождения чьего»¹⁵. Сходное определение дается в Словаре церковнославянского и русского языка (в 1847–1868 гг. вышло 2 издания): «государство в отношении к тому, кто в нем родился, или сделался подданным»¹⁶.

Кроме того, наши источники позволяют говорить, что в слово *отечество* вкладывался не только политический и территориальный смысл, но и социальный. *Отечество* понималось как множество всех сословий, единство подданных и императора. Так, в книге надворного советника Гавриила Геракова, предназначенной для чтения в кадетских корпусах (1809), читаем: «Все сословия соединением своим... составляют благоустроенное Государство»; «каждое Государство составляют: Государь и подданные»¹⁷. По мнению Н.М.Карамзина, любовь к отечеству может быть «физическая, моральная и политическая». Основу моральной любви к отечеству составляет любовь к согражданам, которые в совокупности составляют отечество¹⁸. Связь понятий *отечество* и *общество* видна в «Рассуждении о любви к отечеству...» А.С.Шишкова (1812): «когда Всемогущему Создателю миров угодно было устроить природу нашу таковою, чтоб мы для безопасности и благоденствия своего совокуплялись в разные сообщества, и каждое из оных составляло бы единое тело и душу; то для лучшего исполнения сей Всевышнего воли не худо рас-

¹⁴ Мартос А.И. Записки, относящиеся к Истории войны 1812 года // Сын Отечества. 1816. №4. С.456.

¹⁵ Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч.IV. Стб.665.

¹⁶ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1867. Т.III. С.218.

¹⁷ Гераков Г. Совет молодым офицерам. Пг., 1809. С.167, 168.

¹⁸ Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н. Избранное. Л., 1985. С.128.

смотреть обязанности наши к сему сообществу, или великому, собственно, нашему семейству, называемому отечеством»¹⁹.

Единство всех сословий в рамках государства (отечества) имеет конкретную цель – благо общее. А.Н.Радищев полагал: «Государство есть великая машина, коея цель есть блаженство граждан»²⁰. Сходная позиция отражена в книге «О должностях человека и гражданина»: «Такое великое общество, которое иногда простирается чрез многия земли, называется потому отечеством, что в нем благо всех жителей или сочленов, 1) одною властью или законами так содержится и способствуется, как в доме благо чад попечением отеческим устроивается. И по сему 2) все те, кои подчинены одному правительству или одной верховной власти, суть сыны одного отечества»²¹. Отметим также, что С.Н.Киселева в работе, посвященной реконструкции системы взглядов С.Н.Глинки, пришла к выводу, что понятие *отечество* – центральное и важнейшее для С.Глинки – включает в себя всех людей, населяющих страну и объединенных «общей пользой»²².

Таким образом, под словом *отечество* в интересующий нас период понималось не столько место рождения (для его обозначения употреблялось слово *родина*), сколько государство. Государство же рассматривалось как единство всех сословий, цель которого – благо общее²³.

По Н.М.Карамзину (1802), «патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества, желание способствовать им во всех отношениях»²⁴. Принцип служения благу общему требовал от каждого члена общества готовно-

¹⁹ Шишков А.С. Рассуждения о любви к отечеству, читанное в 1812 году в Беседе Любителей Русского Слова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии Президента и разных ученых сообществ члена. СПб., 1825. Ч.IV. С.148.

²⁰ Радищев А.Н. Опыт о законодательстве // Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С.548.

²¹ Фельбигер И.И. Указ. соч. С.162–163.

²² См.: Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н.Глинки (1807–1812 гг.) // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1981. Вып.513. Труды по русской и славянской филологии. С.59–60.

²³ Четкое различение указанных понятий существовало в России уже в XVIII веке (См.: Смирнова Г.Е. Понятие «отечество» в английской и русской культурах XVIII века: Дисс. ... канд. культурологических наук. М., 2003).

²⁴ Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости. С.129.

сти принести ему в жертву благо личное (т.е. отказаться от собственных интересов ради общих). Так, в «Правилах военного воспитания» сказано: «Тот, кто может жертвовать своими собственными выгодами благу общему, не будет никогда иметь желания захватить оныя от других; и зная, что жизнь его и вольность состоят в общем благе и от него неразделимы, будет стараться сохранять оныя во всех, как залог священный и неразрешимый»²⁵. «Я никогда ничего не желал себе, а принадлежу благу общему и всегда готов запечатлеть любовь мою к государству последней каплей крови моей», – говорил П.Г.Каховский²⁶. С.Н.Глинка писал (1808) в своем журнале: «Все наши упражнения, деяния, чувства и мысли должны иметь целью Отечество; на сем единомушном стремлении основано общее благо»²⁷. Одним из понятий в системе взглядов Глинки, развернутой им на страницах журнала «Русский вестник», являлось понятие *общая польза*, без которого подданные не могут составить отечества. Польза же – и личная, и общая – состоит в ревностном исполнении своей должности на благо отечества²⁸.

Сын отечества

Человек, служащий благу общему, имел в рассматриваемое время наименование *сын отечества, которое употреблялось в дворянской среде наравне со словом патриот*²⁹.

Понятие *сын отечества* было тесно связано с идеей самопожертвования ради отечества, с необходимостью, если

²⁵ Бестужев А.Ф. *Правила военного воспитания относительно благородного юношества и Наставления для Офицеров военной службе себя посвятивших*. СПб., 1807. С.82–83.

²⁶ Каховский П.Г. *Из писем // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов*. М., 1951. Т.1. С.509.

²⁷ *Русский вестник*. 1808. №2. С.250.

²⁸ См.: Киселева Л.Н. *С.Н.Глинка и кадетский корпус // Ученые записки Тартуского университета*. Тарту, 1982. Вып.604. С.59, 61.

²⁹ Слово заимствовано в начале XVIII в. предположительно из французского (*patriote*) или немецкого (*Patriot*) языка (См.: Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1971. Т.III. С.217). По мнению Л.Н.Вдовиной, оно было впервые употреблено в 1717 году П.П.Шафировым в сочинении «*Рассуждение о причинах Свейской войны*» (Вдовина Л.Н. *Что есть «мы»? (Русское национальное самосознание в контексте истории от Средневековья к Новому времени)* // *Вестник Московского университета*. 1993. Сер. 8. История. №5. С.11).

СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА

надо, отказаться от своих личных интересов, с приоритетом блага общего над благом личным. А.Н.Радищев отмечал (1789), в частности, что сын отечества не страшится «пожертвовать жизнью, если же она нужна для Отечества», «всем жертвует для блага онаго»³⁰. В «Русском вестнике» (1812) читаем: «Наемник, оценивающий служение свое златом, алчет злата и корысти; сын Отечества, за целостность его неся жизнь свою, желает только спасения и блага общего»³¹.

Напротив, человек, не служащий общему благу, не признается «сыном отечества». Так, например, согласно А.Н.Радищеву, не может называться сыном отечества дворянин, ведущий праздный образ жизни: «Вертопрах, облетающий с полудня (ибо он тогда начинает день свой) весь город, все улицы, все дома для безмысленнейшаго пустаглаголения... сей ли есть сын Отечества?»³².

Сходную трактовку понятия *сын отечества* задавала официальная идеология. В книге «О должностях человека и гражданина» сказано: «Каждый сын отечества долженствует ко благу государства действительно употреблять... все свои способности и свое имение». И далее: «Люди сии, коим давали почтенное название сынов отечества, показывали любовь к отечеству разными способами: некоторые предпринимали для блага отечества полезные, хотя и весьма трудные, дела и старались, не взирая ни на какие препятствия приводить оныя к окончанию; другие сносили постоянно и великодушно 1) все злоключения и обиды для пользы общей и благосостояния своего отечества. 2) Не было ничего столь любезного и приятного для других, чем бы они ни пожертвовали отечеству. Многие не утруждались 3) ни каких опасностей, даже 4) на смерть шествовали смело, и сносили равнодушно 5) смерть свойственников своих, жертвовавших жизнью любезному своему отечеству»³³.

Стремление быть полезным своему отечеству, лежащее в основе патриотических настроений и обязательное для истинного сына отечества, являлось той призмой, сквозь которую офицер воспринимал окружающую его социально-политическую действительность.

³⁰ Радищев А.Н. *Беседа о том, что есть сын Отечества* // Радищев А.Н. *Полное собрание сочинений*. М.; Л., 1938. Т.1. С.217, 218.

³¹ *Обеты русских воинов* // *Русский вестник*. 1812. С.14.

³² Радищев А.Н. *Беседа о том, что есть сын Отечества*. С.216–217.

³³ Фельбигер И.И. *Указ. соч.* С.173; 156.

**Отношение
к дворянам
и крестьянам**

Рассмотрим, как трактовалась социальная структура общества в дворянской среде начала XIX века. Как отмечает Е.Н.Мараσιнова, у дворянина существовало представление об обществе как иерархии несмешиваемых, взаимоподчиненных и четко разграниченных в своих функциях сословий. Основным элементом этой пирамиды был монарх-самодержец, которому подчиняется все дворянство, владеющее в свою очередь крестьянством³⁴.

Иерархия общества в официальной трактовке была весьма сходной с дворянской. Согласно «Книге о должностях человека и гражданина», все население империи делилось на две категории: государь и подданные. Подданные («все находящиеся в Государстве люди, кои Государю или правящим особам повинуются») делились в свою очередь на знатных и низких: «подданные суть 1) различного состояния, иные из них *знатные*, иные же *низкие*. Между *низкими* 2) есть свободные люди, есть же и 3) такие, кои Господам своим службою, некоторыми податями и иными различными образами обязаны, от части же и 4) так присвоены, что ни они сами, ни дети их без соизволения Господ с того места, где они живут, на другое переселиться не могут. *Знатные подданные* Государства суть 1) те, кои именем своим, просвещением и способностями от других отменны; а отличаются они 2) не токмо высокими названиями, но и тем, что к службе Государственной различными образами употребляются». Дворянство называется в «Книге...» *благородным состоянием* и противопоставляется *низкому* на основе понятия *польза*: «В оном (дворянстве. – Е.К.) многие суть степени; но все вообще имеют следующие преимущества пред низким состоянием: 3) им принадлежат высокие места в гражданском правлении и в войске; они суть ближайшие к Особе Монарха, следовательно, имеют честь быть ведомы и употребляемы им и действовать пред его очами: и так дворянство 1) есть то состояние, которое наиболее для пользы отечества делать может и долженствует»³⁵. При этом «дворяне должны вообще являть, как и другие состояния, 1) повиновение, усердие и любовь к отечеству. Усердие благородных должно быть несравненно более людей другого

³⁴ Мараσιнова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С.212.

³⁵ Фельбигер И.И. Указ. соч. С.135–137; 186–187.

состояния: им предлежат 2) труднейшие должности ко исполнению; 3) бодрость и постоянство должны в них быть несравненно больше и по мере важности возлагаемые на них службы»³⁶.

Сходные значения находим и в уже упоминавшемся сочинении 1809 года: «Каждое Государство составляют: Государь и подданные, сии последние делятся на разные сословия: Министров или деловцев Государственных, ученых, Богословов, учителей, стихотворцев и витий, законоискусников, историков, купцов, земледельцев и других, и наконец воинов»³⁷. Особая роль дворянского сословия в государстве была отмечена Д.И.Фонвизиным в сочинении «Рассуждение о непременных государственных законах» (1783). Согласно Фонвизину опорой государственной власти призвано быть дворянство, которое является «почтеннейшим из всех сословий, долженствующее оборонять отечество купно с государем»³⁸.

Как отмечает Е.Н.Марасинова, «вернолюбезными», «истинными» подданными считались лишь дворяне. Социальная иерархия всего населения империи выражалась через понятие «состояние», и лишь позиции высшего сословия определялись термином «достоинство», что еще в 1754 г. было законодательно зафиксировано властью, «даровавшей» дворянству наименование «сословие». При этом достоинство и «благородство» «знатных подданных» определялось не древностью происхождения, а службой монарху, которая под влиянием официальной доктрины из принудительной обязанности становилась привилегией и наиболее богоугодным делом»³⁹.

Обязанностью же крестьян является своевременная уплата податей и оброка, отработка барщины и подчинение господину.

Выше уже отмечалось, что, согласно мировоззрению дворян, только человек, полезный своему отечеству, может называться сыном отечества. Исходя из такой установки, сынами отечества являются только дворяне. Напомним, что А.Н.Радищев, отказывая в звании сынов отечества тем дворянам, которые не трудятся на благо отечест-

³⁶ Там же. С. 189.

³⁷ Гераков Г. Указ. соч. С.168.

³⁸ Фонвизин Д.И. Рассуждение о непременных государственных законах // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2-х т. М., 1959. Т.II. С.265.

³⁹ Марасинова Е.Н. К истории политического языка в России XVIII века // Отечественная история. 2005. №5. С.9.

ва, не применяет этот термин и по отношению к крестьянам. «Какую пользу принесло Государству сие великое число рук?» – спрашивал А.Н.Радищев⁴⁰.

Истоки подобных взглядов, мы полагаем, следует искать в 1762 г., когда была отменена обязательная служба для дворян. После отмены обязательной службы большинство дворян продолжало оставаться служилым сословием, облакая истинные мотивы (невозможность прожить без жалования⁴¹) в идею *добровольного* служения отечеству «из чести». Крестьянство же в рассматриваемое время находилось в зависимом положении («движимыя Мучителем машины») и служило по необходимости – на основе принудительного рекрутского набора. Служба для крестьянина не являлась его свободным, осознанным выбором. Он, в отличие от дворянина, лишь «бесмысленное орудие». По этим причинам, на наш взгляд, на крестьян и солдат не распространялось понятие *сын отечества*.

Таким образом, в основе представлений дворянства о социальной стратификации лежит понятие *сын отечества* и связанное с ним понятие *служба отечеству*.

Это утверждение позволяет объяснить тот факт, что солдат (и крестьянин), его положение, быт, мысли и чувства и т.п. – редкая тема в наших источниках. Устоявшийся порядок, о котором говорилось выше, был настолько очевиден для каждого мемуариста, что представления о нем довольно слабо отражены в источниках личного происхождения, поскольку естественное положение дел не могло серьезно трогать и волновать автора письма, дневника или мемуара⁴².

Вполне возможно, что на отношение к солдату повлияла также существовавшая в рассматриваемое время культурная дистанция между сословиями. Истоки ее можно увидеть в начале XVIII в., когда при Петре I начался процесс, который называют расколом нации и взаимным отчуждением культур. Традиционная крестьянская культура не восприняла культурных ценностей и ориентиров новой культу-

⁴⁰ См.: Радищев А.Н. *Опыт о законодательстве*. С.216.

⁴¹ См.: Фаизова И.В. *«Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии*. М., 1999.

⁴² О влиянии социо-психологических установок на характер и содержание информации источника личного происхождения см.: Минц С.С. *Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования*. СПб., 1998.

ры, изменившей коренным образом жизнь и быт русского дворянства⁴³. С XVIII века у дворян появился презрительный снобизм, готовый видеть в крепостных лишь людей иной природы, второго разряда⁴⁴.

Более того, при такой социальной дистанции, какая существовала в начале XIX в. между офицером и солдатом (дворянином и крестьянином), нижестоящий по социальному положению индивидуум не существовал для офицера как конкретная личность. В источниках чаще встречается термин *солдаты*, нежели *солдат*. Так, например, рассказывая «о походах», Рафаил Михайлович Зотов 24 раза заводит разговор о солдатах в общем либо о солдатах своей части, но не пишет о каком-либо одном конкретном солдате. Наиболее характерные свидетельства, касающиеся положения солдат, лишены интереса к личности рядового: «Солдаты мои развели огонь, построили мне шалаш»⁴⁵; «В окрестностях онаго местечка солдаты получили широкое размещение»⁴⁶; «Некоторые солдаты падали на походе полумертвыми; для таких оставляли надсмотрщиков»⁴⁷ и т.п.

На страницах источников солдат появляется тогда, когда он проявляет качества, характерные, по мнению офицеров, для статуса и социального положения сына отечества. Это, прежде всего, любовь к отечеству, находящая свое выражение в героическом поведении. Так, например, Александр Чичерин думал о крестьянах так: «Всякий день я нахожу человек десять, один лучше другого; я обнаруживаю у них рассудительность, ничуть не уступающую нашей и не испорченную нашими нелепыми условностями, а, напротив, очищенную их высокими качествами. ...Это у них я прохожу курс морали, у них учусь любить отечество»⁴⁸.

⁴³ Вдовина Л.Н. Указ. соч. С.11.

⁴⁴ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства... С.219.

⁴⁵ Зотов Р. Рассказы о походах 1812-го и 1813-го годов, прапорщика санкт-петербургского ополчения. СПб., 1836. С.471.

⁴⁶ Из воспоминаний Н.А.Дивова // Русский архив. 1873. Кн.2. Вып.7. Стб.01332.

⁴⁷ Из воспоминаний Николая Максимовича Распопова // Русский архив. 1879. Кн.3. Вып.9. С.38.

⁴⁸ Письмо А.Чичерина С.В.Строгановой. 2 апреля 1812 года // Чичерин А.В. Дневник. 1812–1813. М., 1966. С.232.

**Отношение
к императору**

В начале XIX в. продолжается процесс десакрализации монархической власти и самого монарха. В русском обществе интересующего нас времени монарх трактуется уже не в религиозном ключе, а во вполне мирском: он рассматривается, главным образом, как человек, имеющий определенный круг обязанностей перед отечеством и подданными. Тогда как, согласно В.М.Живову и Б.А.Успенскому, сакрализация представляет собой уподобление монарха Богу и усвоение монархом особой харизмы, особых благодатных даров, в силу которых он начинает восприниматься как сверхъестественное существо⁴⁹.

Большую роль в процессе десакрализации монарха и складывания образа государя как первого сына отечества сыграл Петр I. Петр декларировал тезис о том, что царь – сын отечества, в результате чего интересы отечества были поставлены выше пietetа к персоне монарха. По мнению Л.Н.Вдовиной, именно с петровского времени с утверждением абсолютизма идея служения государству распространяется и на самого абсолютного монарха⁵⁰.

По мнению Н.И.Веденяпиной, огромным было влияние на умы указа о престолонаследии (1722). Позволяя себе назначать преемника, Петр во имя сохранения абсолютной власти невольно пошел на принижение ее статуса. Монарх – помазанник божий, но власть, врученная им, человеком, своему преемнику, перестает быть богоданной⁵¹. Согласно Н.И.Веденяпиной, Петр вряд ли предвидел, что изживание царистских иллюзий наложит такой отпечаток на развивающееся самосознание дворянства. Критичное отношение к носителям власти становится одной из определяющих характеристик этого явления. Очевидно, что именно Петр своей политикой европеизации заронил семена свободомыслия, поведа дворянство по пути просвещения⁵².

Формирование образа монарха как светского человека можно считать завершившимся к 1783 году, когда была опубликована с разреше-

⁴⁹ Живов В.М., Успенский Б.А. *Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С.49.*

⁵⁰ Вдовина Л.Н. *Указ. соч. С.8.*

⁵¹ Веденяпина Н.И. *Некоторые вехи формирования дворянского самосознания в России в XVIII в. // Памяти Ю.Д.Марголиса: Письма, документы, воспоминания. СПб., 2000. С.581.*

⁵² Там же.

ния Екатерины II «Книга о должностях человека и гражданина». В «Книге...» император трактуется как светское лицо, отец своих подданных, наделенный определенным кругом обязанностей: «Государь, как всеобщий чадолюбивый Отец, доставляет 2) безопасность своему государству от внешних врагов... наблюдением правосудия, защищает 4) каждого подданного обидимого несправедливым образом... распространяет повсюду 6) порядок, изобилие... употребляет разных способных особ, для достижения великих всему государству полезных намерений... не оставляет никого без помощи, поелику ему можно, и лишает себя покоя, забав и выгод 1) для доставления спокойствия и выгод подданным своим»⁵³. Автор «Совета молодым офицерам» также возлагал на императора определенную ответственность: «Государь есть та священная особа, от которой зависит благоденствие целого народа, им управляемого»⁵⁴.

Официальной позиции вторит общественная мысль того времени. Так, согласно мнению С.Н.Глинки, отраженному в его журнале «Русский вестник»⁵⁵, чем более высокое положение занимает человек, тем круг его обязанностей шире и тем выше ответственность и труднее должность. Больше всех в государстве трудится монарх, ибо «каждый из подданных трудится для себя или для своего семейства; Цари-Отцы трудятся для каждого и для всех». С.Н.Глинка на страницах своего журнала неустанно подчеркивает обязанности монарха по отношению к подданным⁵⁶. Ф.Н.Глинка полагал, что император имеет ряд обязанностей перед своим народом: «Государь встает рано: у него много трудов, много работ, много забот: ему некогда успокоиться! – Он печется о целом народе, как нежный отец о семействе своем»⁵⁷.

Как видно, в рассматриваемое нами время монарх воспринимался как светская личность, имеющая определенный круг обязанностей перед отечеством, служащая ради его блага, т.е. как сын отечества.

Такая позиция характерна и для русского офицерства. В своем дневнике А.В.Чичерин высказывается об императоре не как о сакральной, а

⁵³ Фельбигер И.И. Указ. соч. С.167–168.

⁵⁴ Гераков Г. Указ. соч. С.169.

⁵⁵ Согласно Л.Н.Киселевой, журнал «Вестник Европы» отражал общественную, а не официальную позицию (См.: Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н.Глинки... С.54).

⁵⁶ См.: Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н.Глинки... С.60.

⁵⁷ Глинка Ф. Подарок русскому солдату. СПб., 1818.

как о вполне мирской персоне: «Всякое величие – вещь пустая. Разумный человек ... не может считать разумной власть, подчиняющую ее государю, *такому же человеку, как он сам* (курсив мой. – Е.К.), или генералу – тысяче разных начальников, которые выше его чином, но равны ему по человеческому праву»⁵⁸. «По вступлении в кадетский корпус, – вспоминал Гавриил Батеньков, – я подружился с Раевским <...> с ним в первый раз осмелился говорить о царе, яко о человеке, и осуждать поступки с нами цесаревича»⁵⁹. Полезным отечеству должен быть любовью гражданин государства, в том числе император. Князь Федор Голицын полагал, что у «каждого государя в свете главная цель должна быть общее благо»⁶⁰.

Важно отметить, что монарх воспринимался в среде офицерской молодежи в 1812 году как партнер по выполнению важнейшей социальной миссии – служения отечеству. Так, адъютант М.И.Кутузова А.И.Михайловский-Данилевский писал, что государь и его ближайшее окружение – это «ревностнейшие патриоты своего времени, желавшие поставить отечество свое на равную чреду с просвещенными державами Европы»⁶¹.

В связи с этим мы разделяем мнение М.А.Давыдова, согласно которому в сознании части дворянства постепенно утверждалась мысль о том, что дворяне и император в определенном смысле слова равны, ибо все они сыны отечества. Монарх был хотя и первый, но все же среди равных⁶². В этом смысле показательно, что С.П.Трубецкой употребляет слово *дружина*, говоря о будущих декабристах-участниках войн с Наполеоном: «Некоторые молодые люди, бывшие за отечество и царя на поле чести, хотели быть верной дружиной вождя своего на поприще мира»⁶³.

⁵⁸ Чичерин А.В. Дневник... С.36.

⁵⁹ Батеньков Г.С. Развитие свободных идей // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т.1. С.173.

⁶⁰ Записки князя Федора Николаевича Голицына // Русский архив. 1874. Кн.1. Вып.5. Стб.1283.

⁶¹ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С.147.

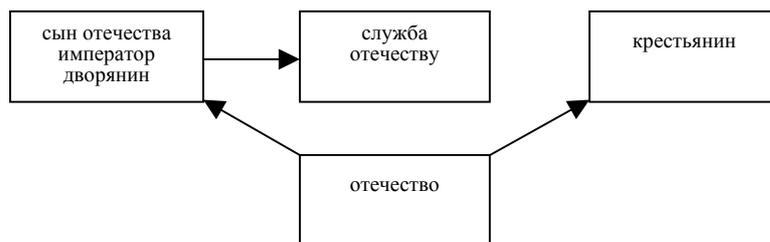
⁶² Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. М., 1994. С.22.

⁶³ Трубецкой С.П. Записки // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т.1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. С.217.

СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА

Однако в источниках уже в период 1812–1814 гг. пусть редко, но все же встречается критика в адрес императора. В дневнике А.В.Чичерина за 13 ноября 1812 г. есть запись: «Приходится благодарить небо за божественное покровительство, потому что правительство отнюдь не стремится споспешествовать нашим победам. Уже несколько недель войска не имеют хлеба...». Размышляя о начале кампании 1813 г., которое Кутузов считал преждевременным, настаивая на том, что армии нужен отдых, Чичерин отметил: «Сам государь, объявив войну, хорошо осознавал, что рискует своим венцом»⁶⁴. Хотя автор тут же оговаривает, что, пожалуй, «поплатиться венцом» – это «сильно сказано», однако сам факт возможности развития мысли офицера в этом направлении показателен. Вспоминая пребывание русской армии в Париже, офицер А.Карпов писал, что император не исполняет свои обязанности: «Тут мы узнали всю тяжесть войны. Главное же начальство собралось все в Париж, пирило от радости вместе с Государем, а войско терпело во всем недостаток, и никто о нем не думал»⁶⁵.

Все это позволяет нам предполагать, что в период Отечественной войны 1812 года император рассматривался офицерством как человек, служащий ради блага государства – т.е. как сын отечества. Таким образом, связь между рассматриваемыми нами понятиями можно представить в виде следующей схемы:

⁶⁴ Чичерин А.В. Дневник... С.52; 84.

⁶⁵ Записки полковника Карпова. 1807–1837. Витебск, 1910. С.51.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОНЯТИЙ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Рассмотрим трансформацию этой системы в послевоенные годы.

Изменение отношения к императору Как уже было отмечено, император, согласно представлениям русского офицерства, имеет определенный круг обязанностей по отношению к отечеству, которые он должен исполнять. Вместе с тем, по мнению офицеров, после наполеоновских войн Александр стал заниматься главным образом внешнеполитическими проблемами – устройством послевоенной Европы. На внутривнутренние дела Александр обращал меньше внимания.

Подобная смена политических интересов императора воспринималась офицерами негативно. А.В.Поджио писал: «Мыслим ли был Александр таковым, как мы видели его впоследствии? Мирный, кроткий, почти юноша, чуждый порывам честолюбия или власти (все это было за ним), вдруг превращается в какого-то несозревшего воина и ищет славных приключений... Он бросил Россию ради идеи устройства Европы»⁶⁶. «В 13-м году император Александр перестал быть царем русским и обратился в императора Европы», – отмечал И.Д.Якушкин. «По возвращении императора в 15-м году, – продолжает Иван Дмитриевич, – он просил у министра на месяц отдыха; потом передал почти все управление государством графу Аракчееву. Душа его была в Европе»⁶⁷. «Александр I в последнее десятилетие своего царствования свалил все бремя государственного управления на плечи Аракчеева, на слугу ему верно, но не на государственного мужа, а сам подчинился наущениям Меттерниха и под конец предался мистицизму и думал только о спасении собственной души своей», – вспоминал А.Е.Розен⁶⁸. А.М.Муравьев считал, что Александр I, «забыв совсем свой долг перед Россией», передал правление страной Аракчееву⁶⁹. И.Д.Якушкин писал: «До слуха всех

⁶⁶ Поджио А.В. *Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С.250–251.*

⁶⁷ Якушкин И.Д. *Записки // Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма декабриста И.Д.Якушкина. М., 1951. С.8–9; 10.*

⁶⁸ Розен А.Е. *Записки декабриста // Мемуары декабристов. М., 1988. С.145.*

⁶⁹ *Записки А.М.Муравьева. «Мой журнал» // Мемуары декабристов. Северное общество.*

беспреданно доходили изречения императора Александра, в которых выражалось явное презрение к русским. Так, напр[имер], при смотре в Вертю, во Франции, на похвалы Веллингтона устройству русских войск император Александр во всеуслышание отвечал, что в этом случае он обязан иностранцам, которые у него служат. Генерал-адъютант гр[аф] Ожеровский, родственник Сергея и Матвея Муравьевых, возвратившись однажды из дворца, рассказал им, что император, говоря о русских вообще, сказал, что каждый из них плут, или дурак, и т.д.»⁷⁰.

Кроме того, Александр I, обратив после завершения войн с Наполеоном основное внимание на Европу, не прислушивался к мнению офицеров (сынов отечества), сформулировавших к тому времени идею содействия правительству в деле достижения блага общего. В этом смысле весьма показательным свидетельством С.П.Трубецкого. Сомнения в том, что Александр «ищет больше своей личной славы, нежели блага подданных», возникли после того, как император отверг некоторые предложения по преобразованию страны, переданные ему А.Н.Муравьевым⁷¹. «Его величество, прочтя, сказал: "Дурак! не в свое дело вмешался". Такие действия государя казались обществу не согласующимися с тою любовью к народу и желанием устроить его благоденствие, которое оно в нем предполагало»⁷². А.Е.Розен писал о членах тайных обществ: «Они видели ясно, что император, спаситель Европы, восстановитель Польши, освободитель крепостных людей прибалтийских губерний, поощритель просвещения, распространитель Евангелия, вдруг начал по наущениям Меттерниха *подавлять всякое народное движение к вещественному и умственному улучшению* (курсив мой. – Е.К.) <...> и не только в своем отечестве, но и в других странах останавливал ход вперед»⁷³. Весьма сходно свидетельство М.А.Фонвизина, согласно которому, «пока осмысленные русские патриоты могли еще ожидать от самого Александра благодетельных преобразований, которые, ограничив его

М., 1981. С.124.

⁷⁰ Якушкин И.Д. Записки... С.10.

⁷¹ Отметим, что сам факт передачи императору бумаги с предложениями по преобразованию страны свидетельствует о том, что офицеры, воспринимали себя как людей, помогающих монарху в деле управления государством.

⁷² Трубецкой С.П. Из «записок» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т.1. С.358.

⁷³ Розен А.Е. Записки декабриста. С.151.

самовластие, сколько-нибудь улучшили бы состояние народа, они готовы были усердно содействовать его благим намерениям, но когда они убедились в совершенном изменении его прежнего свободолюбивого образа мыслей после войны ...то самые восторженные почитатели его в блистательную эпоху занятия Парижа совершенно охладели к нему»⁷⁴.

Именно с уверенностью офицерства в том, что Александр не прислушивается к мнению сынов отечества и подавляет «всякое народное движение... к улучшению», начинается поиск путей выхода из сложившегося положения. Поиск завершился идеей ограничения монархии конституцией или создания республики, т.е. типом власти, при котором неограниченная власть, или, по терминологии офицера-декабриста А.Е.Розена, *своевластие*, исключая необходимость прислушиваться к сынам отечества, отсутствовала бы вовсе.

Все эти изменения повлияли на отношения офицерства к императору. После наполеоновских войн Александр начинает восприниматься как человек, изменивший делу служения отечеству, долгу сына отечества – стремлению к пользе общей.

В 1817 году, по воспоминаниям И.Д.Якушкина, Александр Муравьев прочел членам Союза спасения письмо от С.П.Трубецкого, «в котором он извещал нас о петербургских слухах: во-первых, что царь влюблен в Польшу, и это было всем известно; на Польшу, которой он только что дал конституцию и которую почитал несравненно образованнее России, он смотрел как на часть Европы; во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с 15-го года; в-третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно; наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву»⁷⁵. После этих слов, по воспоминаниям Якушкина, в обществе появилась идея цареубийства: «Россия не может быть более несчастна, как оставаясь под управлением царствующего императора... – писал офицер. – Наконец, Александр Муравьев сказал, что для отвращения бедствий, угрожающих России, необходимо прекратить царствование императора

⁷⁴ Фонвизин М.А. Из «записок» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т.1. С.372.

⁷⁵ Якушкин И.Д. Записки... С.16–17.

Александра и что он предлагает бросить между нами жребий, чтобы узнать, кому достанется нанести удар царю»⁷⁶.

Важно отметить, что, формулируя идею цареубийства, офицеры исходили не столько из ненависти к монарху, сколько из стремления принести отечеству пользу. Это видно из слов Якушкина: «Уверяли меня, что все сказанное в письме Трубецкого может быть и неправда, что смерть императора Александра в настоящую минуту не может быть ни на какую пользу для государства»⁷⁷. И хотя, согласно мнению С.В.Мироненко, М.П.Одесского и Д.М.Фельдмана, вопрос о физическом устранении для участников тайных обществ никогда не был принципиальным и решение убить императора было столь же быстро оставлено, сколь быстро и неожиданно возникло⁷⁸, само появление этой идеи весьма показательно.

До завершения кампаний 1812–1814 годов в сознании русского офицера понятия *отечество* и *император* были тесно связаны друг с другом. Так, например, подпрапорщик Муромского пехотного полка А.Зайцев, говоря о пребывании русской армии во Франции в 1814 г., отмечал: «Возвратившись в лагерь (из Парижа. – Е.К.), мы праздновали Святую Пасху, как будто на родине. <...> С Царем русским везде Родина!»⁷⁹ Война 1812 г. понималась русским офицерством как борьба за царя и отечество. «1812 год соединил всех к одной цели – защите отечества и престола», – писал В.И.Штейнгель⁸⁰. «Когда весть о вторжении несметных полчищ Наполеона разнеслась по России, можно сказать, что одно чувство одушевило сердца, приверженные к Царю и Отечеству», – вспоминал Н.Б.Голицын⁸¹. «Неумолимое время течет, унося с собою даже память о деятелях мировой эпохи 1812 года, этой достославной борьбы за Царя и родину!» – находим в пись-

⁷⁶ Там же. С. 17.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Мироненко С.В. «Московский заговор» 1817 г. и проблема генезиса декабристской идеологии // *Революционеры и либералы*. М., 1990. С.248; Одесский М.П., Фельдман Д.М. *Декабристы и террористический тезаурус* // *Литературное обозрение*. 1996. №1. С.73.

⁷⁹ *Воспоминания о походах 1812 года, составленные из рассказов офицера Александром Зайцевым*. М., 1852. С.31.

⁸⁰ *Письма В.И.Штейнгеля на имя Николая I* // *Мемуары декабристов: Северное общество*. С.241.

⁸¹ Голицын Н.Б. *Указ. соч.* С.7.

ме офицера лейб-гвардии Егерского полка Лермантова⁸². Враг отечества являлся для офицерства одновременно врагом императора. Подпоручик 6-й артиллерийской бригады А.Суханин вспоминал о своих переживаниях в начале войны 1812 года: «Сердце было полно дум, но вместе с тем было так хорошо от какого-то неизъяснимого чувства... Любезное Отечество, я для тебя рожден! Иду против врагов твоих и нарушителей спокойствия Царского дома»⁸³.

Идея убийства императора ради блага отечества позволяет говорить, на наш взгляд, что понятия *отечество* и *император* в сознании русского офицерства после войн с Наполеоном разводятся. Император более не ассоциируется с отечеством.

Изменение отношения к солдатам

Наиболее важным открытием для офицеров, сделанным в ходе войны 1812 года, было то, что простой солдат оказался не меньшим патриотом, чем сами офицеры (т.е. истинные «сыны отечества»). Так, подпрапорщик лейб-гвардии Семеновского полка И.Д.Якушкин отмечал, что в 1812 г. «даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле»⁸⁴. В данном высказывании обращает на себя внимание употребление определения «бессмысленное орудие» и слова «даже» по отношению к солдатам, которое свидетельствует о том, что исходные представления офицера базировались на убежденности в том, что солдаты на войне являются «бессмысленными орудиями». Анонимный офицер в «Письмах о 1812 годе» применяет по отношению к крестьянину эпитет «бессмысленный»: 1812 год «удаленным от круга действия представляется как волшебная опера, в которой гром, молния, морские волны, мгновенная перемена декораций — все восхищает зрителей! Но находящийся на сцене часто видит громовержцем бессмысленного мужика»⁸⁵.

⁸² Лермантов. Воспоминания ветерана отечественной войны 1812 года, служившего в лейб-гвардии егерском полку (ныне гатчинском) // Русский инвалид. 1871. №63. С.2.

⁸³ Суханин А. Из журнала участника войны 1812 г. // Русская старина. 1912. Т.149. №2. С.273.

⁸⁴ Якушкин И.Д. Записки... С.7.

⁸⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.550. Q 452. Л.1.

В Бородинском сражении раненого юнкера гвардейской артиллерии А.С.Норова вынес с поля боя к лазаретам бомбардир Курочкин. На просьбу Норова остаться с ним артиллерист ответил: «Я попрошу, ваше благородие, чтобы здесь вас покамест поберегли, а мне позвольте вернуться на батарею: людей много бьет, всякий человек теперь там нужен». «Христос с тобою, мой друг, – ответил офицер, – если я останусь жив, ты не останешься без награды»⁸⁶. Отметим, что Норова так поразило стремление рядового артиллериста Курочкина защищать отечество, что он запомнил его слова и воспроизвел спустя много лет в своих воспоминаниях, сочтя необходимым включить их в текст.

Геройскому поведению рядового гренадера А.И.Антоновский в своих «Записках» посвятил целый сюжет. Во время отступления этот солдат, догнав полк, где служил Антоновский, остановил одного унтер-офицера и попросил отрезать ему оторванную ядром руку, висевшую на одной жиле. Офицер отпилил руку тесаком. Антоновский подошел к гренадеру и спросил, как он решился на такой поступок. «Мешает идти, а отстать от полка и попасть в плен к французам избави Боже; если суждено умереть, то пусть же между своих...». «Такие чувства весьма тронули меня, – писал Антоновский, – я похвалил его героизм и любовь к родине, подумав: "Великого духа ты, товарищ, и верный патриот отечества"»⁸⁷.

О патриотизме крестьян, проявленном в 1812 г., писал в своих записках Ф.Н.Глинка: «Ужели и Смоленск сдадут?.. Солдаты будут драться ужасно! Поселяне готовы сделать то же. Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании... Дух пробуждается, души готовы. Народ просит воли (здесь и далее курсив Ф.Н.Глинки. – Е.К.), чтоб не потерять волюности. Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, позволяющей собираться, вооружаться и действовать, где, как и кому можно». Через несколько дней (8 августа) после распространения подписанного М.Б.Барклаем де Толли воззвания мемуарист отметил: «Вооружайтесь все, вооружайся всяк, кто только может, гласит, наконец, главнокомандующий в последней прокламации своей. Итак – народная война!»⁸⁸

⁸⁶ Норов А.С. Из воспоминаний // Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001. С.202.

⁸⁷ Антоновский А.И. Записки // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1904. Вып.3. С.125.

⁸⁸ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... С.123.

На изменение отношения к солдату оказал влияние, на наш взгляд, еще один фактор: на войне, в отличие от мирного времени, офицер и солдат были практически все время рядом. При таких связях вступают в силу личные отношения, которые оттесняют сословные различия. Организация боя, по мнению Ю.М.Лотмана, собирая людей, весьма различных по своему месту в общественной иерархии, и упрощая формы взаимодействия между ними, в определенном отношении отменяла общественную иерархию и воспринималась как ее упрощение⁸⁹. Во время войны произошла демократизация отношений между солдатом и офицером. Общие бытовые трудности, угроза гибели сблизили командиров и их подчиненных. Повседневный опыт обнаружил в солдате человека, со своей судьбой и со своими чувствами, такими же, какие испытывал офицер. Вне войны это было почти невозможно осознать, так как, по словам Ю.М.Лотмана, в мирное время офицер встречался с солдатами как командир роты или батальона, он приходил на время учений, к восьми утра, а примерно к двенадцати-часу дня уходил. Дальше солдатами занимался фельдфебель⁹⁰.

М.И.Муравьев-Апостол вспоминал: «1812, 1813 и 1814 гг. нас познакомили и сблизили с солдатами. Все мы были проникнуты долгом службы. Добропорядочность солдат зависела от порядочности поведения офицеров. Каждый чувствовал свое собственное достоинство, поэтому умел уважать его в других. Служба отнюдь не страдала от добрых отношений, установившихся между солдатами и офицерами»⁹¹.

В этом смысле показателен также пример А.Чичерина. В конце кампании 1812 года он забрал к себе из Полоцкого госпиталя рядового музыканта Колоскова. Офицер воспринимал его не как своего подчиненного, не как слугу, а как друга; беседовал с ним, учил немецкому языку. Это общение привело к тому, что у А.Чичерина начали меняться устоявшиеся представления о моральном превосходстве благородного сословия над сословием «подлым». «Это простой солдат, – записал он в

⁸⁹ Лотман Ю.М. *Театр и театральность в строе культуры начала XIX века* // Лотман Ю.М. *Избранные статьи*. Таллинн, 1992. Т.1. *Статьи по семиотике и типологии культуры*. С.280.

⁹⁰ Лотман Ю.М. *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. СПб., 1994. С.318.

⁹¹ Муравьев-Апостол М.И. *Воспоминания и письма* // *Мемуары декабристов*. Южное общество. С.179.

дневнике, – он принадлежит к тому классу людей, которых в обществе называют скотиной... Вы, украшенные орденами, отягощенные богатствами, вас я уважаю, быть может, меньше, чем моего музыканта»⁹².

В ноябре 1812 года Чичерин, размышляя об итогах войны, говорит о крестьянах из-под Юхнова: «Они принесли "в жертву и семьи, и спокойное существование ради чести служить отечеству"» – и называет их благородными, знающими «добродетели патриотизма». Интересно отметить, что к крестьянам Чичерин применяет эпитет «благородные», а также дворянское понятие чести. Напротив, некоторые дворяне проявили качества, которые не позволяют Чичерину считать их патриотами: «Жадные и корыстные помещики, – пишет офицер, – остались в своих владениях, чтобы избежать полного разорения, и, волей-неволей содействуя замыслам неприятеля, открыли ему свои амбары; проливая искренние слезы и рассуждая о патриотизме, они верности отечеству предпочли удовлетворение своего корыстолюбия»⁹³. Ф.Н.Глинка 17 августа 1812 г. отмечал: «Всякий раз, когда, идя с солдатами во время ночных переходов, завожу с ними разговор или слушаю их, разговаривающих, то во всех поступках их замечаю пламенное желание стать и сражаться»⁹⁴. С.Г.Волконский вспоминал свой разговор с Александром I в 1812 году: «Тут он (Александр I. – *Е.К.*) мне сделал следующие вопросы: 1-й. Каков дух армии? – Я ему отвечал: "Государь! От главнокомандующего до всякого солдата все готовы положить свою жизнь к защите отечества и вашего импер[аторского] величества". 2-й. А дух народный? – На это я ему отвечал: "Государь! Вы должны гордиться им; каждый крестьянин – герой, преданный отечеству и вам". 3-й. А дворянство? – "Государь! – сказал я ему. – Стыжусь, что принадлежу к нему: было много слов, а на деле ничего"⁹⁵. Несмотря на то, что свидетельство Волконского ретроспективно и могло быть отредактировано мемуаристом, основа рассказа документальна.

В подобных наблюдениях, сделанных во время войны, кроются зачатки декабристской идеологии. Чичерин пишет: «Всеобщая нищета, полное разорение одних, позорное положение, до которого дошли помещики», – все это может привести к революции. Офицер приходит к

⁹² Чичерин А.В. *Дневник...* С.157–158.

⁹³ Там же. С.47.

⁹⁴ Глинка Ф.Н. *Письма русского офицера...* С.32–33.

⁹⁵ Волконский С.Г. *Записки. Иркутск, 1991.* С.216.

мысли, что «революции столь же необходимы в жизни империи, как нравственные потрясения в жизни человека»⁹⁶.

Вопрос о «преимущественном состоянии» отдельных членов общества, в первую очередь дворян, перед другими чрезвычайно занимал редактора «Русского вестника». По мнению С.Глинки, сам по себе факт принадлежности к дворянству не является достоинством и вообще не имеет оценочного смысла. Только свято исполняя свой долг перед Отечеством, дворянин достигает «имени благородного человека и удостоивается преимуществ и отличий, предоставленных ему Отечеством». Борясь с аристократическими предрассудками, Сергей Николаевич писал: «Название благородного человека также часто неправильно употребляется, как и все другие слова. Простой воин, земледелец, усердно и терпеливо переносящие обязанности свои, суть достойные и благородные сыны Отечества». «Имена усердных сынов Отечества украшаются делами: вот истинная знатность, достоинство и благородство!» – продолжает он⁹⁷.

Во время Отечественной войны солдат стал рассматриваться не столько как подчиненный, сколько как соучастник исторического события, такой же патриот, как и офицер. Нравственные критерии – смелость, доброта, порядочность, исполнение воинского долга – отодвинули в сознании офицерства сословные границы. Благородным человеком оказался и простой солдат.

Думается, эта трансформация взглядов на роль солдата, включение солдата в рамки понятия *сын отечества*, т.е. включение в структуру своего «мы», во многом позволила офицерам увидеть пагубность крепостного строя, так как *сын отечества*, сознательно идущий на подвиг, не может быть рабом.

Пересмотр социальных взглядов, произошедший в результате войны, привел к тому, что офицеры стали обращать внимание на тяжелое положение рядовых. Так, говоря об отмене телесных наказаний для солдат в Семеновском полку в послевоенные годы, М.И.Муравьев-Апостол писал: «Мыслимо ли бить героев, отважно и единодушно защищавших свое отечество, несмотря на существовавшую крепостную зависимость, прославившихся за границей своею непоколебимою храбростью и вели-

⁹⁶ Чичерин А.В. Дневник... С.47.

⁹⁷ Цит. по: Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н.Глинки... С.61.

кодушием»⁹⁸. «Надобно было быть того времени; быть свидетелем, очевидцем всего того, что тогда творили с солдатом и с офицером, чтобы поверить в возможность тех неистовых проявлений, коими ознаменована эта эпоха, справедливо названная *фронтманиею* <...> Солдат был собственностью, принадлежностью каждого!» – вспоминал А.В.Поджио о положении рядовых⁹⁹.

Офицеры-декабристы, по мнению С.О.Шмидта, пришли к осознанию необходимости освободить народ от ига крепостного права и злоупотреблений самодержавия не только потому, что они узнали о другом порядке в забывшей о серваже¹⁰⁰ Западной Европе, но и оттого, что видели этих крепостных в солдатских шинелях на войне, жили вместе с ними, воевали с ними рука об руку, вместе отдавали жизнь за Отечество¹⁰¹.

Поворот в социальных представлениях привел к тому, что в сознании офицерской молодежи формируется идея облегчения участи крепостных, ставшая затем одним из пунктов декабристской программы преобразований. Так, например, И.Д.Якушкин уже вскоре после возвращения из заграничного похода готовится освободить своих крестьян. Он пишет: «Я уехал из Петербурга в 37-й егерский полк. Заехав по пути к моему дяде, который управлял небольшим моим имением в Смоленской губернии, я ему объявил, что желаю освободить своих крестьян. В это время я не очень понимал, ни как это можно было устроить, ни что из этого выйдет; но, имея полное убеждение, что крепостное состояние – мерзость, я был проникнут чувством моей обязанности освободить людей, от меня зависящих»¹⁰². Несмотря на то, что идея улучшения положения крепостных крестьян так и осталась в рамках идеологических конструкций и не получила скольконибудь серьезного практического воплощения, само ее появление примечательно.

⁹⁸ Муравьев-Апостол М.И. Указ. соч. С.179.

⁹⁹ Поджио А.В. Указ. соч. С.74–75.

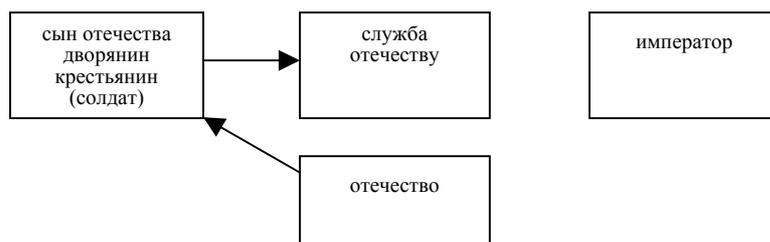
¹⁰⁰ Серваж – вид феодальной зависимости крестьянства в странах Западной Европы в Средние века, отличавшийся наибольшим ограничением гражданских и хозяйственных прав крестьян (Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1976. Т.23. С.285).

¹⁰¹ Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М., 2002. С.117.

¹⁰² Якушкин И.Д. Записки... С.11–12.

Однако, несмотря на то что в ходе кампаний 1812–1814 гг. происходит включение крестьян в категорию «сын отечества», они, по мнению офицерской молодежи, были еще не готовы к осознанному служению. Крестьянам предстояло дать образование, т.к. необразованный человек не может воспользоваться своими правами во благо себе и окружающим, т.е. не может быть гражданином. Не случайно поэтому, что после войны ряд офицеров открывает школы взаимного обучения¹⁰³ для солдат и крестьян¹⁰⁴. В.Ф.Раевский самостоятельно составлял для солдат тетради для обучения грамоте¹⁰⁵.

Указанные выше изменения (включение крестьян в категорию сынов отечества, исключение из нее императора и разведение понятий *отечество* и *император*) привели к формированию системы понятий, которая схематично может быть изображена следующим образом:

Итак, в основе социально-политических взглядов русского офицерства эпохи наполеоновских войн, на наш взгляд, лежало понятие отечество. Выявление семантики слова отечество позволило уточнить понимание патриотизма в рассматриваемое время. Патриотизм трактовался как деятельная любовь к отечеству, направленная на достижение блага

¹⁰³ Белл-ланкастерская система взаимного обучения – система организации и методов обучения в начальной школе, при которой старшие и более успевающие ученики (мониторы) под руководством учителя вели занятия с остальными учащимися (Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1976. Т.3. С.116).

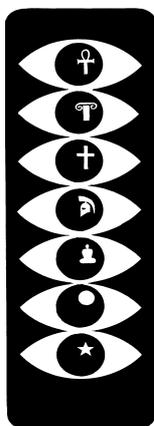
¹⁰⁴ Первая такая школа была открыта уже в 1815 году.

¹⁰⁵ Прокофьев Е.А. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953. Ильин П.В. Ланкастерский метод обучения и движение декабристов: о либерально-просветительской ориентации тайных обществ в 1810–1820 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1994; Прокофьев Е.А. Указ. соч. С.276–277, 280.

СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА

общего. Каждый патриот (сын отечества) должен быть полезен стране. Именно эта установка обусловила социально-политические взгляды офицерства. В соответствии с этими взглядами до 1812 года дворяне и император составляют категорию сынов отечества, крестьянство же, как сословие неблагородное, в эту категорию не попадало, и интерес к его положению в офицерской среде в этот период был минимальный. Под влиянием кампаний 1812–1814 гг., а также последующих событий указанная установка начинает трансформироваться: император перестает ассоциироваться с сыном отечества; напротив, крестьяне начинают восприниматься офицерством как истинные сыны отечества. В этой трансформации мы усматриваем исходные моменты формирования декабристской идеологии.

Елена Мягкова, Александр Репников

ОБРАЗЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ XIX ВЕКА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

There are many testimonies that allow us to speak of emotional and deep perception of the French revolution events by several generations of Russian people. Values, system of images and symbols begot by the French revolution served as a "guide" of a kind to the future that dazzled and at the same time scared. Having put a clear-cut line between conservatives and radicals discussions on the optimal way of the West European norms adoption brought about formation of the "Russian idea" and contention that Russia needed a peculiar civilization. One line expressed itself in the Orthodox and monarchic ideal where the Enlightenment principles were connected with motives of national identity (formula "Liberty, Equality, Brotherhood" was replaced with triad "Orthodoxy, Autocracy, national authenticity"). The other line was an alloy of the European Socialism and ideals of communality that were focused on the ancient communal way of life. The intelligentsia associated the way to the bright future with results of its own activity. The Russian people just had to accept the results of choice made by the intelligentsia.

Ключевые слова: Французская революция; история общественной мысли России XIX в.; интеллектуальная история; политическая мифология.

Key words: the French revolution; history of the Russian social and political thought; intellectual history; political mythology.

E-mail: repnikov@mail.ru

Сохранилось немало свидетельств, позволяющих говорить об эмоциональном и глубоком восприятии поколениями русских людей событий Французской революции¹. Не только оппозиционная интеллигенция, но и русские консерваторы признавали: «Несомненно, что великая революция имела всемирное значение. Из нее вышло много благодетельных мер и новых стремлений; она разрушила много обветшавших форм правления и общественных отношений»². Все это оказалось не просто внешним раздражителем, но реальным фактором становления исторического сознания, шире – подлинным «явлением русской культуры»³. Благоприятный для такого процесса контекст был создан предварительным усвоением интеллектуального опыта образованной Европы – языка Энциклопедии, понятий о социальном и национальном, учений о гражданском обществе и конституционном государстве. Пребывавшие дотоле лишь в абстракции идеи Просвещения приобретали теперь оттенок *реальности*; преобразование человечества должно произойти не «когда-либо», а «на глазах живущего поколения».

*Что-то слышно под землею,
Что-то чудно на земле,
Свет откуда-то струю
Ищет места в нашей мгле.
И теснится... и находит,
И, сгоняя мрак, горит,
И порядок новый сходит,
И ветшает старый быт;
И скрипят везде закрепы
И пороков и грехов,
И покинули вертепы
Стаи филинов и сов
От лучей иглистых света*⁴.

¹ Великая Французская революция и Россия. М., 1989; Великая Французская революция и русская литература. Сборник статей. М., 1990; Джеджула К.Е. Россия и Великая Французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972; Итенберг Б.С. Россия и Великая Французская революция. М., 1988; Штранге М.М. Русское общество и Французская революция 1789–1794 гг. М., 1956.

² Победоносцев К.П. Избранное / Сост., вступ. ст., комм. А.В.Репникова. М., 2010. С.464.

³ См.: Гордон А.В. Великая Французская революция как явление русской культуры (к постановке вопроса) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М.Далина. М., 1998. С.219–245; Чудинов А.В. Французская революция в исторической памяти российской интеллигенции (конец XVIII – начало XX века) // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С.201–213.

⁴ Глинка Ф. Что-то делается в мире // Декабристы. Антология в 2 томах. Л., 1975. Т.1.

**«ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ,
Я НЕ УЗНАЮ ТЕБЯ...»**

Многие представители русской интеллигенции были искренне увлечены «бессмертными началами 89 года» (Н.А.Любимов)⁵, но у большинства из них это настроение вскоре сменилось разочарованием. При свойственном им нравственно-эстетическом подходе несоответствие философского **содержания** революции (высоких «принципов») ее политической **форме** («преступления» ТERROR)⁶ порождало мучительные и напряженные размышления. «Счастье, и добродетель, и вольность пожрал омут ярый», – негодовал А.Н.Радищев⁷.

«Кто более нашего славил преимущества осьмого-надесять века: свет философии, смягчение нравов, тонкость разума и чувства, размножение жизненных удовольствий, всеместное распространение духа общности, теснейшую и сдружелюбнейшую связь народов, кротость правлений? – писал Карамзин. – ...Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует важное, общее соединение теории с практикой, умозрения с деятельностью, что люди, уверяясь нравственным образом в изящности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности... Где теперь сия утешительная система?.. Она разрушилась в своем основании!.. Где люди, которых мы любили? Где плод наук и мудрости?.. Век просвещения, я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушения не узнаю тебя!»⁸

Для декабристов решение проблемы виделось в синтезе просветительского идеала с традиционными формами российской государственности. В основу «дней Александровых прекрасного начала» таким образом было положено изучение прежде всего отечественной истории, органично завершившееся формированием теории «двух закономерно-

С.82.

⁵ Любимов Н.А. Крушение монархии во Франции. М., 1893. С.VIII.

⁶ Известные слова Александра I: «Во Французской революции надо отличать принципы от преступлений» (См.: Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С.100).

⁷ Радищев А.Н. Осмнадцатое столетие // Радищев А.Н. Избранное. М., 1959. С.260.

⁸ Карамзин Н.М. Мелодор к Филарету // Карамзин Н.М. Сочинения. Л., 1984. Т.2. С.179–180.

стей развития»⁹. Один путь, явленный примером Франции, начинается с франкского завоевания и протекает в борьбе покоренных народов против поработителей. «Беспрестанная война беспрестанно усыплялась временными договорами, и из этого вечного колебания возникла жизнь вполне условная, жизнь контракта или договора, подчиненная законам логического и, так сказать, вещественного расчета. Правильная алгебраическая формула была действительно тем идеалом, к которому бессознательно стремилась вся жизнь европейских народов»¹⁰. Индивидуализм и рационализм в свою очередь ведут к безверию, ослаблению самих основ государства и в итоге – к бунту и революции. Напротив, русский путь начинается с призвания варягов и реализуется в согласии между правителями и подданными. Здесь не было «ни борьбы, ни завоевания, ни вечной войны», и государство потому «не есть создание условия, но произведение органического живого развития»¹¹.

Россия и Запад противопоставлены соответственно как *естественное* тело, выросшее в результате длительного исторического развития, и *искусственный* механизм, ставший следствием общественного договора. Известные строки Ф.И.Тютчева «умом Россию не понять, аршином общим не измерить» как раз иллюстрируют убеждение, что картезианские категории мышления (математическая логика) не способны объяснить вещи, выходящие за пределы знания эмпирического; здесь необходима особая «нравственная природа», опирающаяся на христианство (божественное озарение) – «в Россию можно только верить». В итоге Запад, в своем ослеплении самомнения, лишь приближает неизбежное столкновение двух сил, от которых, по мнению Тютчева, зависит будущность цивилизации. Так появилась идея о мистическом призвании «Святой Руси» стать основой духовного возрождения Европы, безуспешно пытающейся «подавить Революцию конституционными заклинаниями»¹². Возьмем на себя смелость утверждать, что именно по этой причине XIX столетие в общественной мысли России (независимо от политических интересов авторов) было по преимуществу временем

⁹ См.: Алпатов М.А. *Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.)*. М., 1985. С.181.

¹⁰ Хомяков А.С. *О старом и новом*. М., 1988. С.75.

¹¹ Там же.

¹² Тютчев Ф.И. *Россия и Запад: Книга пророчеств*. М., 1999. С.132, 134.

славянофильства в отличие от предшествующей эпохи *западничества* (галломании)¹³.

Во второй половине XIX в. нарастал процесс материального усвоения и духовной переработки революционного опыта Запада (1820, 1830, 1848), о чем свидетельствуют, в частности, замечания людей очень разных политических взглядов. «Никакая страна в мире, – сетовал К.П.Победоносцев, – не в состоянии была избежать коренного переворота... вероятно, и нас ожидает подобная же участь»¹⁴. «Кто начал жить сознательно жизнью в шестидесятых–семидесятых годах минувшего века, – вспоминал Н.И.Кареев, – тот не мог не задумываться над тем, когда и как захватит Россию в свой неудержимый поток длительная западноевропейская революция, начавшая уже со времени декабристов оказывать влияние на передовые круги нашего общества»¹⁵. Этот процесс выражался в драматическом, но вместе с тем поступательном реформировании государственного и общественного устройства страны. Дискуссии на «французскую тему» четко размежевали отечественных консерваторов и демократов, для которых Просвещение выступало своего рода политическим эталоном, а образы революционной истории – символическим самоопределением.

Первая линия выражала себя православно-монархическим идеалом, соединившим просветительские принципы с мотивами национальной идентичности и замещавшим в итоге формулу «свобода, равенство, братство» триадой «православие, самодержавие, народность»¹⁶. «Направление к народности, – отмечал И.В.Киреевский, – истинно у нас как высшая ступень образованности, а не как душный провинциализм»¹⁷. Болезненные заимствования «лжеевропеизма», начавшиеся деяниями

¹³ В этом отношении особенно показательна позиция Ф.В.Ростопчина (См.: Ростопчин Ф.В. *Ох, Французы!* М., 1992. С.84–147) и А.С.Шишкова (См.: Шишков А.С. *Избранные труды / Сост., вступ. ст., комм. В.С.Парсамова.* М., 2010. С.71–256).

¹⁴ Феоктистов Е.М. *За кулисами политики и литературы (1848–1896): Воспоминания.* М., 1991. С.219.

¹⁵ Кареев Н.И. *Прожитое и пережитое.* Л., 1990. С.289.

¹⁶ См.: Гордон А.В. *Российское Просвещение: значение национальных архетипов власти // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я.Карп, С.А.Мезин.* М., 2004. С.123–124.

¹⁷ Киреевский И.В. *Обозрение современного состояния литературы. Статья вторая // Киреевский И.В. Критика и эстетика.* М., 1998. С.199.

ОБРАЗЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ

Петра I, были необходимы, как необходима для здоровья человека прививка, без которой не созреет внутренняя сила сопротивления его организма. Западная цивилизация, по мнению Ф.М.Достоевского, «привносит новый элемент в народную нашу жизнь, нисколько не повредив ей, нисколько не уклонив ее с ее нормальной дороги, а, напротив, расширив наш кругозор, уяснив нам же самим наши цели и давая нам новое оружие для будущих подвигов»¹⁸.

В.С.Перов. "Сельский крестный ход на Пасху". 1861.

Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея

События же Французской революции выступали наглядным доказательством того, как благие «принципы» обернулись гнусными «преступлениями». Воззвание А.С.Шишкова к французам от имени союзных войск (1813) весьма красноречиво: «Вы превозносите просвещением, славою, храбростью: постыдитесь! Разве просвещение состоит в неистовстве? Разве слава приобретается преступлениями? Разве храбрость грабителей и разбойников... похвальна?» Отвечая на вопрос о причинах

¹⁸ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти томах. Л., 1978. Т.18. С.49.

такого беззакония, автор говорит о «мнимых мудрецах» и их ложных идеях: «Отпадшие от веры и богопочитания, остроумные, но злочестивые писатели, изгнав из сердец ваших страх Божий, подняли в них бурю страстей, помрачивших ум ваш и погрузивших вас в бездну пороков и преступлений». Посеянное таким образом безверие росло, распространялось и созревало, оно, «одержав над вами силу, из глубин ада изрыгало к вам воспитанников и любимцев своих Маратов, Робеспьеров, и наконец послало Наполеона». Отныне разврат и свирепство ослепили французов: «низринув с престола благословенный дом святого Людовика и Генриха IV», они «заточили, мучили и убили законного короля своего», играя и веселясь, «проливали кровь ближних и сограждан своих». Избрав над собой *атаманом* «рожденного в Корсике простолюдина», они «имели душу без добродетели, ум без рассудка, сердце без жалости, совесть без стыда и раскаяния». В итоге – «все народы стонут, все царства дымятся кровью!» Однако А.С.Шишков все же искренне убежден, что виною всему заблуждения, что надобно лишь отбросить злоупотребления, осквернившие изначально благие помыслы: «Посмотри в зеркало правды, взгляни на себя, великая нация, просвещенный народ! Ты увидишь в каком ты сраме ползаешь и пресмыкаешься...»¹⁹.

Вторая линия представляла сплав европейского социализма с идеалами общинности. Пережив в своей истории очень многое, русское крестьянство, по мнению А.И.Герцена, не случайно сохранило именно общину. Она спасла его «от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти...»²⁰. Ее важнейшие элементы («раздел прибытка и раздел полей, мирская сходка и соединение сел в волости, управляющиеся сами собой») являются краеугольными камнями, на которых «зидается храмина нашего будущего свободно-общинного быта». Однако «без западной мысли наш будущий собор остался бы при одном фундаменте», и, следовательно, главной задачей становилось просвещение общины социальной идеей Запада²¹.

¹⁹ Шишков А.С. *Служба Отечеству. Записки (1780–1814)*. М., 2008. С.310–314.

²⁰ Герцен А.И. *Русский народ и социализм. Письмо Ж.Мишле* // Герцен А.И. *Сочинения в двух томах*. М., 1986. Т.2. С.168.

²¹ Герцен А.И. *Не наши* // Герцен А.И. *Сочинения в двух томах*. Т.2. С.229.

ОБРАЗЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ

Символическое деление оппозиционной интеллигенции на «якобинцев» и «жирондистов» важно здесь не только как доказательство разного представления о методах достижения намеченной цели, но и как органическая потребность их восприятия в соотнесении себя непременно с героями Французской революции. «Одним нравился Дантон, другие восторгались Камиллом Демуленом. Третьи бредили Сен-Жюстом. Такова была атмосфера, в которой мы вращались в семидесятых годах, разжигая друг в друге революционный пыл»²².

В.Шнец. "Битва за мэрию, 28 июля 1830". 1830. Холст, масло. Париж. Пти Пале

Так, Т.Н.Грановский отдавал предпочтение жирондистам, А.И.Герцен плакал, читая у Ж.Мишле описание казни Дантона²³. В.Г.Белинский же, восторгавшийся во всемирной истории в целом «разрушителями старого» (Лютером, Вольтером, энциклопедистами)²⁴, воспевал «кровавую любовь Марата к свободе»²⁵. Оставаясь лишь «формой

²² Дебогорий-Мокриевич В.К. Автобиография // Деятели СССР из революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. Кол.89.

²³ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти томах. М., 1960. Т.19. С.271.

²⁴ Белинский В.Г. Собрание сочинений. М., 1982. Т.9. С.483.

²⁵ Белинский В.Г. Письмо к Боткину // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М.,

отдаленного поклонения» (Н.А.Любимов), этот восторженный культ к началу XX в. обрел потребность практического воплощения: во Французскую революцию стали физически «играть», примеряя на себя образы различных ее участников²⁶.

Однако идеалы человеческого счастья, материального благополучия, полноценного развития личности совершенно не вязались с картинами тягостного крестьянского «исхода» из деревни, прозябания городских предместий («старые гнилые раны», «рубцы насилий и обид»), духовно опустошающего становления новых средних классов («растление душ и пустота»)²⁷, принесенных развитием товарно-денежных отношений. Как тонкий и наблюдательный художник, И.С.Тургенев не мог не отразить в романе «Дым» (1867) всей неприглядности пореформенной действительности: «Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумелый сталкивался с недобросовестным; весь поколебленный быт ходил ходуном, как трясина болотная, и только одно великое слово "свобода" носилось, как божий дух над водами»²⁸. Прогресс в образе городской жизни эпохи промышленной революции (переполнившей, по замечанию Н.А.Некрасова, землю «великою скорбью народной»²⁹) оказался еще мрачнее векового невежества масс, «коснеющих и удерживаемых в предрассудках»³⁰. В итоге консерваторы и демократы в целом сходились на той или иной разновидности «русской идеи», которая противопоставлялась теории и практике западноевропейского развития. Антиподом буржуазной культуры мыслился общинно-патриархальный уклад деревни, а одинаково «идеальным народом» – натурально хозяйствующее крестьянство. Но если в *первом* случае это был мифологический образ богоносца и монархиста, делающего ставку на нравственное самосовершенствование (Ф.М.Достоевский), то во *втором* – «санкюлотский» образ просвещенного труженика земли, ориентированного на социальный переворот (Н.Г.Чернышевский).

1955. Т.5. С.95.

²⁶ См.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 285–303.

²⁷ Тютчев Ф.И. «Над этой темною толпой...» (15 августа 1857) // Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1988. С.109.

²⁸ Тургенев И.С. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1961. Т.4. С.138.

²⁹ Эта тема была неоднократно поднята и в творчестве художников-передвижников.

³⁰ Любимов Н.А. Крушение монархии во Франции. С.VIII.

«КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ» ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ Одним из следствий процесса информационного обеспечения реформ в России становилось развитие позитивного знания о Французской революции. Курсом лекций В.И.Герье в

Московском университете (1868) началось преподавание новой европейской истории. По объемам потока переводной литературы Россия на рубеже веков превзошла все страны мира. «Помнишь, – писал Н.А.Любимов, – с какой жадностью одолевали мы в одну ночь том Мишле, Луи Блана в четыреста–пятьсот страниц...»³¹. Сформировалась национальная школа историков Французской революции («*ecole russe*). Не только объективная острота крестьянского вопроса побудила «русскую школу» сосредоточиться на прецедентах его разрешения. Н.И.Кареев, М.М.Ковалевский, И.В.Лучицкий одинаково прошли через «народническую полосу общественной мысли» (В.И.Ленин)³², и представления об особой роли крестьянства не могли не повлиять на их научные интересы³³. С еще большим основанием это можно сказать о П.А.Кропоткине, давшем «крестьянское прочтение» Французской революции³⁴.

И все же события революции все более закреплялись в сознании образованных людей своей образно-аллегорической стороной. «По старой традиции, – пишет Н.И.Кареев, воспитавшийся на более ранних историях революции (Минье и Тьера, Мишле и Луи Блана), бывших ее апологиями, – прежде всего бросалась в глаза казовая³⁵, героическая, праздничная сторона революции, сделавшаяся поэтической легендой. Клятва в *Jeu de raime*³⁶, взятие Бастилии, ночь 4 августа, праздник федерации, "Декларация прав", "марсельеза" – какие это, в самом деле, красивые эффектные вещи, способные настраивать на повышенный тон. Но все это именно поэтическая, праздничная, казовая сторона революции, у

³¹ Там же. С. IX.

³² Ленин В.И. *Тетради по аграрному вопросу. 1900–1916. М., 1969. С. 21.*

³³ См.: Кареев Н.И. *Памяти двух историков // Анналы. Пб., 1922. №1. С. 167.*

³⁴ См.: Далин В.М. *Кропоткин – историк Великой Французской революции // Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981; Старостин Е.В. К истории изучения П.А.Кропоткиным Великой Французской революции конца XVIII века // Французский ежегодник. 1967. М., 1968.*

³⁵ Т.е. событийная.

³⁶ Зал для игры в мяч (франц.)

которой была своя проза, свои будни, своя изнанка, рядом с героизмом, своя патология»³⁷.

Э.Ф.В.Делакруа. "Свобода на баррикадах". 1830. Холст, масло. Париж. Лувр.

Одним из поворотных моментов в истории Французской революции, несомненно, было восстание в Вандее. Но оно парадоксальным образом сочетало в себе «героизм» и «патологию», «праздник» и «будни». Это была, по словам В.Гюго, «война нелепая и блистательная, отвратительная и великолепная». Подкосив Францию, она стала ее гордостью. «Вандея – рана, но есть раны, приносящие славу»³⁸. Не удивительно, что об этом событии, по верному замечанию П.А.Кропоткина, «писали *все* историки»³⁹, оно стало сюжетом многих художественных произведений, широко востребованных русской читающей публикой⁴⁰. Вызывая у одних восхищение, у других – негодование, оно все же, независимо от эмоционального настроения, никого не оставляло равнодушным. «В истории падения Бурбонов, столь богатой драматическими элементами, геройская борьба Вандеи производит особенно захватывающее впечат-

³⁷ Кареев Н.И. *Прожитое и пережитое*. С.292.

³⁸ Гюго В. *Девяносто третий год*. М., 1981. С.184.

³⁹ Кропоткин П.А. *Великая Французская революция (1789–1793)*. М., 1979. С.195 (*курсив наш*. – Е.М., А.Р.).

⁴⁰ См.: Кареев Н.И. *Французская революция в историческом романе*. Пг., 1923.

ление», – писал Л.А.Тихомиров. Никакая «фантазия романиста, создающая "Трех мушкетеров", не сравнится с действительностью двухлетних приключений вандейского партизана pour la bonne cause»^{41, 42}. Более того, позиция, занятая в отношении Вандеи, была своего рода кодом, обозначавшим политическую позицию любого автора⁴³.

Действительно, нельзя не заметить, что оценка явления и вкладываемое в него содержание расходились по противоположным сторонам: религиозное мученичество, борьба с революционной тиранией, героическая жертвенность (Э.Берк, Т.Карлейль, И.Тэн, Ф.Шатобриан), с одной стороны; гражданская война, бунт, предательство (Ф.Минье, Л.Блан, Ж.Мишле, О.Бальзак), – с другой. По сути дела, это была борьба за право истолкования мятежей, а предложенные варианты ответов просуществовали более столетия.

Одно из важных мест среди них занимает концепция географического детерминизма. Политики и офицеры, столкнувшиеся с упорным и продолжительным сопротивлением крестьян, находили оправдание своим неудачам в «природных» преимуществах территории с ее кустарниками и ямами. Окружающая среда у многих авторов активно участвует в событиях, однако, вопреки Ф.Шатобриану и Ж.Мишле, для которых пейзаж выступал подлинным актером, лес у В.Гюго был лишь пособником. Бокажи⁴⁴ сделали «прислужниками нового мятежа», где человек даже не исчезал, а «как бы растворялся без остатка. Именно эта способность противника мгновенно рассеиваться настораживала наши армии, и подчас они останавливались в нерешительности перед этой неизменно отступающей Вандеей, перед ее неправдоподобно проворной ратью»⁴⁵.

⁴¹ Во имя благой цели (франц.)

⁴² Тихомиров Л.А. Герой Вандеи // Тихомиров Л.А. Христианское государство и внешняя политика. М., 2012. С.388–389.

⁴³ См., например, отклики на роман В.Гюго: Боборыкин П.Д. Девяносто третий год. Роман В.Гюго // Отечественные записки. 1874. №3. С.99–127; Н. Политическая неурядица и литературные новости: роман В.Гюго // Вестник Европы. 1874. №3. С.398–410; Петров П. Девяносто третий год. Новый роман В.Гюго // Русский вестник. 1874. Т.110. С.401–430; Стасов В.В. Две статьи «Вестника Европы» (письмо к К.К.Арсеньеву) // Стасов В.В. Собрание сочинений. СПб., 1894. Т.3. С.1421–1432.

⁴⁴ Заросли кустарника и мелких деревьев.

⁴⁵ Гюго В. Девяносто третий год. С.187, 332.

Л.А.Тихомиров отмечает, в частности, что Шаретт превратился в «чистого партизана». Проявив подобающее настоящему генералу умение «сообразоваться с качеством своего войска», он выработал особую тактику. Применяя систему отступления, вандейцы часто загоняли «си-них» в узкий проход, где «могли их расстреливать из-за кустов и плетней». Действия же рассыпным строем приводили к тому, что «банда, казавшаяся рассеянной, неожиданно снова нападала на врагов». С бесконечными перипетиями успехов и неудач Шаретт «десятки раз исколесил всю Вандею, нападая на врагов, разбивая их, терпя поражения, снова убегая и снова нападая, появляясь то на море, то в глубине страны, то угрожая Нанту, то завоевывая укрепленные порты, то пропадая бесследно в тайниках лесов»⁴⁶.

Унаследованное от античности убеждение в том, что Природа «производит» людей точно так же, как она «производит» растения и животных («теория климатов»), имело значительное влияние на мировосприятие писателей. Если среда диктовала войне форму и стратегию («натурализация» истории), то человеку она давала мораль и облик. На страницах «Девяносто третьего года» это «странный светлоглазый длинноволосый человек, вся пища которого – молоко да каштаны, весь горизонт – стены его хижины, живая изгородь да межа его поля»; он умеет «только запрячь волов, наточить косу, выполоть ржаное поле, замесить гречневые лепешки... в долине – он хлебопашец, на берегу реки – рыбак, в лесной чаще – браконьер; он любит своих королей, своих сеньоров, своих попов, своих вшей». Эти «захолустные крестьяне Вандеи» (Л.А.Тихомиров) восприняли от характера местности и многие свои поступки: это было «дикое восстание», принявшее «зверские формы» и окрашенное «бешеной яростью»⁴⁷. Когда вглядываешься в хмурый пейзаж, – пишет В.Гюго, – «хочется порой оправдать человека и обвинить природу, исподтишка подстрекающую его на дурное»⁴⁸.

«Наивный» монархизм в качестве очередной гипотезы обычно уподобляется психологическому потрясению. «Волна революции сметала все дорогое старофранцузскому сердцу». В то время, как «попытки протеста против гнуснейшего террора погашались в реках крови»⁴⁹, на

⁴⁶ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С.390–394.

⁴⁷ Кропоткин П.А. Великая Французская революция (1789–1793). С.302, 353.

⁴⁸ Гюго В. Девяносто третий год. С.198.

⁴⁹ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С.389.

юге и в Бретани составлялись роялистские заговоры. Агитаторы, по мнению П.А.Кропоткина, без труда снискали симпатию рассказами о «бедном короле», который «хотел добра народу и за это был казнен парижанами». Много слез было пролито женщинами «над судьбой бедного мальчика, наследника, запертого в тюрьму!»⁵⁰

Дополнительный негативный фон подпитывался сопротивлением военному набору. Отказ служить «злой Республике» есть доказательство сильной привязанности к земле, ярко выраженного духа партикуляризма. «Крестьяне дружно дрались поблизости родных очагов, но их было трудно увлечь в экспедицию за пятьдесят верст и дальше»⁵¹. Рекрутский набор для «далекой войны на Рейне» был сочтен «прямым нарушением самого святого права личности – права оставаться у себя дома и на своей родине защищаться от врагов»⁵². Не удивительно, что вандейские отряды являли собой своеобразную организацию. Они «шли на войну так, как жили, собираясь *по приходам*. Приход был их батальоном»⁵³.

Доминирование героического фактора в романтической эстетике побуждало авторов XIX века к поискам «главных подстрекателей», на роль которых, как правило, выдвигались аристократы, священники и иностранные шпионы. В «неравной борьбе» с Республикой «мужественное дворянство» Вандеи выставило «ряд рыцарей, достойных эпохи Крестовых походов»⁵⁴. Только личное влияние удерживало в повиновении импровизированное войско. Когда дела шли хорошо, Шаретт, например, «любил показаться во всем блеске настоящего королевского шевалье, в блестящем мундире, в кружевах, в шляпе с плюмажем. Он пировал сам и устраивал пиры для войска. А когда нужно было, он спал вместе с солдатами на мерзлой земле, подложив под голову сноп соломы, ходил в лохмотьях так же гордо, как в кружевах, и умел показать своим солдатам, что он *всегда* будет с ними, никогда их не покинет и всегда найдет средства их спасти»⁵⁵. П.А.Кропоткин, напротив, убежден, что восстание готовилось под руководством священников, «рассказы-

⁵⁰ Кропоткин П.А. *Великая Французская революция (1789–1793)*. С.351.

⁵¹ Тихомиров Л.А. *Указ. соч.* С.391.

⁵² Кропоткин П.А. *Великая Французская революция (1789–1793)*. С.346, 352.

⁵³ Тихомиров Л.А. *Указ. соч.* С.391 (*Курсив оригинала.* – Е.М., А.Р.).

⁵⁴ *Там же.* С.388.

⁵⁵ *Там же.* С.390–391.

вавших крестьянам про всякие вымышленные чудеса». Оно разжигалось «фанатизмом духовенства» и поддерживалось эмиссарами Рима, Кобленца (эмигрантов и принцев крови), Англии, привозившими буллы от папы, оружие, королевские приказы и «питтовские деньги»⁵⁶.

Народ «неправильно судит о благотворных мероприятиях Национального собрания по недостатку осведомленности», а «недоброжелатели пользуются его невежеством, дабы вводить его в заблуждение». Чтобы предохранить людей от «дурных советов, которые без конца преподносят им этот опасный сброд»⁵⁷, правительству надлежит заняться «гражданской педагогикой» (начальное образование, пропаганда, революционные праздники). Однако провал предпринятых мер, о чем свидетельствовало упорство крестьянского сопротивления республиканским войскам и значительные успехи восставших, привел к убеждению, что у вандейских простолюдинов, помимо очевидных источников «заблуждения» (дворяне и священники), имелись причины более глубокого свойства – некие народные традиции, закреплявшие инаковость региона и его населения. «Бретань – завзятая мятежница», – пишет В.Гюго. Она всегда вела «одну и ту же войну, противопоставляла себя центральной власти». Каждый раз, «как из Парижа шел толчок, исходил ли он от монархии или от республики, был ли он на руку деспотизму или свободе, – все равно это оказывалось новшеством, и вся Бретань злобно ощеривалась»⁵⁸. Эту же идею, по сути, высказал и Н.Я.Данилевский в 1881 году: «Конечно, вандейцы, жители Бретани, имели в эпоху первой Французской революции весьма определенное и ясное политическое убеждение и выразили его в своем героическом восстании, но убеждение это было совершенно не то, которым было одушевлено население Парижа»⁵⁹.

⁵⁶ Кротопкин П.А. Великая Французская революция (1789–1793). С.199, 301–302, 345, 351–353. – Под «питтовскими деньгами» подразумеваются финансовые средства, которые якобы давало английское правительство на поддержку Вандейского восстания.

⁵⁷ Протокол, направленный в дистрикт Шаллан (департамент Вандея) командиром и офицерами национальной гвардии Аремона // Документы истории Великой французской революции. М., 1992. Т.2. С.232.

⁵⁸ Гюго В. Девяносто третий год. С.199.

⁵⁹ Данилевский Н.Я. Несколько слов по поводу конституционных вожделиний нашей либеральной прессы // Данилевский Н.Я. Горе победителям. Политические статьи. М., 1998. С.280.

Указанные выше объяснительные модели, тем не менее, сливались в общественном сознании в картину некоего символического целого. Объединенные силой художественного воображения, они создали стройный образ гигантского, слаженного восстания, воспринимавшийся впоследствии исключительно в качестве знакового понятия, обозначающего контрреволюции. Вандея – это «все церковное, все самодержавное, все аристократическое, все охраняющее прежнее своеобразие и прежнюю богатую духом разновидность», – писал в 1888 году К.Н.Леонтьев⁶⁰.

**«ВО ИМЯ НАРОДА
И ВМЕСТО НЕГО»**

Несмотря на всеобщее увлечение символикой Французской революции, ее политическим опытом, несмотря на *народный* характер движения, Вандею в России парадок-

сальным образом не «примеряли» к своим идеям ни «левые», ни «правые»; о ней даже почти ничего не писали. Настойчивое избегание темы крестьянского протеста необъяснимо только на первый взгляд. В действительности же подобное отношение вскрывает важнейшие черты в мировоззрении русской интеллигенции XIX века. «Вандея», с их точки зрения, была как *невозможна*, так и *нежелательна*.

По мнению К.Н.Леонтьева, благоприятный контекст XVIII века складывался из могущественных сил аристократов, католиков, легитимистов; они породили эмиграцию, способствовали восстановлению Бурбонов, поддержали «белый террор», и все оттого, что «охранительные» силы «были еще не так изношены, как теперь», в конце XIX века. Автор с сожалением констатирует, что «времена не те» и «почва социальная изменилась глубоко»; монархический переворот «не может удасться на разрыхленной столетним эгалитаризмом почве Франции!» Но эта ситуация характерна и для других европейских стран: «испанская Вандея не удалась, как не удалось полякам их дворянское восстание» и как не удавалось «за последние 30–40 лет» всякое «реакционное движение»⁶¹.

⁶⁰ Леонтьев К.Н. *Национальная политика как орудие всемирной революции* // Леонтьев К.Н. *Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891)*. М., 1996. С.530.

⁶¹ Там же. С.527, 530.

И все же главным настроением русской интеллигенции, на наш взгляд, было *нежелание* Вандеи. Обожевляя *идеальное* (вымышленное по сути) крестьянство, «правые» и «левые» относились одинаково скептически к крестьянству *реальному*. Их пугало невежество простолюдинов, оборачивавшееся в минуту социальных потрясений «бесмысленным, беспощадным и кровавым» бунтом.

Н.П.Богданов-Бельский. "Воскресное чтение в сельской школе". 1895. Холст, масло

О «темной толпе» забитого, «непросвещенного народа» (Ф.И.Тютчев) писали не только консерваторы. Радикалы равно были вынуждены признать его глухую «отсталость» и косность мышления. Так, Н.Г.Чернышевский убежден, что «...главная масса еще и не принималась за дело, ее густые колонны еще только приближаются к полю исторической деятельности», и это движение естественно замедляется, ибо «...мысль сама по себе слишком слаба перед тяготением действительности, убеждение в огромном большинстве людей оказывается бессильно перед житейскими надобностями»⁶².

⁶² Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. М., 1948. Т.7. С.666; М., 1949. Т.9. С.483.

ОБРАЗЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ

Отношение же к стихийному протесту масс вполне укладывается в великолепную метафору В.Гюго: «Народ – то океан»⁶³. Крестьяне, по мнению А.И.Герцена, движутся лишь «безотчетными влечениями и страстями», и потому даже идеи справедливости для них рискуют обернуться своей темной стороной. «Коммунизм пронесется бурно, страшно, кроваво, несправедливо, быстро. Среди грома и молний, при зареве горящих дворцов, на развалинах фабрик и присутственных мест явятся новые заповеди, крупнонабросанные черты нового символа веры... Дикий, необузданный взрыв, вынужденный упорством, ничего не пощадит. Разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те пределы сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях с начала цивилизации»⁶⁴.

Г.Г.Мясоедов. "Чтение Положения 19 февраля 1861 года". 1873. Холст, масло.
Государственная Третьяковская галерея

⁶³ Предложенное В.Гюго символическое сравнение построено на романтических контрастах: «кроток» и «грозен», народ может быть «движением» и «покоем», «гармонией» или «хриплым ревом», таить «неизвестные пропасти», крушить и ласкать, «снести скалу» и «пощадить травинку» (См.: Гюго В. Возмездие // Гюго В. Собрание сочинений. Т.12. С.55, 187, 239–240).

⁶⁴ Герцен А.И. К старому товарищу // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. М., 1961. Т.20. С.593–595.

Приближение к идеалу, таким образом, не могло связываться с действиями народа. Главным героем исторического процесса мыслилось образованное меньшинство, работающее сразу в двух направлениях, – образно говоря, *сверху* (насильственным внесением искры разума) и *снизу* (постепенным просвещением масс). Для «левых» и «правых» одинаково выявилась классическая коллизия – «*во имя* народа и *вместо* него».

Популярная среди консерваторов концепция «регулярного государства» породила образ монарха-философа, переустройствающего на основании рациональных требований институты власти («от идеального государства к совершенному обществу»). «История свидетельствует, что самые существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокою идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей...»⁶⁵. Однако любая власть «есть *служение*, на которое *обречен* человек», дело власти – это «дело *самопожертвования*»⁶⁶. «Государственный человек» – страшное звание, оно обязывает «не утешаться своим величием, не веселиться удобством, а приносить себя в *жертву* тому делу, которому служишь, отдать себя работе, которая сжигает человека...»⁶⁷. Самодержавие, следовательно, не привилегия, а тяжкий подвиг во имя Отечества. Подобное изменение в отношениях государство – общество было отмечено даже оппонентами. Власть «привыкла только требовать жертв от народа, – писал В.О.Ключевский, – теперь она за славу себе вменяла жертвовать собой для народа. Общее благо, прежде поглощаемое властью, теперь в ней олицетворялось»⁶⁸.

Получалось в итоге, что русская Вандея *сверху* незаконна, а *снизу* невозможна. Н.Д.Тальберг так объяснял в своей эмигрантской работе отсутствие массового монархического движения: «В 1917 г. не могла

⁶⁵ Победоносцев К.П. *Избранное*. С.212.

⁶⁶ Там же. С.399–400 (*Курсив оригинала*. – Е.М., А.Р.).

⁶⁷ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т.1. С.207 (*Курсив оригинала*. – Е.М., А.Р.).

⁶⁸ Ключевский В.О. *Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники*. М., 1993. С.275–276.

создаться Вандея; Вандея во время опаснейшей внешней войны была бы явной изменой России. Отречение Государя Императора и Великого Князя Михаила Александровича и признание Временного правительства многими Великими Князьями лишало монархистов даже формального права начинать в то время гражданскую войну – ради восстановления Монархии⁶⁹. По мнению Н.Я.Данилевского, с упорядочением вопроса о престолонаследии и с освобождением крестьян от крепостной зависимости исчезли все причины, волновавшие в прежние времена народ, и «всякая, не скажу, революция, но даже простой бунт, превосходящий размер прискорбного недоразумения, сделался невозможным в России, пока не изменится нравственный характер русского народа, его мировоззрение и весь склад его мысли; а такие изменения (если и считать их вообще возможными) совершаются не иначе как столетиями и, следовательно, совершенно выходят из круга человеческой предусмотрительности»⁷⁰.

В радикалистском прочтении также популяризировалась идея преобразований «сверху», которые в определенном смысле имели бы вид «безнародной революции». «Люди так глупы, – писал В.Г.Белинский, – что их насильно надо вести к счастью»⁷¹. В 60-е годы XIX в. эту роль А.И.Герцен отдавал разночинцам, называя их «молодыми штурманами будущей бури». Миссионерская деятельность здесь сближалась с прямым и широким насилием. По П.Н.Ткачеву, «революционное меньшинство», «пользуясь своей силой и авторитетом», «вносит новые прогрессивно коммунистические элементы в условия народной жизни»⁷². В итоге народничество выродилось, по горькому выражению П.А.Кропоткина, в «заговор»⁷³. История Франции конца XVIII в., как отмечает А.В.Гордон, стала «уроком овладения... государственной властью во имя необходимых обществу преобразований» – иначе говоря, «опытом захвата власти». Предпочтительным же этапом ока-

⁶⁹ Тальберг Н.Д. *О Вере, Царе и Отечестве*. М., 2004. Кн.1. С.552.

⁷⁰ Данилевский Н.Я. *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому* / Сост., вступ. ст., комм. А.В.Репникова, М.А.Емельянова-Лукьянчикова. М., 2010. С. 536.

⁷¹ Белинский В.Г. *Письмо к Боткину* // Белинский В.Г. *Полное собрание сочинений*. М., 1955. Т.5. С.95–96.

⁷² *Цит. по: Козьмин Б.Г. Из истории революционной мысли в России*. М., 1961. С.397.

⁷³ Кропоткин П.А. *Записки революционера*. М.; Л., 1933. С.245.

зался «якобинизм» (как диктатура одной партии), который одновременно сближался с бланкизмом, «нелегальной, заговорщической деятельностью»⁷⁴.

Э.Фриан. Политическая дискуссия. 1889. Дерево, масло. Частное собрание. Франция

Лишь к концу жизни удалось Герцену взвесить опасность подмены процесса цивилизации актом «внесения» в народ вызовов, сделанных «просвещенным разумом» (интеллигенции или правителей): «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы»⁷⁵.

В результате просветительской деятельности и роста «классового самосознания» народ постепенно освобождается от своих монархических иллюзий, и низовая поддержка самодержавия становится невоз-

⁷⁴ Гордон А.В. *Великая Французская революция как явление русской культуры*. С.242.

⁷⁵ Герцен А.И. *К старому товарищу*. С.575–586.

возможной. «Вандеи, – пишет Е.В.Тарле, – у нашего абсолютизма не было и быть не могло, ибо Вандею не сочинить, как черную сотню»⁷⁶.

Совершенно отдельного рассмотрения заслуживает марксизм, внесший свою лепту в переосмысление современной К.Марксу *политической мифологии* с ее «богинями справедливости, свободы, равенства и братства»⁷⁷. Революция же 1917 года окончательно разрушила, как пишет А.В.Чудинов, поддерживаемый мнением «передовой» интеллигенции «русский миф» о Французской революции, на смену ему пришел «советский миф», на страже которого «стояла теперь уже вся мощь государственной идеологии и репрессивного аппарата»⁷⁸. Однако этот сюжет нуждается в самостоятельном исследовании⁷⁹.

⁷⁶ Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе: Исторические очерки // Тарле Е.В. Сочинения: В 12 т. М., 1958. Т.4. С.439–440.

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.34. С.234.

⁷⁸ Чудинов А.В. Указ. соч. С.211–212.

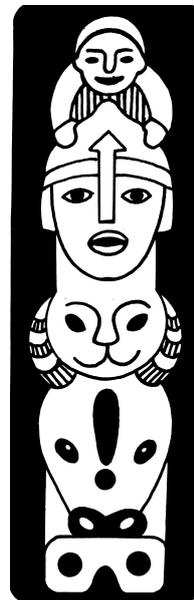
⁷⁹ См.: Гордон А.В. Великая Французская революция, преломленная советской эпохой // Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001. С.311–336; Его же. Власть и революция: советская историография Великой Французской революции. Саратов, 2005; Кондратьева Т.С. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993.

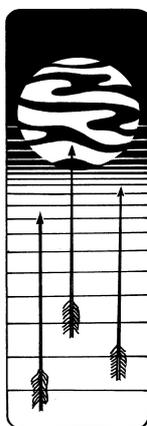
Дьявол не интересуется Злом, ибо Зло – это то, что ему давно и хорошо известно. Для него Освенцим – такое же общее место, как дата битвы при Гастингсе. Дьявола интересует не Зло, а Добро, ибо Добро никак в его картину мира не укладывается.

Уистен Оден

**Человек, которому от рождения
дана свободная воля, гораздо
сильнее демонов или ангелов,
потому что демоны способны
лишь бунтовать, а ангелы способны
лишь повиноваться.**

Карлос Сантана

Дмитрий Антонов, Михаил Майзульс

МЕЧТАНИЯ И «ILLUSIONES»:

ДЬЯВОЛЬСКИЕ НАВАЖДЕНИЯ
МЕЖДУ КНИЖНОСТЬЮ
И ИКОНОГРАФИЕЙ¹

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
23/28

In the second part of the article the authors continue to explore the functions the concept of devilish illusions played in the Eastern Orthodox and Western Catholic religious imagaries. They analyze the methods the Medieval artists used to visualise the demonic transformations and explore the inevitable gap between the textual and visual narrative strategies.

Ключевые слова: древнерусская иконография; агиография; демонология, Византия – Русь – Запад; охота на ведьм; текст и изображение.

Key words: Old Russian iconography; hagiography; demonology; Byzantium – Rus' – West; witchhunt, text and image.

E-mail: antonov-dmitriy@list.ru, maizuls@gmail.com

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2012. №4. С.112.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации (МК-5779.2012.6).

**«Мечтания» и «illusiones»:
Восток и Запад**

Те пагубные видения и призрачные маски дьявола, которые древнерусские авторы называли «клюками», «привидениями» или «мечтами», на средневековом Западе были известны под именем *phantasia, illusiones, simulacra* и др.² Уже в «Житии Мартина Турского» Сульпиция Севера (IV в.) лживый обман, псевдореальность, которую дьявол творит, чтобы искусить и погубить человека, носит имя *phantasia*³. Это слово, пришедшее в латынь из греческого, дает один из эпитетов сатаны, который зовется *phantasticus*, т.е. «призрачный» или «обманчивый»⁴. Во время своих бесчисленных перевоплощений дьявол и его слуги примеряют множество телесных форм и обличий (*forma, species, effigies*), зависящих от цели, которую они в данный момент преследуют (обмануть, искусить, испугать), и подстраиваются к тому человеку, которого они пытаются завлечь в свои сети⁵. При этом их талант перевоплощения несовершенен. В обличье бесов часто остаются какой-то изъян или уродство (*deformitas, informitas*⁶) либо, напротив, вызывающая, неправдоподобная, невозможная красота⁷.

² «Житие Антония Великого» предлагает настоящую типологию бесовских атак, которые выстроены по нарастающей. Сначала демоны соблазняют инока «изнутри» греховными помыслами и искушениями. Если их ждет поражение, они приступают к атакам «извне», с помощью различных «мечтаний»: «Егда в помыслах ничтоже возмутъ, то мечтанми искушаютъ и устрашаютъ преобразующея овогда в женско, овогда в скорпивно подобия и великия некия плоти, даже доверху храма протяжующе главу и в безчисленные образы и воинственные полчища, яже вся по первому креста знаменю исчезаютъ». Следующий метод искушения – ложные пророчества. Если и они не приводят к заветной цели – падению инока, – бесы призывают тяжелую артиллерию – своего повелителя сатану, «начальника демонского» (Цит. по: Юрганов А.Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006. С.189)

³ Махов А.Е. *Hostis Antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря*. М., 2006. С.198–200. – О превращениях и обманных масках дьявола во французских средневековых мистериях см.: Dupras E. *Diabls et saints. Rôle des diabls dans les mystères hagiographiques français*. Paris, 2006.

⁴ См. в «Трех книгах о чудесах» («*De miraculis libri tres*») (ок.1178) цистерцианца Герберта Клервосского (*Patrologiae cursus completus. Series latina* /далее – PL/. Т.185. Col.1278, 1284, 1295, 1300, 1308, 1311–1313, etc.).

⁵ По словам Герберта Клервосского, дьявол является *multiformiter*, т.е. в разных формах (PL. Т.185. Col.1278, 1294).

⁶ PL. Т.185. Col.1278, 1294.

⁷ Махов А.Е. *Hostis Antiquus...* С.196–198.

Демоны не только сами постоянно меняют маски, но и могут создавать призрачные или даже в какой-то степени материальные (раз их можно разрушить) «клоны» людей (*figmentum*), на самом деле находящихся в другом месте⁸.

Дьявол – великий притворщик и лжец. Он всегда пытается оболгать святых и, по словам Августина, как никто другой, «ловок на измышления» (*ad fingendum*)⁹. Все богатство латинской лексики, связанной с идеями перевоплощения, изменчивости, призрачности, иллюзий и визуальных образов, задействовано в рассказах о сатане. С конца XIV в., на фоне усиливающейся на Западе демономании (как раз в это время складывается концепт шабаша, и начинаются первые ведовские процессы) и политической войны видений во время Великой схизмы, в Европе распространяются специальные трактаты, посвященные методике распознавания светлых и темных духов – *discretio spirituum*¹⁰.

Древнерусский концепт «мечтаний», «привидений» и латинские *phantasiae* или *illusiones* восходят к общему корню раннехристианской демонологии, а представление о сатане-притворщике и иллюзионисте было общим для западного и восточного христианства. Однако культурные контексты, в которых эти термины функционировали на Западе и на Востоке, со временем оказываются различны.

В средневековой Руси термины «мечтание» и «привидение», за редкими исключениями, использовались лишь в демонологическом контексте и отсылали к идее пагубных бесовских наваждений¹¹. С их помощью

⁸ Murray A. *Demons as Psychological Abstractions* // Irrabaren I., Lenz M., eds. *Angels in Medieval Philosophical Inquiry. Their Function and Significance*. Aldershot, 2008. P.179.

⁹ Цит. по: Махов А.Е. *Hostis Antiquus...* С.236.

¹⁰ Schmitt J.-C. *Les revenants. Les vivants et les morts dans la société médiévale*. Paris, 1994. P.182–186; Caciola N. *Mystics, Demoniacs, and the Physiology of Spirit Possession in Medieval Europe* // *Comparative Studies in Society and History*. 2000. Vol.42. №2; Idem. *Discerning Spirits: Divine and Demonic Possession in the Middle Ages*. Ithaca, 2003; Elliott D. *Seeing Double: John Gerson, the Discernment of Spirits, and Joan of Arc* // *The American Historical Review*. 2002. Vol.107. №1; Newman B. *What Did It Mean to Say "I Saw?" The Clash between Theory and Practice in Medieval Visionary Culture* // *Speculum*. 2005. Vol.80. №1. P.33–41; Anderson W.L. *The Discernment of Spirits. Assessing Visions and Visionaries in the Late Middle Ages*. Tübingen, 2011.

¹¹ Преображаясь в зверей или змиев, бесы творят святому «досады» и «страшилища». Все это разнообразные «козни», а сами демоны зовутся «многокозненными». См., например: «Житие Зосимы и Савватия Соловецких» (рубеж XV–XVI вв.): «и мног мятеж и смущения приношаху всякими козньми, и лаянии, и призраки, и мятежными

бесы пугают людей или соблазняют на грех. Дьявольские «клюки» могут принимать самые изощренные формы. Их следует опасаться даже при канонизации святых, так как сомнительное чудо (особенно в случае народных культов и «нетипичных» святых, вызывавших у духовенства сомнение) легко могло оказаться бесовским «мечтанием».

В 1540 г. в селение Боровичи на реке Мсте в дубовой колоде приплыло тело неизвестного отрока. Вскоре он явился нескольким людям в видении и сообщил, что его зовут Яков. У гроба начали твориться чудеса, и новгородский архиепископ Феодосий отправил диакона, чтобы испытать их подлинность¹². Составленный в 1544 году по материалам проверки «обыск» был направлен митрополиту Макарию, который решил не устанавливать праздник Якову Боровичскому. Однако архиепископ Феодосий дозволил чтить его в день перенесения мощей, а в 1572 году архиепископ Леонид, направив новую комиссию для проверки сведений о чудесах, установил местное почитание Якова¹³. Сомневаясь в том, можно ли признавать святым отрока без «биографии», церковные власти опасались, как бы его чудеса не оказались «мечтаниями»¹⁴.

Однако на Руси мы редко встретим тексты, объясняющие, как эти «мечтания» воздействуют на сознание человека, как они «устроены» и как опыт сверхъестественных (божественных и дьявольских) видений, которые человек видит в «тонком сне» (так определяли русские книжники особое состояние, в котором человек находится как бы между

виды своих прелестий...», «являет же ся ей кознь бесовская въ образе человекчи» (вероятно, в последнем случае слово «кознь» относится не к бесовскому наваждению, а к его автору, самому демону) (Библиотека литературы Древней Руси /далее – БЛДР/. СПб., 2005. Т.13. С.68, 126). Ср. с «Житием Кирилла Новозерского» (1580-е гг.): «Видевши же беси поругаемы себе и уничижаемы от раба Божия Кирила и от приходящихъ к нему сожителствовати и тружющихся со блаженным, смущение много ему приношаху всякими кознями и лаяниемъ, и многы пакости преподобному начаши творити» (Там же. С.372).

¹² Яков Боровичский принадлежит к группе т.н. «святых без житий». Это были люди, о жизни которых ничего или почти ничего не было известно, а их почитание как святых было связано (но не всегда) с необычными обстоятельствами их гибели и чудесами, которые начинались вокруг их останков (См.: Панченко А.А. Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности. «Крестыанская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012. С.95–103).

¹³ Юрганов А.Л. Указ. соч. С.168; Панченко А.А. Указ. соч. С.103–106.

¹⁴ Юрганов А.Л. Указ. соч. С.271.

двумя мирами и контактирует с высшими силами или бесами), соотносится с опытом обычных сновидений. Один из редких примеров такой рефлексии мы найдем в популярных на Руси апокрифических «Вопросах и ответах Афанасия Александрийского князю Антиоху». Многие статьи этого древнего компилятивного памятника посвящены демонологии, ангелологии, внезапным смертям, казням Божиим, посмертной участи души и различным сверхъестественным видениям. В частности, князь «Антиох» спрашивает, как возможно, чтобы святые одновременно являлись во множестве храмов. «Афанасий» объясняет, что сами души святых не смогли бы в день своей памяти предстать перед верующими по всему христианскому миру. Единственные, кому это подвластно, – это ангелы, которые принимают их обличье. За этим следуют вопросы о видениях пророков, которые в разных формах видели Господа, и явлениях ангелов, которые предстают перед человеком не в своей истинной сущности («не по существу»), а в телесных обличьях: юноши, воина и т.д.¹⁵ Однако интерес «Антиоха» и «Афанасия» к видениям не выходит за пределы богословско-учительной проблематики и никак не затрагивает их психологическое измерение.

В каком бы пространстве ни происходило видение духов, ключевой задачей для любого визионера оказывается способность различить их (1 Кор. 12:10), поняв, стоят ли перед ним посланники Бога или прислужники сатаны. Это особый дар, и его, как считалось, можно было стяжать праведной жизнью и смирением. Святые, которым довелось испытать на себе множество дьявольских атак, учили, как отличить ангелов от бесов, которые принимают их облик. Одним из первых учителей этой опасной науки был Антоний Великий, чье житие, написанное в IV веке Афанасием Александрийским, было известно на Руси с XI в. По словам Антония, увидев бесплотного духа, человек впадает в страх. Однако чувство, которое приходит на смену, может быть разным, и оно-то и позволяет узнать истинную сущность гостя. Если в душу закрадывается смятение, а страх лишь нарастает, видение было бесовским. Если на смену ужасу приходит радость, мужество, любовь к Богу – истинным¹⁶.

¹⁵ Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С.338–339.

¹⁶ «Есть бо страх тех не на ужасъ души, но на оуведение прихода болишихъ. Тако убо святых явление. Скверных же нападание и мечтание смущенно». Явление истинно, «...аще страх той въскоре отоимется, и въ того место будет радость неизглаголеннаа и добродушие...» (Лёнгрен Т.П. Соборник Нила Сорского. М., 2004. Ч.III. С.188; ср.: С.196).

Эта модель множество раз повторялась в различных средневековых памятниках: божественное видение наполняет человека радостью и уверенностью, а сомнение, страх и даже само размышление (т.е. малейший признак неуверенности) могут свидетельствовать о ложной природе видения¹⁷.

Однако в древнерусской традиции эти советы никогда специально не систематизировались и не претворялись в практическую «дисциплину» *discretio spirituum*, различения духов. В отличие от средневекового Запада, на Руси трудно было представить что-то подобное теоретическим трактатам Генриха Лангенштейна (*De discretione spirituum*, 1383), Жана Жерсона (*De distinctione verarum visionum a falsis*, 1401, и *De probatione spirituum*, 1415) или Дионисия Карпузианца (*De discretione et examinatione spirituum*, 1459).

Почти все европейские термины, относящиеся к словарю видений, в т.ч. и *phantasmata*, фигурируют не только в описаниях козней дьявола, но и в научных трактатах, посвященных работе воображения и механизмам конструирования визуальных образов. Не только дьявол творит *phantasia*, и не все *phantasia* дьявольские. В XII веке рефлексия над феноменом (сно)видений постепенно выходит за пределы жесткой альтернативы божественное откровение / дьявольское наваждение и все активней обращается к физиологическим и психологическим механизмам визионерского опыта¹⁸.

В этой системе координат бесовские иллюзии, наряду с Божественными откровениями и обычными, ничего не значащими снами, оказываются частным случаем более широкой категории «духовного зрения» (*visio spiritalis*). Согласно популярной в Средние века теории, восходящей к Августину, духовное зрение занимает промежуточное место между физическим зрением (*visio corporalis*) и зрением интеллектуальным

¹⁷ См., например, «Похвальное слово Федора, игумена студийского, на рождество крестителя Господня Иоанна», входившее в макарьевские Минеи Четыи (БЛДР. СПб., 2003. Т.12. С.286). См. также: Архиепископ Василий (Кривошеин). Ангелы и бесы в духовной жизни человека по учению Восточных Отцов. СПб., 2002. С.15–16, 28, 34–36; Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Ставропольский и Казанский. Жизнь и смерть: Слово о человеке. Слово о смерти. М., 2005. С.167–170; Smith G.A. How Thin Is a Demon? // *Journal of Early Christian Studies*. 2008. P.504.

¹⁸ Schmitt J.-C. *Les rêves de Guibert de Nogent* // Schmitt J.-C. *Le corps des images. Essais sur la culture visuelle au Moyen Âge*. Paris, 2001. P.273.

(*visio intellectualis*)¹⁹. Эти три рода восприятия образуют иерархию, которая воспроизводит иерархию сил души и очерчивает весь спектр познания. Телесное зрение – это функция органов чувств (*senses corporis*), духовное – воображения (*imaginatio*), а интеллектуальное – разума (*mens*). Духовное зрение позволяет человеческому духу постигать «образы» (*imagines*) или «подобия» (*similitudines*) материальных объектов. Воображение (*imaginatio*) получает эти образы от органов чувств и складывает их в сокровищнице памяти (*memoria*). Оно может свободно комбинировать их и создавать образы вещей, которые человек никогда не видел или которые вообще не существуют на свете (*fictas imagines*). Механизм бесовских иллюзий состоит в том, что демоны «подключаются» к воображению человека, и заставляют его продуцировать наваждения.

Интерес к механизмам визионерского опыта по-своему характерен не только для ученых трактатов, но и для агиографии и коллекций «примеров» (*exempla*). Если ограничиться Цистерцианским орденом, то Герберт Клервосский в «Трех книгах о чудесах» (ок.1178) и Цезарий Гейстербахский в «Диалоге о чудесах» (1219–1223) не только задаются вопросом, как распознать бесовское наваждение, но и живо обсуждают механизмы видений, пытаются понять, где проходит граница сна и яви, как отличить сон от экстаза и т.д.

Герои Герберта и Цезария видят демонов не только во сне (*per somnium*) или в экстазе (*in mentis excessu*), когда целиком переносятся в мир иной, но и здесь, наяву, обычным зрением (*corporeis oculis, apertis oculis*). Причем иногда их видения, которые свидетельствуют об особом сверхъестественном даре, подчиняются обычным законам зрительного восприятия и даже требуют хорошего освещения. Как рассказывает

¹⁹ Эта классификация развивается в четырех трудах Августина: «Против Адиманта» (ок.394), «К Симплицию» (396–397), «К Консенцию» (410/413–414) и, главное, в комментарии к Книге Бытия «*De genesi ad litteram*» (412–414). – О теории трех родов зрения и ее значении для интерпретации видений см.: Caviness M.H. *Images of Divine Order and the Third Mode of Seeing* // *Gesta*. 1983. Vol.22. №2; Kruger S.S. *Dreaming in the Middle Ages*. Cambridge, 1992. P.36–43, 61–62, 192–193; Schmitt J.-C. *Les revenants*. P.34–42, 224–229; Moreira I. *Augustine's Three Visions and Three Heavens in Some Early Medieval Florilegia* // *Vivarium*. 1996. Vol.34. №1. P.1–14; Madec G. *Savoir c'est voir. Les trois sortes de «vues» selon Augustin* // *Voir les Dieux, voir Dieu*. Strasbourg, 2002. P.123–139; Newman B. *Op. cit.* P.6–14; Майзульс М.Р. *Реальность символа и символ реальности в визионерском опыте Средневековья* // *Одиссей: Человек в истории*. 2009. М., 2011.

Герберт, один монах из Клерво был награжден даром видеть передвижения демонов и постоянно наблюдал нечистых духов, проносившихся над монастырем в воздухе. Иногда он различал их отчетливо, в облике огромных звероподобных «эфиопов». Однако, когда они мчались очень быстро, он успевал увидеть лишь тени (*larvales umbras*). При этом в ясные дни они были видны лучше, чем в пасмурные или в сумерках²⁰.

Граница между видением и явью, материальными объектами и образами бесплотных духов оказывается предельно размытой. Цезарий подчеркивает, что Божественные видения случаются, когда человек бодрствует, и образы сакральных персонажей достигают взора человека даже через закрытые веки. Он ссылается на мнение одного священника, который учил, что явление ангела можно отличить от бесовского наваждения, просто закрыв глаза. Ангел останется видимым, а дьявол неизбежно исчезнет²¹.

Один из важнейших средневековых текстов, который анализировал связь между психофизиологией сновидений и механизмом бесовских иллюзий, – трактат «О духе и душе» («*De spiritu et anima*»). Его ошибочно приписывали Августину, однако, вероятно, он был написан цистерцианцем Алхером Клервосским (ум. ок. 1180). Автор выделяет пять типов сновидений. Последний из них, *phantasma*, – это неясные причудливые формы, которые пролетают перед взором человека, когда он едва заснул и ему еще кажется, что он еще бодрствует. Сюда же относится внезапный приступ паники и удушья, который охватывает человека во сне. На самом деле его причина – пары, поднимающиеся от органов к мозгу²². Физиологические и психологические объяснения сновидений вовсе не исключают Божественного или дьявольского воздействия на сознание человека, а скорее нацелены на то, чтобы четко провести границу между внутренними процессами, протекающими в человеческом теле / психике и случаями воздействия извне, со стороны невидимых духов.

Поэтому, перечислив пять типов снов в 25-й главе, Алхер Клервосский в 26-й переходит к деяниям бесов. Как объяснить поверье (*dicit etiam humana opinio*), что демоны и ведьмы могут превращать людей в

²⁰ PL. T.185. Col.1294.

²¹ DM, VIII, 5 (*Caesarii Heisterbacensis... Vol.1. P.84–86*). Cp.: DM, VIII, 10 (*Ibid. Vol.2. 1851. Vol.2. P.89*).

²² PL. T.40. Col.798.

животных? Ведь демоны бессильны воздействовать на материю и не способны к творению. На самом деле это всего лишь иллюзия, бесовский обман, и никаких превращений не происходит: когда человек спит, демоны овладевают его силой воображения, ответственной за операции с визуальными образами (*phantasticum*), и заставляют его поверить, что он превратился в животное. Этот механизм аналогичен механизму обычных сновидений. Когда же и действительно случается, что человек, якобы обратившийся в коня, переносит на себе настоящие, материальные, грузы, то на самом деле ими невидимо орудуют демоны²³.

**Шабаш ведьм:
иллюзия или реальность**

Споры о том, как далеко простирается власть демонов над материальным миром и как отличить наваждение от реальности, имели вполне практическое значение. Вопрос,

действительно ли ведьмы могут превращать людей в зверей и телесно переноситься по воздуху на дьявольские сборища, – один из ключевых элементов истории ведовского шабаша. Утвердительный ответ на него стал теологическим обоснованием для массовой охоты на ведьм. Эта история прекрасно известна, поэтому мы остановимся лишь на нескольких основных вехах²⁴.

В Раннее Средневековье западная Церковь, борющаяся с пережитками языческих верований и народными «суевериями», считала все истории о превращениях и полетах лишь бесовским наваждением и категорически порицала веру в их реальность. Это убеждение было зафиксировано в знаменитом каноне *Episcopi*. Его текст впервые появляется в сборнике бенедиктинского аббата Регинаона Прюмского (906), а в XI–XII вв. входит в основные коллекции канонического права: Бурк-

²³ *Ibid.*

²⁴ Об истоках мифологии шабаша ведьм и распространении представлений о ночных полетах во главе с каким-либо (женским) божеством в различных регионах Европы см.: Ginzburg C. *Les batailles nocturnes. Sorcellerie et rituels agraires aux XVIe et XVIIe siècles*. Paris, 1984. P.76–90; *Idem. Storia notturna. Una decifrazione del sabba*. Torino, 1989; Гинзбург К. *Образ шабаша ведьм и его истоки // Одиссей: Человек в истории*. 1990. М., 1990. С.132–146; Тогоева О.И. *Шабаш как праздник // Жизнь как праздник. Интерпретация культурных кодов – 2007*. Саратов; СПб., 2007. – О поверьях, связанных с ночным кортежем неупокоившихся мертвецов, см.: Schmitt J.-C. *Les revenants*. P.115–145.

харда Вормского, Ива Шартрского и Грациана²⁵. Женщины, которые утверждают, что темными ночами под предводительством богини Дианы толпой переносятся на огромные расстояния и служат своей повелительнице, на самом деле обмануты демонами. Все их полеты не что иное, как «иллюзии» и «фантазии» (*daemonum illusionibus et phantasmatis seductae*)²⁶. Алхер Клервосский, который в 28-й главе, посвященной хитростям демонов, пространно цитирует древний канон, был с этим солидарен.

Однако с конца XIV века эта позиция постепенно подвергается эрозии, и в XV–XVII столетиях большинство европейских демонологов, с теми или иными вариациями, настаивает на реальности шабаша и дьявольских преступлений. Ночные полеты и превращения – никакая не иллюзия, а важнейший аргумент в пользу массового преследования ведьм, сплотившихся в дьявольскую «антицерковь»²⁷.

Для тех немногочисленных скептиков, которые в эпоху великой охоты на ведьм пытались доказать абсурдность историй о шабаше и вновь возратить активность дьявола в ее прежние, гораздо более узкие рамки, понятие «иллюзий» и «фантазий» служило основным орудием аргументации. Самый известный из них – брабантский врач Иоганн Вейер (Вир). В 1563 году он опубликовал трактат «Об обманах демонов, заклинаниях и ядах», вызвавший яростную отповедь у Жана Бодена, горячего сторонника борьбы с сатанинской угрозой и автора «Демонии колдунов» (1580)²⁸.

Ничуть не отрицая ни существование демонов, ни их зловредную деятельность, ни возможность заключения пакта с ними, Вейер, верный духу канона *Episcopi*, настаивал на том, что полеты на шабаш и преступления ведьм не реальны, а иллюзорны, и несчастные одуроченные и

²⁵ Авторитет канона был связан с его предполагаемой древностью, поскольку считалось, что он был принят на Анкирском соборе 314 г.

²⁶ Текст и обсуждение канона: Russell J.B. *Witchcraft in the Middle Ages*. Ithaca, 1972. P.291–293; Schmitt J.-C. *Les «superstitions»* // Le Goff J., Rémond R., éd. *Histoire de la France religieuse*. Paris, 1988. Vol.1. P.460–461; Kors A.Ch., Peters E. *Witchcraft in Europe, 400–1700: A Documentary History*. 2nd ed. Philadelphia, 2001. P.60–63.

²⁷ Jacques-Chaquin N., Préaud M., dir. *Le sabbat des sorciers, XVe – XVIIIe siècles. Colloque international E.N.S. Fontenay-Saint-Cloud, 4–7 novembre 1992*. Grenoble, 1993; Levack B. *La caccia alle streghe in Europa agli inizi dell'età moderna (Economica Laterza, 285)*. Roma, 2004. P.49–55.

²⁸ Mandrou R. *Magistrats et sorciers en France au XVIIe siècle. Une analyse de psychologie historique*. Paris, 1980. P.126–133.

больные женщины не подлежат сожжению. Чтобы объяснить механизм наваждений, он обращается к психофизиологии воображения. Большая часть его главы о том, как дьявол «поражает фантазию людей» (II, 26), прямо заимствована из сочинения Алхера Клервосского, которое было ему хорошо известно²⁹. Если Вейер, опираясь на понятие «иллюзий», ведет к «медикализации» демонологического дискурса, практики и идеологии охоты на ведьм постепенно оттесняют на задний план образ дьявола-обманщика и притворщика, чтобы всячески подчеркнуть реальность его преступлений.

В Московской Руси XVI–XVII вв. не существовало ничего подобного мифологии шабаша и не было столь масштабной демономании, как в Европе Раннего Нового времени. Однако там тоже магические практики как таковые, безусловно, считались делом бесовским, а за колдовство можно было попасть на костер (при дворе обвинения в колдовстве активно использовались как политическое орудие).

При этом большинство исследователей (Р.Згута, О.Д.Журавель, У.Райан, Е.Б.Смилянская, А.С.Лавров и др.) сходятся на том, что в русских процессах мотив связи с дьяволом практически не акцентировался. Обвинение строилось, прежде всего, на факте нанесения вреда (*maleficiūm* в западных категориях). В XVII в. договор с сатаной или явление дьявола почти не упоминаются в следственных делах, оставаясь скорее книжным мотивом³⁰. Лишь при Петре I в законодательство, по западным образцам, вводится понятие демонического пакта, а в судебных документах появляются регулярные упоминания о вызывании бесов³¹. При

²⁹ Wier J. *Cinq livres de l'imposture et tromperie des diables, des enchantements et sorcelleries*. Paris, 1569. Fol.133–135 v. См.: Maus de Rolley T. *La part du diable: Jean Wier et la fabrique de l'illusion diabolique // Revue tracés*. 2005. №8. P.29–46.

³⁰ Самое раннее из найденных дел, где фигурирует отречение от Бога и пакт с дьяволом, датируется 1663 годом (Zguta R. *Witchcraft Trials in Seventeenth-Century Russia // American Historical Review*. 1977. Vol.82. P.1204; Ryan W. *The Witchcraft Hysteria in Early Modern Europe: Was Russia an Exception? // The Slavonic and East European Review*. 1998. Vol.76. №1. P.70; Kivelson V.A. *Through the Prism of Witchcraft: Gender and Social Change in the Seventeenth-Century Russia // Evans Clements B., Alpern Enegl B., Worobec Ch.D., eds. Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley, 1991. P.81). О мотиве дьявольского пакта см.: Журавель О.Д. *Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе*. Новосибирск, 1996.

³¹ Лавров А.С. *Колдовство и религия в России (1700–1740 гг.)*. М., 2000. С.347–376; Смилянская Е.Б. *Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в.* М., 2003. С.129–137.

этом, в отличие от Европы, на Руси вопрос о пределах власти дьявола, хотя время от времени и обсуждался, но никогда не разрабатывался подробно в ученой дискуссии и не становился предметом публичной полемики³².

Иконография наваждений

В 1510 году немецкий художник Ганс Бальдунг Грин вырезал известную гравюру «Ведьмы». На ней посреди зловещего антуража из звериных и человеческих костей сидят три голых колдуньи. Над ними по небу, усевшись задом наперед на козле, летит еще одна ведьма с развевающими волосами³³. Вероятно, у большинства современников Бальдунга реальность этих ночных полетов не вызывала сомнений, и для них было ясно, что все, изображенное на гравюре, происходит наяву, здесь и сейчас, а не в воспаленной фантазии суеверных простолюдинок, обманутых дьяволом. В том, как решен сюжет, нет ничего, что бы указывало на факт наваждения или отделило пространство видения или сна от физического пространства³⁴.

Эта гравюра и множество других, западных и древнерусских, изображений ставят перед нами вопрос, существовал ли в средневековой иконографии особый метаязык, позволявший четко отделить физиче-

³² Хотя богословская аксиома гласила, что дьявол не может творить подлинные чудеса и все его «творения» иллюзорны, в русской книжности XVI–XVII вв. известен мотив сожительства женщины с нечистой силой и беременности от дьявола. При этом в одних текстах (или в одних редакциях одного и того же памятника) вся беременность оказывается наваждением, а в других – реальностью, и женщина, как героиня «Повести о бесноватой жене Соломониши», рождает демонов. В описании дьявольских козней и действия бесов в мире граница между явью и наваждением оказывается намного более смутной, чем в учительных текстах, которые акцентируют немощь сатаны и ограничивают его власть миром иллюзий (См.: Юрганов А.Л. Указ. соч. С.198–199, 244–259, 299–322).

³³ Zika Ch. *Les parties du corps, Saturne et le cannibalisme: représentations visuelles des assemblées des sorcières au XVIe siècle* // Jacques-Chaquin N., Préaud M., dir. *Le sabbat des sorcières, XVe – XVIIIe siècles. Fig.1.* – См. миниатюру конца XV в. из фламандского «Трактата о злых духах и колдовстве» с изображением шабаша. На переднем плане ведьмы и колдун поклоняются дьяволу в обличье козла, который подставляет им для поцелуя зад, а в небе над ними парят другие ведьмы на метлах (Oxford. Bodleian Library. Ms. Rawl. D.410. Fol.1).

³⁴ О конвенциях изображения снов в средневековом искусстве см.: Schmitt J.-C. *Le corps des images*. P.297–321.

ское пространство от визионерского, а реальность – от наваждений³⁵. И если существовал, то как он был «устроен»?

Сатана – чемпион превращений, меняющий свои маски, чтобы обмануть, искушить или утратить человека. Однако святые всегда, пусть и после долгой борьбы, разбивают его козни, разгоняя туман «мечтаний». В зависимости от структуры сюжета и целеполагания текста, нарративные источники прибегают к различным стратегиям, чтобы обнажить истинную природу дьявола и разоблачить его «кляуки». Иногда это делает повествователь в своем комментарии: в нем с самого начала сказано, что угрожающие герою звери – на самом деле бесы, что явившийся ангел – сатана, а все происходящее вокруг – наваждение. В других случаях повествователь выстраивает рассказ с точки зрения своего героя, и читатель узнает о том, что в келью святого вторгся не настоящий разбойник, а хитрый бес или не ангел света, а ангел тьмы одновременно с героем, который разоблачает его козни сам, либо узнает истину от праведника, наделенного даром провидения. Порой интрига повествования построена именно на том, что святой с самого начала прозревает, кто скрывается за «мечтаниями», тогда как окружающие находятся в плену у созданной бесом иллюзии³⁶.

Все житийные истории о перевоплощениях дьявола так или иначе ведут к его разоблачению. В тексте оно происходит либо «внутри» сюжета (например, в прямой речи святого), либо в авторском комментарии. Однако как передать этот момент визуальными средствами?

Если перевод текста в изображение всегда сопряжен одновременно и с потерей, и с приращением смысла, то «зазор» между словом и визуальным образом особенно показателен, когда требуется изобразить *невидимое*. Категория невидимого часто пересекается с тем, что

³⁵ Ж.-К.Шмитт задается аналогичным вопросом, изучая средневековые изображения духов умерших, явившихся живым: как образы имматериальных фантомов отличались от изображений других объектов? Каковы специфические знаки, маркировавшие видение по сравнению с обычным зрительным восприятием? Отличаются ли визуальное видения в состоянии бодрствования от образов сновидений? И т.д. (См.: Schmitt J.-C. *Les revenants*. P.234–243). – См. также статью Х.Дамиша об изображении видений в цикле фресок Джотто, посвященных св. Франциску, в Верхней церкви Сан-Франческо в Ассизи (Damisch H. *Figuration et représentation: le problème de l'apparition* // *Annales E.S.C.* 1971. №3–4).

³⁶ Молдован А.М. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. М., 2000. С.216–218.

в конкретной культуре считается неизобразимым (хотя не все, что невидимо, всегда считается неизобразимым; а не все, что неизобразимо, относится к невидимому). Чтобы визуализировать *незримое* (ангелов, дьявола и бесов), требуется не только облечь его в некую материальную форму, но и выработать особый метаязык (набор маркеров), который позволял бы зрительно отделить людей и сверхъестественных персонажей. При этом в одних случаях композиция жестко очерчивает границу между видимой и незримой реальностью (видения отделяются от визионера особой символической «рамкой», к примеру – облачной завесой), в других – наоборот, максимально ее стирает, совмещая их в общем пространстве изображения³⁷. Даже в лицевых житиях или летописях, где миниатюра прямо соотносена с конкретным фрагментом повествования, изображение все равно оказывается не копией, а комментарием к тексту, а между словом и образом возникает неизбежный зазор.

Характерный пример мы встретим на миниатюрах Радзивилловской летописи XV в., иллюстрирующих известие о явлении бесов в Полоцке в 1092 (6600) году³⁸. Однажды ночью на улице поднялся топот – бесы начали «рыскать» по городу, как люди («яко человеци рщюще беси»). Если кто-то выходил из дома, чтобы поглядеть, что случилось, его тотчас поражали смертельной «язвой». Днем бесы стали появляться на конях, однако единственное, что можно было увидеть, – копыта их ло-

³⁷ Остановимся здесь на одном примере и сравним изображение двух видений: Фомы Кацибя и Василия Капицы с Семеном Антоновым из «Сказания о Мамаевом побоище» в Остермановском томе Лицевого летописного свода XVI в. Фоме Кацибяю перед Куликовской битвой было явлено, как в облаках небесное воинство во главе с двумя юношами (Борисом и Глебом) разбивает войско, идущее с востока. Это было предвестие победы Дмитрия Донского над Мамаем. В другом видении Василий Капица и Семен Антонов увидели войско бесов, символизирующее татар, которое было обращено в бегство митрополитом Петром. На каждой из трех миниатюр, представляющих эти сюжеты, мы видим визионеров, смотрящих вверх. При этом видение Кацибя происходит на небесах и отделено от земного пространства традиционным облачным поясом, а бесовское войско появляется в том же пространстве, что и Василий с Семеном, и отделено от них и русского войска только условными иконописными горками (Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры Лицевого свода XVI века / Под ред. Д.С.Лихачева. М., 1984. С.155–157).

³⁸ О миниатюрах Радзивилловской летописи см.: Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С.49–101.

шадей. Люди говорили, что это мертвецы («навье») бьют полочан³⁹. Хотя демоны, по словам летописца, физически убивали попадавших им горожан, их явление называется «мечтой», т.е. наваждением, а все произошедшее – «чудом» и «знамением»⁴⁰.

Миниатюры Радзивиловской летописи, представляющие этот сюжет, не визуализируют текст буквально (что, впрочем, нельзя сделать практически никогда), а скорее интерпретируют его, совмещая две различные точки зрения. Они представляют полочан, смотрящих на улицу из своих домов, и бесов на улице. Причем демоны изображены не такими, как их видели «в мечте» полочане, а такими, какие, в представлении автора, они, вероятно, были «в действительности». В летописи сказано, что бесы рыскали по Полоцку, «яко человецы». Однако на первой миниатюре мы видим четырех бескрылых звероподобных существ разных цветов с бесовскими хохлами⁴¹. На второй миниатюре изображены три точно таких же беса, скачущих на белых конях, тогда как в летописи говорится, что демоны перемещались по городу незримо и люди могли видеть не их самих, а лишь мелькание конских копыт.

Средневековая иконография стремится показать событие не с позиции внешнего наблюдателя, а с внутренней точки зрения – таким, каким оно являлось «на самом деле». Именно поэтому, иллюстрируя житийные описания дьявольских наваждений, древнерусские иконописцы чаще всего «раскрывали» сюжет визуальными средствами и демонстри-

³⁹ Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т.1. Лаврентьевская летопись. Вып.1 (далее – ПСРЛ I). Стб.214–215; БЛДР. СПб., 1997. Т.1. С.248.

⁴⁰ Вся статья 6600 г. полна грозными знаменьями. Помимо явления бесов в Полоцке, в небе явился огромный круг; была жестокая засуха; половцы разорили Песочен, Переволоку и Прилук; люди стали массово умирать от различных недугов, так что от Филиппова дня до Мясопуста было продано семь тысяч гробов. Все это связано с Божьей казнью: «наведе на ны Богъ, веля нам имети покаянье и въстягнутися от греха, и от зависти, и от прочих злых дел неприязни [дьявольских]» (ПСРЛ I. Стб.215).

⁴¹ Радзивиловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб.; М., 1994. Кн.1. Л.124. М.278. – На других миниатюрах Радзивиловской летописи бесы (если речь не идет о тех случаях, когда они превращаются в ангелов света, людей, зверей или монстров) обычно изображаются как звероподобные существа, но с крыльями (Там же. Л.45. М.111; Л.100 об. М.227; Л.110 об. М.250; Л.112. М.253; Л.113 об. М.256; Л.138 об. М.304). Возможно, в истории полоцких бесов 1092 г. художник показал их без крыльев, чтобы каким-либо образом все-таки подчеркнуть сходство с людьми или мертвецами.

ровали зрителю, кто действительно скрывается под масками разбойников, диких зверей или ангелов. Для этого в их распоряжении имелось несколько различных приемов.

Прежде всего, можно было показать только истинную природу «гостя», опустив описания его маски. В некоторых случаях вместо ложных ангелов, явившихся к святому, изображались страшные бесы, стоящие перед праведником и лишенные каких-либо ангельских черт. Так, скажем, проиллюстрирована история Исакия в «Киево-Печерском патерике» издания 1661 г.: на одной из гравюр Исакий поклоняется не ангелам с отдельными чертами, которые бы выдавали в них бесов, а звероподобным демонам-монстрам. Центральный бес, который явился в облике Христа, не менее страшен, чем остальные, но изображен в короне и со скипетром⁴².

Другой, весьма редкий прием был ориентирован на знание зрителем текста или параллельное чтение текста и изображения, которые в лицевой рукописи помещались напротив друг друга или на соседних листах (что делает возможной некоторую визуальную «недосказанность»). Здесь представлялась только призрачная личина демона, а бесовские символы отсутствовали. К примеру, в лицевых «Житиях Нифонта Константинопольского» XVI века сатану в обличье черного пса изображали в виде обычной собаки (Илл. 1)⁴³.

Похожий случай можно найти в Радзивиловской летописи. Как сказано в тексте, Исакия Печерника соблазнили бесы в образе прекрасных юношей-ангелов. На миниатюре перед Исакием стоят двое юношей, без каких-либо ангельских (крыльев, нимба) или дьявольских (хохла, звериных лап и т.д.) признаков⁴⁴. Визуального комментирования тут нет, а истинная природа гостей станет ясна на следующей миниатюре, где толпа звероподобных бесов пляшет вокруг прельстившегося монаха⁴⁵.

⁴² Патерик, или Отечник Печерский. Киев, 1661. Л.162 об.

⁴³ При этом сатану, пляшущего перед святым в образе птицы, могли представлять в виде синкретической фигуры: птицы с человеческим торсом (См.: Щепкин В.Н. Житие святого Нифонта, лицевое XVI века. М., 1903. Л.Х, М.54; Л.ХII, М.63; Библиотека Академии наук (далее – БАН). П.1. А. №50. Л.29, 24об).

⁴⁴ Радзивиловская летопись. Кн.1. Л.111 об. М.252.

⁴⁵ Там же. Л.112. М.253.

Третьим вариантом, к которому прибегали иконописцы, была симультанная композиция – совмещение «истинной» и ложной личины беса на одном изображении. В лицевом «Житии Андрея Юродивого» XVII в. демон, пришедший к девушке в виде черного пса, показан в виде двух фигур: сверху ее целует крупный зооморфный бес, снизу на задних лапах стоит пес⁴⁶. На другой миниатюре демон, принявший облик старухи, а затем уползший змеем, представлен в облике старой женщины, от которой отползает аспид с двумя лапами⁴⁷. Аналогичным образом этот сюжет решен на иконе начала XVI в., причем красноголовый змей, изображенный около старухи, явно перекликается здесь с красноголовым антропоморфным сатаной на соседнем клейме⁴⁸. В «Житии Сергия Радонежского» XVI в. мы видим одновременно больших серых змей-драконов (сатана многожды «змиями претворяшеся») и антропоморфных демонов, убегающих в сторону⁴⁹. Это типичная модель, применявшаяся на многих миниатюрах. Демон, творящий иллюзию, и сама иллюзия зрительно разделены: бес стоит сзади, насылая свои «клюки» на праведника. Такой прием можно увидеть и на уникальной иконе (вероятно, фрагменте древней житийной иконы) «Искушение Антония Великого» XVI в., где изображены звери, одолевающие святого в его «мечтаниях»: лев с огромным языком, ехидна, единорог и другие твари. Позади них мы видим настоящих врагов, насылающих эти «мечтания»: черных демонов-эйдолонов с крюками и посохами (Илл.2)⁵⁰.

И все же в большинстве случаев древнерусские мастера использовали другой прием: они представляли темных духов в той личине, которая описана в тексте (зверь, человек, ангел), но наделяли их особыми мар-

⁴⁶ Российская национальная библиотека (далее – РНБ). Общество любителей древней письменности (далее – ОЛДП). Q.58. Л.140 об.

⁴⁷ Там же. Л.140 об.; 49 об.

⁴⁸ Такой же красноголовый змей обвивает шею монаха на другом клейме иконы (Государственный Русский музей /далее – ГРМ/. Инв. №2099; Оpubл.: Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. Московская школа. М., 1983. №123).

⁴⁹ Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца. Сергиев Посад, 1853. Л.109, 109 об.

⁵⁰ Русские иконы. Коллекция русских икон арт-галереи «Дежа Вю». М., 2003. №10. – По такому же принципу изображены «мечтные» звери, атакующие Зосиму Соловецкого на миниатюре (ок.1600 г.), где за фантастическими чудовищами стоят бесы (Повесть о Зосиме и Савватии. Факсимильное воспроизведение. М., 1986. Л.34 об.).

керами, которые разоблачали иллюзию. За спиной мнимого человека мы видим крылья⁵¹; у змея-дьявола, искушавшего Еву в раю, – человеческое лицо, а иногда крылья, женские волосы и грудь⁵²; у многоглавого монстра, которого поражает святой-змеборец, – человеческое лицо с хохлом⁵³, и т.д. Этот прием широко применялся и в западном искусстве Средневековья⁵⁴. Во французской рукописи «Золотой легенды» Якова Ворагинского 1470-х годов св. Иулиания (Юлиана) хлещет розгами беса, попытавшегося ее искушить, явившись в обличье светлого ангела. На голове у него черные козлиные рога, а из-под длинной туники торчат огромные звериные когти⁵⁵ (Илл.3). На миниатюре из французского Антифонария XVI в. дьявол, искушающий Христа, принимает обличье монаха. Но свою сущность не скроешь, – его голову в капюшоне тоже венчают рога⁵⁶.

В древнерусской иконографии самым частым орудием разоблачения дьявола был хохолок – один из важнейших маркеров демониче-

⁵¹ См. пример в лицевом Житии Федора и Василия XVII века. Сатана в личине Василия изображен как монах с крыльями за спиной (Житие преподобных отец Феодора и Василия. СПб., 1879 /ОЛДП. Т.37/. С.12, 16, 24, 48). В Цветнике XVIII века из собрания БАН на множестве миниатюр представлена история о том, как дьявол принял облик девушки, желая искушить епископа («Слово о добродетельном епископе, почитавшем апостола Андрея»). Мы видим на изображениях девушку с серыми крыльями за спиной. На последней миниатюре, где разоблаченный сатана падает в геенну, показана та же девушка, но на этот раз с серой хохлатой головой демона (См.: БАН. 32.3.15. Л.133 об.–144). – О лицевых Цветниках из собрания БАН см.: Бубнов Н.Ю. Лицевые старообрядческие «Цветники» (по материалам Библиотеки РАН) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей Библиотеки РАН. СПб., 2005.

⁵² Подробно об этом мотиве см.: Махов А.Е. Средневековый образ между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М., 2011. С.52–53; Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа. М., 2011. С.85–86.

⁵³ Как на иконе Никифора Савина «Чудо св. Федора Тирона о змие» первой четверти XVII в. из собрания ГРМ (ДРЖ-2146; Опул.: Брюсова В.Г. Русская живопись 17 века. М., 1984. Цв. илл.6; Смирнова Э.С. Московская икона XIV–XVII веков. СПб., 2008. Ил.112; Образы и символы старой веры: Памятники из собрания Русского музея. СПб., 2008. №190. С.217). На ней изображено множество змеев с узкими продолговатыми головами и один с антропоморфным телом, перепончатыми крыльями и крупной звериной головой. Однако в сцене змеборчества в нижней части иконы святой отсекает крылатому змею человеческую голову с бородой и торчащими вверх волосами.

⁵⁴ Махов А.Е. Средневековый образ... С.42–48.

⁵⁵ London. British Library. Ms. Yates Thompson 49. Vol.1. Fol.60.

⁵⁶ Loches. Bibliothèque municipale. Ms.2. Fol.79v.

ского в византийской, древнерусской и западной романской иконографии⁵⁷. Так, на иконе «Св. Ипатий Гангрский, с житием» первой половины XV в. из собрания Третьяковской галереи в десятом клейме святой избивает беса, принявшего образ небесного духа. Мы видим маленького ангела в тунике и с хохолком, за который его и держит святой Ипатий (Илл.4)⁵⁸. Хохолок вместо нимба торчит на голове ложного ангела на миниатюре лицевого «Жития Николая Чудотворца»⁵⁹. В иллюминированном «Житии Зосимы и Савватия» (ок.1600)

⁵⁷ Подробно об истории этого знака: Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Указ. соч. С.43–52, 70–75, 101–121. – Отдельные замечания о характерной прическе демонов: Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991. С.43; Spier J. *Medieval Byzantine Magical Amulets and their Tradition* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institute*. 1993. Vol.56. P.39; Franklin S. *Nostalgia for Hell: Russian Literary Demonism and Orthodox Tradition* // Davidson P., ed. *Russian Literature and Its Demons*. N.Y.; Oxford, 2000. P.38. – На западном материале: Mâle E. *L'art religieux du XIIe siècle en France. Etude sur les origines de l'iconographie du Moyen Âge*. Paris, 1922. P.23–24, 370; Tselos D. *English Manuscript Illustration and the Utrecht Psalter* // *The Art Bulletin*. 1959. №2. P.139, 141; Heimann A. *Three Illustrations from the Bury St. Edmunds Psalter and their Prototypes. Notes on the Iconography of Some Anglo-Saxon Drawings* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institute*. 1966. Vol.29. P.57–58; Dufrenne S. *Les illustrations du Psautier d'Utrecht. Sources et apport carolingien*. Paris, 1978. P.127; Russel J.B. *Lucifer. The Devil in the Middle Ages*. L., 1984. P.132; Maguire H. *The Art of Comparing in Byzantium* // *The Art Bulletin*. 1988. Vol.70. №1. P.100; Mango C. *Diabolus Byzantinus* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1992. Vol.46. P.221; Link L. *The Devil: A Mask without a Face*. L., 1995. P.50, 64–67; Noel W. *The Harley Psalter*. Cambridge, 1995. P.117, 177, 156; Amishai-Maisels Z. *The Demonization of the «Other» in the Visual Arts* // Wistrich R.S. *Demonizing the Other. Antisemitism, Racism, and Xenophobia*. Amsterdam, 1999. P.50–51; Friedman J.B. *The Monstrous Races in Medieval Art and Thought*. Syracuse; N.Y., 2000; Dendle P. *Satan Unbound: The Devil in Old English Narrative Literature*. Toronto, 2001. P.90, Fig.6; Dale T.E.A. *Monsters, Corporeal Deformities, and Phantasms in the Cloister of St-Michel-de-Cuxa* // *The Art Bulletin*. 2001. Vol.83. №3. P.410, 412; Bradley J. *“You Shall Surely not Die” The Concepts of Sin and Death as Expressed in the Manuscript Art of Northwestern Europe, c.800–1200*. Leiden; Boston, 2008. Vol.1. P.102, 243–244. – Хохолок мог объединяться с другими демоническими элементами – прежде всего крыльями. См. примеры в агиографическом сборнике XVII века (РНБ. ОЛДП. F.137. Л.17 древнерусской пагинации) или в Цветнике XVIII в. (БАН. 32.3.15. Л.254–256).

⁵⁸ Государственная Третьяковская галерея. Инв. №6135; Оpubл.: Антонова В.И., Мнева Н.Е. *Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. [в Государственной Третьяковской галерее]. Опыт историко-художественной классификации*. М., 1963. Т.1. №204; Попов Г.В., Рындина А.В. *Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI века*. М., 1979. С.447, 449; Лазарев В.Н. Указ. соч. Илл.143.

⁵⁹ *Житие Николая Чудотворца. Издано по рукописи XVI века, принадлежащей Москов-*

«кознь бесовская», преобразившаяся в человека, выглядит как мужчина в длинной одежде, с бородой и высоким хохлом⁶⁰. На одной из миниатюр лицевого Апокалипсиса XVII в. из собрания Национальной библиотеки Украины бес изображен в виде высокой крылатой фигуры, похожей на ангельскую, но с пламенеющими волосами⁶¹. В печатном издании «Киево-Печерского патерика» (1661) и лицевом «Житии Федора и Василия» XVII века у беса в образе ангела не пернатые, но перепончатые крылья, а на голове – два рога, похожие на языки огня⁶². Во всех этих случаях бесовской хохол или рога заменяют ангельский нимб, хотя в иллюстрируемых текстах речь прямо идет о том, что демон принял сияющий небесный образ. Маркер демонического появляется на изображении волей художника и позволяет раскрыть сюжет визуальными средствами, без использования поясняющих надписей (хотя такие надписи все равно периодически появляются – см. ниже).

На миниатюрах лицевого житийного сборника 1560-х гг., иллюстрирующих «Житие Иоанна Богослова», острый хохол выдает, кто на самом деле скрывается в обличье Романы, владелицы бани, где трудились Иоанн и Прохор⁶³, и воина, который попытался обогатить Иоанна (Илл.5)⁶⁴. Если сравнить две лицевые рукописи XV и XVI вв., где представлен сюжет с мнимым воином, мы увидим, что в первой на голове демона-обманщика надета высокая шапка, а во второй – пламенеет острый хохол, выдающий его истинную природу⁶⁵.

скому Публичному и Румянцевскому музею (folio №15). СПб., 1878 (ОЛДП. Т.28–40). Л.37 об, 38.

⁶⁰ *Повесть о Зосиме и Савватии. Л.113 об.*

⁶¹ *Национальная библиотека Украины (далее – НБУ). 1, 548б. Л.100.*

⁶² *Патерик, или Отечник Печерский. Л.213; Житие преподобных отец Феодора и Василия. С.12, 16.*

⁶³ *См. текст: Макарий, митрополит Всероссийский. Великие Минеи Четьи. Сентябрь. Дни 25–30. СПб., 1883. Стб.1588–1598.*

⁶⁴ *БАН. П I. А 34 (34.4.5.) Л.8 об. (Лихачев Н.П. Хождение св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова по лицевым рукописям XV и XVI вв. СПб., 1911 /ОЛДП. Т.130. №13. Табл.IX/; Л.21 /Там же. №33. Табл.XVIII/; Л.21 об. /Там же. №34. Табл.XIX/).*

⁶⁵ *Лихачев Н.П. Указ. соч. Рукопись XV в.: №26 (Л.23); XVI в.: №33. Табл.XVIII (Л.21). – В древнерусской иконографии бесы с грешниками периодически изображались не с хохлами, а в островерхих, треугольных шапках, воспроизводящих форму хохла. Например, на миниатюрах лицевых Апокалипсисов XVII–XVIII веков в островерхие шапки одеты грешники, приносящие дары Вавилонской блуднице (Государственный исторический музей.*

Иногда иконописцы выделяли хохол особым цветом. Голубые хохол и крылья выдают беса на клейме ростовской иконы «Явление апостола и евангелиста Иоанна Богослова преподобному Авраамии Ростовскому, с житием преподобного Авраамия» (первая треть XVIII в.)⁶⁶. Женщина с коромыслом и серой хохлатой головой на миниатюре из сборника XVIII в. – дьявол, искушающий монаха, – Ульяна (над ее фигурой написано «дьявол»)⁶⁷ (Илл. 6). На иконе «Святые благоверные князья Константин, Михаил и Федор Муромские, с житием» 1714 года в клеймах №75 и 76 изображен бес, под видом девицы явившийся к епископу Василию, чтобы оболгать его перед людьми. Хотя в подписи сказано, что «вообразя себя диавол в девицу» (и по смыслу превращение демона должно было быть безупречным), у мнимой возлюбленной архиерея на голове вздыбленные волосы, напоминающие корону, или корона, напоминающая срезанный хохол. В обоих клеймах над ее фигурой стоит подпись «бес»⁶⁸.

Муз.355. Л.101 об., 103; НБУ. 1, 5486. Л.110, 112). Параллель между хохлами и острыми шапками хорошо видна при сопоставлении двух миниатюр из лицевого «Жития Сергия Радонежского» XVII–XVIII вв. В тексте сказано, что однажды бесы явились святому в литовских одеждах и островерхих шапках (БЛДР. СПб., 1999. Т.6. С.300). На одной миниатюре жития мы видим толпу бескрылых человекообразных бесов с острыми хохлами, стоящих в лесу перед кельей Сергия (БАН. П I. А.38 /34.3.4/. Л.93 об.). На другой миниатюре, иллюстрирующей явление бесов-«литовцев», в них уже нет ничего демонического. У входа в келью толпятся белолицые люди в длинных одеждах, островерхих шапках и с розовыми крыльями за спиной (Л.94 об.).

⁶⁶ На клейме «Перевоплощение беса в воина» перед князем стоит воин в доспехах, позади воина специфическим бело-голубым цветом изображены крылья и хохол, тянущийся от шлема (Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль». Инв. № И-943; Опубл.: Вахрина В.И. Иконы Ростова Великого /Древнерусская живопись в музеях России. Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»/. М., 2006. №115).

⁶⁷ БАН. 25.7.6. Л.13.

⁶⁸ Иконы Муром (Древнерусская живопись в музеях России. Муромский историко-художественный музей). М., 2004. №57. Илл. 57.76; Сухова О.А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. Александр Казанцев. 1714 г. М., 2006. С.205–206. – Сюжет о бесе, оборотившемся «в мечтах» девицей, чтобы оклеветать пастыря, в «Повести о Василии Муромском» (XVI в.), вероятно, был заимствован из «Слова о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим», где демон точно так же пытается погубить Иоанна (Дмитриев Л.А. Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С.153, 155–156).

Илл. 1. Сатана в виде черного пса. Фрагмент миниатюры из "Жития Нифонта Констанцкого" XVI в.

Илл. 2. Бесы осаждают св. Антония в облике диких зверей. Фрагмент иконы «Искушение Антония Великого» XVI в.

Илл. 3. Св. Юлиана избивает демона, явившегося ей в обличи ангела.
Фрагмент миниатюры из французской рукописи «Золотой легенды» Якова Ворегинского 1470-х гг.

Илл. 4. Св. Ипатий Гангрский избивает беса в ангельской "маске".
Фрагмент клейма иконы «Св. Ипатий Гангрский, с житием» первой половины XV в.

МЕЧТАНИЯ И «ILLUSIONES»

Илл. 5. Демон, обернувшийся воином. Фрагмент миниатюры из "Жития Иоанна Богослова" 1560-х гг.

Илл. 6. Дьявол, искушающий монаха, в облике женщины. Фрагмент миниатюры из Сборника первой половины XVIII в.

Хотя кажется, что применение маркеров демонического подменяет собой любой текст и делает подписи к изображению просто излишними, они все равно регулярно дублируют визуальное послание⁶⁹. Например, на фреске капеллы Корпорале в соборе Орвьето, созданной ок. 1364 г., дьявол преобразуется в Богородицу. Справа мы видим белокурую женщину в богатой одежде, держащую на руках младенца. Перед ними на коленях стоят три человека: два еретика (подписанные *heretici*) и один истинный верующий (*fidelis*). Женщина обращается к верующему с призывом: «Я – мать Божья: верь им» (т.е. еретикам). Ее реплика вписана в белый прямоугольник, помещенный на фоне орнамента, прямо под сценой явления (но явно вне ее). Как уже было сказано, истинную природу демонической Богородицы раскрывают звериные когти, торчащие из-под длинного плаща, и черные крылья летучей мыши, помещенные за спиной. Однако этих маркеров демонического оказывается недостаточно, и под ногами дьявола помещается белый прямоугольник, в котором стоит подпись: «дьявол» (*dyabolus*)⁷⁰.

Большинство образов дьявольских наваждений – не буквальная иллюстрация текста видения, а попытка передать его интригу визуальными средствами. При этом гибридные фигуры лучше всего демонстрируют разрыв, неизбежно возникающий между текстом и иконографией. Изображение ангела с черными крыльями или человека с бесовским хохлом не соответствует субъективному опыту видения, но отражает истинную реальность, смысл происходящего. Эти атрибуты не только не упоминаются в источнике, но и противоречат его «букве». Сатана – талантливый имитатор и обычно перевоплощается идеально и без изъяна. Здесь же маскировка его неизменно подводит.

Изображение призрачной личины сатаны с выдающимися его бесовскими атрибутами строится на совмещении двух перспектив: *субъективной* – героя, свидетеля и *абсолютной* – всезнающего рассказчика или святого провидца, который под призрачными «мечтаниями» сразу же опознает дьявола. Как замечает А.Е.Махов, «разоблачающие» мар-

⁶⁹ В древнерусской иконографии номинативные подписи устойчиво сопровождают фигуры, которые явно и так опознавались всяким (как Христос или Богородица), и их функция была не только идентифицирующей, но и манифестирующей (См.: Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., 2010. С.402, 415–416).

⁷⁰ Махов А.Е. Средневековый образ... С.44, Цв. вкл. С.4.

керы обращены к зрителю изображения – его герои их просто не замечают⁷¹.

Кроме того, мы здесь сталкиваемся с распространенной в средневековом искусстве «конденсацией» времени: сатана-притворщик едва успел появиться в своем мнимом обличье, но уже разоблачен и заранее обречен на поражение. Бесовский хохол или крылья – условный прием, элемент визуального метаязыка, нужный для того, чтобы перекодировать текст в изображение.

Средневековый дьявол – персонаж многогранный. Его фигура как будто соткана из противоречий. Он безличен и многолик, могуществен и ничтожен, страшен и смешон. Однако для объемной реконструкции древнерусских демонологических представлений недостаточно очертить поле возможностей дьявола и составить каталог его обличий. Мало описать, как он преображается, лжет и блефует. При всем разнообразии и причудливости его метаморфоз они не хаотичны, а лукавый перебор масок, будь то в тексте жития, в клейме иконы или на книжной миниатюре, в целом функционален и прагматичен.

Дьявол с бесами подбирают к каждому человеку психологическую отмычку и перебирают орудия воздействия на него из своего обширного репертуара: заманивают, обманывают, запугивают, истязают и т.д. Например, в монашеской общине, в которой читаются, переписываются и составляются патерики и жития святых, демоны в ответе практически за все формы поведенческой девиации и конфликтов. Если судить по монастырским текстам, монахи бегут из монастыря, принимают в тайне копить земные сокровища, блудят, ропщут на настоятеля или друг на друга почти исключительно по научению сатаны.

Эта функциональная прагматика определяет прагматику изображения дьявола в текстах и иконографии. Сколь бы он искусно ни перевоплощался и сколь бы ни был опытен в искушениях, средневековый нарратив почти всегда нацелен на то, чтобы сразу же сорвать с него маску и дидактически разоблачить источник наваждения или греховного помысла. В иконографии этой цели служат особые маркеры демонического, которые выполняют ту же роль, что авторский комментарий – в тексте.

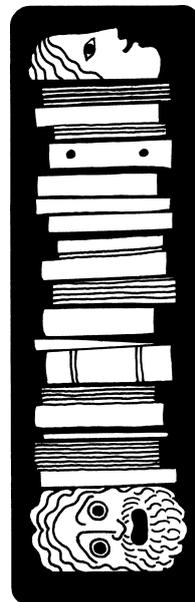
⁷¹ Там же. С.45–47.

**Лицемер:
человек, который убил
обоих родителей
и просит о снисхождении,
ссылаясь на то,
что он сирота.**

Авраам Линкольн

Есть люди, которые не могут
прийти ни к какому решению,
не откладывая дела до утра.
Это очень хорошо, но они рискуют,
что их однажды унесут из дома
вместе с кроватью.

Георг Кристоф Лихтенберг

Андрей Юрганов

РОЖДЕНИЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ¹

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
323.2

While Stalin was alive only he could be equal to the truth and only he could know the truth. Upon his death an ideological corporation emerged and this corporation took it upon itself to exercise control over the truth. Yet every functionary authorized to trace congruence of “practice” and “theory” knew that his functions of control were limited. The ideological apparatus of the Party inherited monopoly rights to the truth as a corporate heir. It was precisely the corporation which started to claim to the knowledge belonged to the caste. This knowledge released “the elected few” of unnecessary formalities. Answers to citizens concocted at the “Kommunist” journal were not different from answers produced under Stalin. However discussions within the editorial board (minutes started to be composed since January, 1954) are characterized by an important distinction: name of Stalin was nearly absent in these discussions. N.S.Khrushchev in his report to the CPSU 20th Congress uncovered the terrible truth about the cult of Stalin's personality to the communists yet still clung to the deep-seated double standards; his report was a “secret” one and its content was meant for “our crowd”.

Ключевые слова: смерть Сталина; коллективное руководство; журнал “Коммунист”; двойные стандарты; июльский пленум ЦК КПСС 1953 года.

Key words: Stalin's death; collective leadership; “Kommunist” journal; double standards; july plenum of the CPSU in 1953.

E-mail: Iurganov@yandex.ru

¹ Статья является частью научно-исследовательской работы «Историческая наука и партийно-государственная идеология в эпоху сталинизма. 1929–1953 гг.», выполняемой в рамках ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

НАСЛЕДНИКИ

При жизни Сталина двойные стандарты *не были возможны* в принципе, потому что один только Сталин и мог диктовать свою волю («стандарт» неопределенности), один

только он и таил в себе сверхзнание правильного и истинного. Эта неопределенность была важнейшим признаком сталинизма в идеологии. Никто не мог себе позволить отождествлять себя с особой кастой, с избранными людьми, которым доступна тайна истинного смысла. Потому что такой касты неприкасаемых не было и быть не могло. Даже высшие идеологические руководители страны (А.А.Жданов, Г.А.Александров) никогда не знали, что будет завтра и как товарищ Сталин развернет свою «диалектику». А главное – против кого...

Кто стал «наследником» Сталина, но не в административно-политических должностях, а в отношении к *метафизической истине*, с которой он совпадал полностью, будучи выразителем неуловимого для всех прочих смертных контекстуального знания (знания «практики»)?

Документы архивного фонда журнала «Коммунист» дают едва ли не уникальную возможность понять, как состоялось унаследование монопольных прав на истину и кто стал держателем этих прав. Документы фонда сами делятся на те, которые содержат ответы обычным гражданам по всяким вопросам теории и практики социализма, и те, которые (начиная с января 1954 г.) фиксируют рабочие совещания редколлегии («протоколы обсуждения»). Между этими двумя группами документов, если рассматривать их синхронно, разница поистине огромная. В одной группе документов имя Сталина упоминается столь же часто и неизменно, как будто он и вовсе не умирал. По любым вопросам и вне зависимости от политической конъюнктуры в ответах редакции без конца цитировали Сталина (в 1953–1955 гг.), и *нет никакой разницы* между частотностью упоминания его имени и трудов до смерти и после (по крайней мере, до начала 1956 г.).

Если же взглянуть на протоколы обсуждений редколлегии журнала, то можно удивиться тому, как в них редко упоминается Сталин и как уверенно члены редколлегии судят об истине, о правильном или неправильном, не вступая друг с другом в острую полемику, но желая одного – принятия корпоративного решения...

Идеологический аппарат партии унаследовал монопольные права на истину как корпоративный наследник. Именно корпорация стала пре-

тендовать на кастовое знание, которое освобождало их, «избранных людей», от ненужных формальностей.

Сравним «стандарты» (смыслообразующие модели) ответов редакции и протоколов обсуждения журнала «Коммунист». В ответах редакции ничего, кроме предсказуемых цитат из Сталина, найти невозможно. Одна цитата цепляет другую, затем третью, и так до тех пор, пока не будет исчерпана вся заявленная тема². Цитатничество и догматизм – это вполне узнаваемый «стандарт» сталинской идеологии. Но теперь этот «стандарт» обращен в широкие массы. Он не для «внутреннего употребления»...

Как правило, вопросы читателей касались догматических нестыковок в теории марксизма, что, собственно, и провоцировало редакцию на ответы догматические. Например, 18 января 1954 г. т. Хваткову был направлен (от консультанта О.Пеликовой) ответ на вопрос: «Есть ли классовая борьба в СССР и в чем она проявляется?»

Ответ был такой:

С победой социализма в СССР изменились и функции нашего социалистического государства. Отпала, отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров больше нет и подавлять некого. Но было бы ошибочно из этого делать выводы, что в нашей стране нет классовых врагов, нет классовой борьбы, что международный капитал потерял всякую возможность вербовать свою агентуру внутри нашей страны. У нас кое-где, хотя и в ничтожном количестве, сохранились остатки разбитых эксплуататорских классов, осколки антиленинских групп – меньшевиков, эсеров, троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов, космополитов и т.д. Эти подонки, отребье человеческого общества «притаились» и мстят нашему народу. На них и делают ставку империалистические государства... Примером этого может служить дело Берия и его сообщников [Д.67. Л.8–9].

Дальше, как обычно, – цитаты, цитаты и еще раз цитаты из трудов Сталина.

Некоторые вопросы читателей отличались курьезностью. Например, 25 ноября 1954 г. был направлен ответ т.Чиликину на вопрос: «Как понимать такие слова и выражения, как, например, «святое место», «свя-

² *Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.599. Оп.1. Д.65 и др. – Далее ссылки на этот фонд (Оп.1) даются в тексте.*

РОЖДЕНИЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

щенная война», «ей-богу, «боже мой» и др., употребляемые людьми, совершенно свободными от религиозных предрассудков»? В ответе редакции – опять ничего личного: только цитаты из трудов Сталина по языкознанию [Д.67. Л.37].

Но на некоторые вопросы было явно нелегко отвечать. Поэтому за дело брались самые опытные работники журнала. 16 ноября 1954 г. за подписью К.Подколотина (зав. отделом консультаций журнала «Коммунист») был отправлен ответ т.Самоварову на его вопрос: «Можно ли считать, что евреи в государстве Израиль составляют нацию?» Только опытный человек мог ответить так, чтобы не возникло дополнительных и ненужных вопросов, и потому Подколотин сразу начал цитировать работу Сталина «Марксизм и национальный вопрос»:

В работе И.В.Сталина «Марксизм и национальный вопрос» с исчерпывающей полнотой обосновано, почему евреи не являются нацией. И.В.Сталин на основе всестороннего анализа пришел к выводу, что «у евреев нет связанного с землей широкого устойчивого слоя, естественно скрепляющего нацию не только как ее остов, но и как "национальный рынок" (Соч., т.2, стр.33). Таким образом, отсутствие экономических и других необходимых предпосылок не способствовало консолидации евреев в нацию. Это обуславливает неизбежность и закономерность ассимиляции евреев с другими нациями, среди которых они живут. Этот объективный процесс значительно усилился с развитием капитализма в его последней стадии – империализм [Д.66. Л.1–2].

К.Подколотин строго придерживался сталинского определения нации: не было территории – но она появилась вместе с государством Израиль, не было национального рынка – он возник вместе с государством Израиль. Значит, определение Сталина «работает» и в новых условиях:

Иная ситуация создавалась на нынешней территории государства Израиль, где еще до Второй мировой войны усилилась еврейская эмиграция. Фашизация ряда европейских государств в Европе, их антисемитская политика значительно увеличила приток евреев в Палестину. Таким образом, в Палестине зародились зачатки «национального» рынка и создались предпосылки консолидации евреев, живущих в Палестине, в нацию на буржуазной основе [Д.66. Л.2].

К ответу приложено письмо Самоварова (Ярославль), который описывал в нем, как обсуждался этот животрепещущий вопрос среди участников семинара:

На семинаре по изучению работы И.В.Сталина «Марксизм и национальный вопрос», при обсуждении вопроса определения нации, один из слушателей спросил: «Является ли в наст[оящее] время еврейская народность нацией, т.к. в Палестине возникло еврейское государство Израиль. Мнения разделились. Одни утверждали, что поскольку все признаки нации там имеются, то теперь можно считать евреев нацией. Просьба разъяснить, как правильно разъяснить этот вопрос [Д.66. Л.4–4 об.].

Именно согласование разных сталинских суждений, порой противоречивых, не связанных друг с другом, – одна из главных причин написания писем в редакцию журнала «Коммунист». В одном из таких писем (май 1954 г.) М.Сидорова рассказала, как трудно ей было разобраться в теории, и это вполне типично для многих писем:

Уважаемый товарищ Абагин! Убедительно прошу Вас поручить гг. А.Косульникову и В.Снастину ответить хотя бы совсем кратко на мое письмо.

В их статье «Лекционная пропаганда – важная форма идеологической работы» (журнал №3 за 1954 г.) приводится пример о том, что один из лекторов в Кишиневе, говоря о книге В.И.Ленина «Государство и революция», подошел к теоретическим положениям как «талмудист» и поэтому не сумел раскрыть существо ленинских идей и показать основные пути укрепления нашего государства. На днях в нашем учебном заведении (мы изучаем основы марксизма-ленинизма по программе, несколько уменьшенной по сравнению с вузовской) на лекции по работе И.В.Сталина «Об основах ленинизма» при объяснении вопроса о диктатуре пролетариата был упомянут термин «полугосударство», причем упомянут был в связи с объяснением, что диктатура пролетариата – совершенно новое, народное государство [Д.66. Л.36].

Однако если приходило письмо, имеющее острое политическое звучание и потому выходящее за пределы компетенции журнала, то на него уже не отвечали, а переправляли в высшие инстанции (для принятия более полноценного корпоративного решения), иногда пересылали даже самому Г.М.Маленкову.

РОЖДЕНИЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Так, 10 января 1954 г. врач по профессии, П.Корсуненков, отправил в журнал письмо о судьбе калмыцкого народа. Содержание письма было необычным настолько, что никто в журнале и не подумал на него отвечать, – 23 января 1953 г. письмо было направлено в секретариат Г.М.Маленкова.

В письме речь шла о репрессиях против калмыков. Автор письма не упомянул Сталина. Вина целиком возлагалась на врага народа Л.П.Берия, разоблаченного на июльском (1953) Пленуме ЦК КПСС:

После сообщения о разоблачении врага партии и советского народа Берия в июле мес[яце] 1953 г. мною было послано подробное письмо о том, что творили с нашим народом в эти 10 лет органы бывш[их] МГБ и МВД, на имя товарищей Ворошилова К.Е. и Маленкова Г.М., как обвинительный материал против Берия и его шайки, а также низовых органов МГБ... 10-летнее непрерывное уничтожение нашего национального и человеческого достоинства; дискриминация нашей национальности почти во всех областях человеческой деятельности («калмыков не принимать на работу» – вот плохо или нехотая скрываема установка); превращение районов, поселков и деревень, где мы поселены, в открытую тюрьму, не исключая наших несчастных детей, женщин и немногих стариков, регламентирован (так в тексте – А.Ю.) и подвергается систематической слежке; угроза ареста и тюрьмы, осуждение многих и многих наших ни в чем не повинных людей по их национальности (1944–50 гг.) по произволу органов МГБ-МВД; лишение нас советских паспортов, с отнесением нас к категории «немецких подданных» – по чудовищному и изуверскому решению МГБ-МВД (я не буду здесь тратить чернил и энергии на разоблачение этой гнусности хотя бы потому, что под немецко-фашистской оккупацией в 1942 г. была только половина (50 тыс. человек) калмыков в течение каких-нибудь 4–5 мес[яцев], тогда как территория СССР с 80 милл[ионами] человек находилась под оккупацией в течение 3–3½ годов. И было бы чудовищным издевательством считать эти 80 милл[ионов] советских людей немецкими подданными); пребывание нашего народа в местах поселения без права передвижения куда бы то ни было, тем самым намеренное разобщение нас между собой; тысячи и тысячи разоренных, разбитых, осиротелых семей и тысячи семей исчезнувших; условия массового голода (1944–46 гг.), болезней, холода; прекращение деторождения и свободного бракосочетания; презрение и чванство, спесивость и

понуkanie нашими именами и национальностью, смешанные с грубостью и окриком в обращении с нами; контроль над нашей мыслью и душой путем перлюстрации наших писем и систематическая и намеренная задержка последних на имя нашего правительства, наших вождей в течение этих 10 лет – вот что являлось социальными, биологическими, политическими и культурными причинами вымирания нашего маленького народа... [Д.63. Л.55–61].

На такое письмо, в самом деле, трудно было отвечать цитатами из трудов Сталина по «национальному вопросу». Вопрос касался не частностей теории, а живой памяти о геноциде целого народа. Невозможно было в ответе на письмо, в очередной раз, не задумываясь, упоминать привычные слова о «дружбе народов», о «мудрой сталинской политике». «Спасал» враг народа Берия – на него можно было свалить все, в том числе и геноцид, который трудно было объяснить через общепринятый лексикон партийных идеологов.

Сам Корсуненков тоже понимал, что, разоблачая геноцид, он ни в коем случае не отождествлял его с национальной политикой партии и советского государства – речь шла об *искажениях и искривлениях*, а не о сущности всей национальной политики:

Но, несмотря на это трагическое положение свое, разум и сердце за все эти 10 лет говорили и подсказывали нам, что за эти годы гуманная национальная политика нашего государства и его правительства намеренно искривлялась и искажалась в отношении нашего народа. Мало того, это наше положение, эта гибельная политика в отношении нас скрывались от нашего правительства врагами его – Берия, Меркуловым и их шайкой до их разгрома и уничтожения. Знали ли местные партийные советские органы об этой трагедии нашего народа? Знали, но молчали. А о том, как обращались с нами многие «архипатриоты» со многими из нас (так в тексте – А.Ю.), я не берусь описывать, потому что для этого надо быть слишком бесчувственным, чтобы хладнокровно и спокойно это писать [Д.63. Л.58].

Любопытно, что П.Корсуненков затронул и честь историков, написав прямо о том, что они не просто были равнодушны к судьбе народа, но еще и пытались обосновывать репрессии. Так это или не так – другой вопрос. Существенно, что Корсуненков назвал конкретные имена историков, которые, по его мнению, способствовали распространению лжи:

...не буду описывать о тех (так в тексте. – А.Ю.) грязных, клеветнических измышлениях о нашем историческом прошлом в

России (СССР), сочиняемых лжецами и шовинистами от науки и литературы советскими учеными Морозовым, Потаповым, Устюговым, Яковлевым, писателем И.Кремлевым и им подобным, ибо ответ этим клеветникам дан давным-давно самой историей Руси последних 3 столетий и в благодарных словах великих сынов великого народа – Петра Великого, Румянцева, Кутузова, Пушкина, Ленина по адресу нашего народа [Д.63. Л.58].

Совсем иное впечатление производят протоколы обсуждения редакции «Коммунист». Первое, что бросается в глаза, это почти полное отсутствие цитатничества, напротив, декларируется активное и обоснованное его неприятие.

Сталина *почти не цитируют*, но не потому, что не считают его достойным упоминания, – нет. Сталина почти не цитируют по другой причине: каждый из членов редколлегии журнала теперь рассматривает себя как *одного из наблюдающих* за продвижением к истине, к полноте выражения правильного и истинного смысла. Но если Сталин в своих высказываниях обладал единоличной полнотой власти над истинностью, то партийный аппарат получил на это право только как корпоративный наследник. Каждый член корпорации мог претендовать *на то, чтобы соучаствовать в контроле за приближением к объективной истине*, но не определять ее целиком. Каждый, в том числе и член редколлегии журнала «Коммунист», знал, что ему, как соучастнику «общего дела», доступна личная контролирующая функция за приближением к истине, но не вся полнота этого контроля.

Какими же были общие установки, определявшие коллективное сознание редколлегии журнала «Коммунист» в 1954 году?

I. Наблюдать, чтобы никто из классиков марксизма не был ущемлен, неправильно представлен в контексте той или иной журнальной публикации.

Так, 22 января 1954 г. обсуждалась статья А.Тимофеевского и К.Фролова «Борьба за единство партийных рядов – закон развития коммунистической партии». По данному материалу выступил М.Д.Камари:

На стр. 3 говорится об открытии Энгельсом диалектической закономерности развития партии и сразу переходит от Энгельса к Сталину. Я думаю, что *это неправильно* (курсив мой. – А.Ю.), Ленин тоже в «Что делать?» и «Шаг вперед», а также в других работах эту закономерность вскрывал, но не сформулировал

как положение, но на борьбу против меньшевизма, против оппортунизма, как основную закономерность в развитии партии, указывал. Я думаю, что нужно с этой точки зрения указать и ленинские работы, где отмечена борьба с оппортунизмом в международном масштабе как общая закономерность развития. Это теоретическое обобщение Ленина очень важно [Д.53. Л.59].

Но, продолжая свое выступление, он заметил, что и труды Сталина не упоминают тогда, когда это нужно для полноты истинной картины:

На 10 стр. говорится об итогах победы социализма и преодолении всяких антиленинских групп, перед этим следовало бы дополнить об уклонах в национальном вопросе, о них ничего не говорится, в данной связи, а нужно сказать, что об уклонах в национальном вопросе говорил и товарищ Сталин [Д.53. Л.60].

По поводу этой же статьи И.А.Дорошев сказал: «Что касается Берия, то это лучше снять. О культе личности тоже можно снять» [Д.53. Л.70]. Никаких дополнительных объяснений – и никаких указаний «сверху». Дорошев демонстрирует свою меру соучастия – и никто из участников коллегии журнала не спорит с ним. В стенограммах редколлегии журнала «Коммунист» вообще нет заметных дискуссий. Если и возникал спор, то по частностям, которые никогда не мешали принятию коллективного решения.

26 марта 1954 г. в редакции журнала обсуждалась статья Н.Матюшина «В.И.Ленин о дружбе народов». Вновь возникала ситуация, при которой необходимо было жестко контролировать, чтобы никто из «классиков» не был ущемлен (в соответствии с общими идеологическими установками, принятыми в данный момент).

И.П.Помелов:

Положительной стороной статьи является то, что в ней освещается роль Ленина в разработке теории, политики и программы Коммунистической партии по национальному вопросу. Мы вносим существенную поправку в пропаганду, в которой, как известно, роль Ленина в разработке национального вопроса или не освещалась, или освещалась очень поверхностно. Это является очень важным. Мне представляется, что в статье допущена другая крайность – не освещается роль Сталина в разработке национального вопроса... Нужно сказать, в каких трудах Сталина рассматривается национальный вопрос, что Сталин внес нового, развивая ленинские положения [Д.54. Л.147].

А.Д.Никонов:

И.П.Помелов говорил, что в выступлении на такую тему целесообразно выправить *неправильное положение в пропаганде национальной политики нашей партии* (курсив мой; так в тексте. – А.Ю.). Автор статьи неправильно понял свою задачу, которая *перед ним стояла*, если он по существу, я могу это констатировать, *выкинул* значение работ И.В.Сталина в разработке национального вопроса. Если бы статья была в таком виде опубликована, я считаю, была бы сделана политическая ошибка. Как выправить это положение, достаточно полно и ясно сказал И.П.Помелов [Д.54. Л.149].

Н.Матюшин:

Теперь о Сталине. *Мне кажется, особенно много давать не стоит*. В статье основная линия намечена правильно. Сказано, что Сталин развивал учение Ленина, и сказано, в каких направлениях. Если говорить о роли Сталина, тогда надо больше всего это делать в разделе после смерти Ленина. В первой части, *тут обычно все товарищи грешили, когда забывали Ленина* и все описывали на основе сталинской работы «Марксизм и национальный вопрос». Роль Ленина в этом объеме надо подчеркнуть, поскольку здесь было неправильное направление и неправильно освещалась роль Ленина. О роли партии у нас кое-что было, но в процессе редактирования выпало [Д.54. Л.153].

И.А.Дорошев:

В основном статья приемлемая. Пожелания в смысле доработки существенные. Я предложил бы в вводной части сказать, хотя бы в виде общего положения, о разработке И.В.Сталиным истории, а во второй части, где речь идет относительно дружбы народов в период диктатуры пролетариата, конкретно сказать.

(Тов. Матюшин. Можно сказать, что нового внесено Сталиным в разработку).

И приблизить к той форме, *которая дана в тезисах к 50-летию...* [Д.54. Л.154].

16 апреля 1954 г. вновь вернулись к обсуждению статьи Н.Матюшина – уже после доработки.

М.Д.Каммари:

Добавлено и о роли И.В.Сталина в трех местах. Я думаю, что в одном месте нужно еще отметить, на стр.7, где говорится о федерации. Товарищи, которые занимались этим вопросом, знают, что тут большая работа И.В.Сталина. У В.И.Ленина в «Государстве и революции» этот вопрос ставился и в письмах к Шаумяну, но специально Ленин не занимался подробно этим вопросом, как Сталин. Поэтому в этом месте нужно сделать оговорку, указать, что подробно этот вопрос разработан в работах Сталина. Это нужно отметить [Д.54. Л.154].

II. Контролировать соблюдение корпоративных решений в идеологии

6 марта 1954 г. в журнале обсуждалась передовая статья «И.В.Сталин – великий продолжатель дела Ленина». Несмотря на важность темы, обсуждение было очень кратким.

С.П.Мезенцев:

Местами статью нужно привести *в соответствие, в духе передовой «Правды»* (так в тексте. – А.Ю.), а в целом статья приемлемая [Д.54. Л.51].

И.П.Помелов:

Передовая, посвященная Сталину как *продолжателю* дела Ленина, отвечает теме. В статье показан Сталин как продолжатель дела Ленина, показана его деятельность в связи с деятельностью партии, говорится о единстве партии и народа и широко освещаются современные задачи, которые решают партия и советский народ. Я считаю, статья вполне подходит для журнала «Коммунист». В нее нужно внести некоторые дополнения, но особых изменений вносить нет смысла [Д.54. Л.51].

И.А.Дорошев:

Статью принимаем с учетом некоторых дополнений, связанных с решениями Пленума и Берлинским совещанием. Название статьи принимаем: «И.В.Сталин – великий продолжатель дела Ленина» [Д.54. Л.51].

Существенно, что при обсуждении изменили название статьи. Первоначально она называлась «Идеи Ленина–Сталина – знамя борьбы за победу коммунизма». Если в первоначальном варианте – полное равенство Ленина и Сталина в идейном отношении, то в окончательном варианте – заметное неравенство, потому что Сталин – только «великий

продолжатель» (значит, руководящие идеи ленинские, а практика сталинская). Судя по стенограмме, Помелов (как-то само собой) не считал нужным повторять «великий продолжатель», ограничившись упоминанием Сталина как просто «продолжателя». В протоколе обсуждения просматривается *вполне обиходное* снижение статуса, который официально приписывался Сталину. Но ведь это снижение – среди «своих», среди тех, кто *теперь* контролирует идеологию.

III. Направлять идеологическую деятельность в соответствии с меняющимися корпоративными нормами и настроениями (в динамике «здесь-и-сейчас»)

Идеологический процесс всегда нуждается в управлении. Сталин никому не открывал тайну своей власти, и потому его идеологические решения были, как правило, непредсказуемые. В новой ситуации наследники Сталина уже не могли себе позволить подобную стратегию. Партийные идеологи стремились к выработке *вполне определенных параметров*, соответствующих конкретным, но меняющимся корпоративным настроениям в партии.

На месте сталинской идеологии, в которой сущность контекста («практики») определял один лишь Сталин, а метафизика была средством закрепить свое полное единение и слияние с истиной, вновь оказывался когда-то принятый (еще в ленинские времена) партийно-политический контекст, категорически отвергавший всякие «вечные истины» в политике, всякую метафизику в ней...

23 марта 1954 г. обсуждалась статья М.Кима и С.Голикова «Устранить недостатки в освещении истории советского общества». Обсуждение показало, что историческая наука не могла сама преодолеть важнейшие идеологические барьеры сталинизма, и новая идеологическая власть, парадоксальным образом, выступала в роли своеобразного *контролера-реформатора* исторической науки.

А.Д.Никонов:

Из коренных вопросов, на чем мне хотелось бы остановить внимание, об этом говорилось и на совещании, и на редколлегии. Речь идет об изучении истории советского общества. История советского общества неразрывно связана с историей нашей Коммунистической партии, но в то же время гражданская *история советского общества это не то же самое, что история партии*. Эту мысль нужно было бы в этой статье привести. Изучение истории советского общества в значительной

степени отстает в своем развитии, топчется на месте, *задогматизировано, и здесь вина историков во многих отношениях состоит в том, что они по существу взяли «Краткий курс», решили, что в «Кратком курсе» все вопросы истории советского общества решены, что ничего нового здесь не скажешь, а потому нечего, собственно говоря, и исследовать.* Многие недостатки связаны с этим неправильным пониманием значения «Краткого курса», очень важного документа для изучения истории партии, истории нашей страны, но не исчерпывающего историю советского общества [Д.54. Л.100].

М.Д.Каммари:

Правильно было замечание т. Никонова. Я вполне присоединяюсь к нему, что историю партии и историю советского общества нельзя механически приравнивать и периодизацию одной переносить на периодизацию другой [Д.54. Л.105].

И.А.Дорошев:

А что заставляет историков изучать факты и обобщать их, это сказано походя, это серьезный пробел. Ведь должна быть такая мысль выражена, что *у нас может быть многообразие исторических работ в различном направлении...* Я хотел бы это подчеркнуть, что т. Ким несет ответственность за этот участок работы, он выступает на страницах центрального органа партии не только как автор. Тов. Ким, вы можете потерять авторитет, выступая со статьей недостаточно обоснованной. Вы – руководитель важного сектора Института истории и вы отвечаете за это дело... [Д.54. Л.108].

А.Д.Никонов:

Гражданская история предполагает *освещение изучения истории культуры.* Во всех учебниках, и особенно по советскому периоду, по истории Москвы, пытались дать такую главу «История культуры», но *никто не знает, что делать* [Д.54. Л.110].

А.В.Березкин:

...что же мешает? Теоретическая беспомощность, слабость, фактологический принцип... Один из товарищей, который рецензировал эту статью, считает, что такой подход, когда *только конструируются схемы и оперируют только цитатами и положениями из классиков,* является основным препятствием того, что не получается линии развития истории (так в тексте. – А.Ю.), не получается весь исторический процесс... [Д.54. Л.116].

РОЖДЕНИЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Интересно, что М.П.Ким, выступая в защиту своей статьи, был явно обескуражен радикальностью постановки вопроса о принципиальном различии истории гражданской и истории партии:

Есть один вопрос, очень сложный, – о соотношении истории партии и гражданской истории. Это *очень резко поставлен вопрос* (так в тексте. – А.Ю.). Я думаю, в общем плане статьи по этому поводу едва ли есть смысл такое подчеркивание проводить. История нашей партии для советского периода – это основа истории всего советского общества. Потому что наша партия не оппозиционная, а партия правящая... [Д.54. Л.112].

18 апреля 1954 г. весьма остро обсуждалась статья академика Е.В.Тарле «Разоблачать буржуазных фальсификаторов истории». Военственная риторика, пустая по содержанию, но вполне типичная для сталинских времен эпохи борьбы с «космополитизмом», вызвала в редакции журнала «Коммунист» если не раздражение, то недоумение и даже недовольство. Никакого почтения перед академиком, напротив, отношение к нему в чем-то даже высокомерное. Это тем более удивительно, что подобные свойства нередко приписывали самому Тарле, в свое время получившему поддержку лично от Сталина.

Но такое отношение к академику – между «своими», между теми, кто может себе позволить не бояться, что кто-то наверху радикально изменит их совместное (корпоративное) решение по обсуждаемой статье. У членов редколлегии журнала – права модераторов в пределах своей компетенции, неотчуждаемые права наблюдателей за приближением к научной истине.

А.Д.Никонов:

Я читал статью в том виде, в каком исторический отдел получил от автора, это был перевозданный хаос. Сейчас статья стала стройнее и более связной, особенно в первой части, во второй части этот хаос так и остался. Непонятно мне, что хотел автор этой статьи доказать. Он сам формулирует свою задачу, причем я понять эту задачу не смог... Некоторые замечания по тексту. Второй абзац: «Историческая наука в буржуазных капиталистических странах превратилась в служанку империализма...» *Не все там такие, есть демократы, прогрессивные историки ...* Не понятен конец статьи, он даже забыл, о чем начал писать. Можно расширить материал по фальсификации Второй мировой войны и дать такую статью – по фальсификации Второй мировой войны. А так трудно публиковать. Я учи-

тываю *труд, который проделал т. Березкин, но есть пределы человеческим возможностям...* [Д.55. Л.24–25].

С.П.Мезенцев:

Я не читал первого варианта, но знаю из разговора с А.В.Березкиным, что работа в отделе велась очень большая для того, чтобы спасти автора. Но отдел поставлен в очень трудное положение. Данная тема очень нужная, она интересная тема... Надо дать ему совет: отказаться от рассуждений походя по большим вопросам [Д.55. Л.28].

И.А.Дорошев:

Статья действительно очень беспорядочно написана – отходы от темы, туманные обороты речи, формулировки очень сомнительные. Но общий вывод – не следует статью выбрасывать в корзину, есть материал, который дает возможность поработать. Возникает вопрос: сможет сам автор это сделать? *Я думаю, что не сможет.* Надо сделать так, чтобы, максимально сохраняя его стиль, переделать какому-нибудь редактору – Баховскому, философу, или кому-нибудь из издательства иностранной литературы, это надо подумать. Но выбрасывать не стоит... [Д.55. Л.29].

Конечно, бывали случаи, когда в редакции хвалили автора за инициативу и недогматичность. Так, 29 октября 1954 г. обсуждали статью М.В.Нечкиной «Народ – решающая сила исторического развития».

С.П.Мезенцев говорил:

Я прочитал статью М.В.Нечкиной с большим интересом. Статья подкупает, во-первых, тем, что она оригинально написана. Автор не идет по той линии, по которой *часто строятся статьи, – выдвигается тезис, а потом идут доказательства, цифровой материал.* Положительная сторона статьи в том, что она привлекает внимание к тому, чтобы он сам осмыслил те факты, события, с которыми имеет дело [Д. 58. Л.165].

IV. Следить за тем, чтобы любая критика на страницах журнала была максимально адекватной, не переходящей принятых (здесь-и-сейчас) границ в корпоративном понимании истинности

4 мая 1954 г. обсуждалась коллективная рецензия (В.Ермолаева, С.Семенова, А.Сиволобова) на книгу М.В.Данилевич «Положение и борьба рабочего класса стран Латинской Америки». Если при жизни Сталина считалось, что идеологическую «кашу» критикой («маслом») не испортишь и критика подчас легко переходила в крайне резкое обли-

РОЖДЕНИЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

чение с соответствующими последствиями для критикуемого, то теперь критика обрела свои границы – она теперь, по принятой общей установке, *не может быть* безграничной.

И.П.Помелов, выступая с оценкой этой коллективной рецензии, обратил внимание на то, что критика, переходящая в обвинение (неадекватное самой критике), только вредит делу, не приносит никакой пользы:

Я согласен, что острая критика недостатков книги (так в тексте. – А.Ю.), *но слишком резкие формулировки вряд ли стоит давать*, вроде «автор льет воду на мельницу империалистической пропаганды США». У автора это получилось невольно, а это может дать повод привлечь автора к такой ответственности, что он своей ошибки никогда не исправит... [Д.55. Л.34].

Тогда же, 4 мая 1954 г., обсуждалась статья П.Колоницкого «Критика и самокритика – движущая сила развития социалистического общества». Обсуждение показало: критика и самокритика воспринимаются не как неизменные величины, а как зависимые от сиюминутной ситуации в политике партии.

П.Колоницкий, выступая в защиту своей статьи, говорил:

Жизнь вещь текучая, статья еще написана до сентябрьского Пленума, и *работа все время шла по линии штопки*, а не по линии кардинальной работы, но жизнь здесь представлена, я не знаю, какие еще сюда процессы включить... [Д.55. Л.52].

М.Д.Каммари, оценивая статью, подчеркивал, что в области критики и самокритики очень важно найти общие договоренности:

Есть противоречия, разрешение которых не от воли зависит, надо создать условия для их преодоления. Я думаю, что этот вопрос нужно теоретически поставить для самих себя, чтобы мы *договорились как-то* [Д.55. Л.59].

Иногда ответы редакции обсуждались в журнале и возникали даже конфликтные ситуации. Так, 8 мая 1954 г. обсуждался ответ редакции на письмо т. Колганова, книга которого была раскритикована в журнале «Коммунист». Как быть? Публиковать письмо Колганова и ответ ему в журнале или ответить в обычном порядке – почтой? Казалось бы, ситуация естественная. Однако выяснилось, что *обычный ответ журнала* на письмо читателя никак *не удовлетворял* высокий интеллектуальный уровень обсуждения.

И.П.Помелов:

Помещение письма автора раскритикованной книги и ответа редакции имеет, конечно, большое принципиальное значение. Это вызовет большой резонанс в научных кругах, среди работников печати и нашей общественности. Мы должны подойти к этому делу со всей серьезностью. Несомненно, как было сказано в рецензии, помещенной в «Коммунисте», и как свидетельствует письмо т. Колганова, он *занимается схоластикой и запутывает вопрос о собственности*. Проект ответа редакции на письмо Колганова написан хорошо, убедительно, вскрывает недопустимые приемы Колганова, который для того, чтобы обосновать свою схему, извращает Маркса и Энгельса, неправильно цитирует их положения. *Но в ответе в качестве аргументов против Колганова приводятся также одни цитаты. Получается спор по поводу цитат. Это не может нас удовлетворить...* [Д.55. Л.117].

Каков же выход? По мнению некоторых членов редакции, можно вообще обойтись без цитат, если имеется фактический материал.

И.П.Помелов:

В обоснование точки зрения редакции нужно привлечь фактический материал из истории, показать, как с собственностью обстоит дело в различных формациях, тогда будет действительно обоснование вопроса, а не спор по поводу цитат... [Д.55. Л.118].

Конфликт заключался в том, что если отвечать Колганову обычным письмом (не публикуя ответ в журнале), то, по мнению некоторых членов редакции журнала, можно оставить все, что уже написано в «стандарте» такого письменного ответа, – с цитатами и «схоластикой». Если же публиковать ответ Колганову в журнале, то надо переделывать «тон ответа», то есть основываться уже не на одних цитатах и стараться обходиться без схоластики...

С.П.Мезенцев:

У нас же тон ответа Колганову такой: «не лезь». Мой такой вывод, что не следует публиковать ответа. Ответ Колганову послать в письме, так, *как он сейчас есть, если хотим публиковать, то ответ должны переделать, должны переделать тон ответа*. Надо дать разбор, спорить не о цитатах, мы должны осудить его и мы должны по-иному идти. Не о цитатах вести речь и не забывать о них, но показать, что делается в жизни... [Д.55. Л.120].

А.Д.Никонов:

Я согласен с т. Мезенцевым на все сто процентов. Главный недостаток у нас какой? Мы по существу воюем тем же оружием, каким он орудует, то есть цитатами, *не привлекается ни исторический материал в достаточной мере, ни философский материал в полном объеме не привлекается*. И по цитатам не всегда хорошо получается. Например, на стр.5 Колганов цитирует ключевую, по его мнению, цитату, на которой он строит всю свою концепцию, цитирует Ленина, который говорил, что только капитализм «впервые порвал с сословностью землевладения, превратив землю в товар». Если до этого земля не была товаром, не отчуждалась, нам надо это как следует разъяснить. А мы разъяснили? Мы совершенно не разъяснили и не дали никакого объяснения, противопоставляя на стр.13 цитату Энгельса, что земля могла стать товаром, который продают и закладывают, с древнейших времен, делаем вывод: «Таким образом, уже в древнем мире существовала частная собственность на землю, и притом полная, свободная, отчуждаемая земельная собственность». *А ленинскую цитату мы полностью игнорируем. Таким образом, встав на путь цитатнической борьбы с Колгановым, мы оказываемся в довольно беспомощном состоянии. Такой метод ответа на цитатничество двойным цитатничеством и на схоластику двойной схоластикой – неправильный* [Д.55. Л.121].

Однако полного единства в этом сложном и конфликтном вопросе не было.

М.П.Саков:

Я не согласен с тем, что мы не должны уяснить точку зрения классиков марксизма, вокруг этого (так в тексте. – А.Ю.) и Колганов выступает. Все письмо у него построено на цитатах. Он считает эту точку зрения марксистской и подтверждает это цитатами, причем искажает их, и, если отрываться от этого и оперировать фактами, это не дает ему отпора, и это будет неправильно (так в тексте. – А.Ю.)... Как же не спорить и не устанавливать истинность? Я не думаю, что это схоластика. Как же мы тогда будем отстаивать чистоту марксизма-ленинизма? Фактических данных мы много приводить не можем; о исследованиях можем сказать и на этом ограничиться [Д.55. Л.123].

В.Чепраков:

Поскольку ввязались в это дело, надо заканчивать, нужно помещать его письмо, а следовательно, и ответ. Следует поста-

вить вопрос – в чем политическая ошибочность нашего социалистического лагеря? (так в тексте. – А.Ю.) Если в этом плане доработать, тогда ответ будет, иначе ответа не получится. *Для простого человека получается туман*, и непонятно, почему мы так выпячиваем этот вопрос. Нечем было закончить, и мы заканчиваем, что надо вести борьбу против ошибок в вопросах собственности (имеется в виду «истолкование». – А.Ю.) [Д.55. Л.123].

И.А.Дорошев:

Коренная ошибка Колганова в методологии. Это правильно схвачено в рецензии и в ответе. Я думаю, что книга Колганова и раздел докапиталистической собственности напичканы всякими данными, которые никакого отношения к разработке общественной собственности не имеют... [Д.55. Л.129].

ИЮЛЬСКИЙ (1953 г.) ПЛЕНУМ ЦК КПСС. РОЖДЕНИЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ

На июльском пленуме ЦК КПСС (1953), разоблачившем преступную деятельность Л.П.Берии, двойные стандарты в идеологии были едва ли не впервые введены в действие...

Суть не в том, что к июлю 1953 г. в головах некоторых руководителей созрела мысль «против Сталина»: многие из участников Пленума ЦК КПСС, хотя и говорили о некоторых ошибках Сталина, тем не менее старались всячески обелить его. Суть в другом: за два–три месяца после смерти Сталина было понято наконец, что возник «коллективный Сталин». И этому корпоративному наследнику, равному Сталину по властным полномочиям, *позволено теперь все*, о чем раньше даже нельзя было и подумать. Важнейший признак унаследования прав – неслыханная ранее откровенность общения партийных работников самого высшего звена управления.

Несколько человек на Пленуме ЦК КПСС (до завершающего выступления Г.М.Маленкова) позволили себе коснуться темы недостатков и ошибок Сталина (и культа личности тоже), но без определенных общих установок.

Н.С.Хрущев:

Я не буду говорить о неправильном выступлении товарища Сталина, о котором говорил товарищ Маленков, в адрес товарища Молотова, в адрес товарища Микояна. Вы знаете, что это без всяких доказательств, это плод определенного возраста и

РОЖДЕНИЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

физического состояния человека, в жизни не было того, что он думал.

Товарищи, я заканчиваю свое выступление и думаю, что никому не удастся свернуть нас с верного пути, по которому идет партия, по пути, указанному Лениным и Сталиным. (Аплодисменты)³.

В.М.Молотов:

Как могло получиться, что такой человек, как Берия, мог попасть в наши ряды? От недостаточной бдительности, в том числе и товарища Сталина. Он нашел некоторые человеческие слабости у товарища Сталина, а у кого их нет? У Ленина, и у Сталина, и у каждого из нас есть.

Л.М.Каганович:

Было два периода – до войны и после войны, когда товарищ Сталин не собирал нас часто, когда не было творческого живого обмена...Мы хорошо знаем, что всем людям ничто человеческое не чуждо. Об этом еще Маркс говорил. Это не чуждо и Марксу, Энгельсу и Ленину, Сталину. Мы знаем хорошо, что у каждого есть недостатки, были они и у Сталина. И мы, его ученики, не намерены обожествлять и изображать его без недостатков... Он же (Л.П.Берия. – А.Ю.) открыто, особенно последнее время, шел против линии партии, когда говорил, что надо изменить учение Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, что нужно в печати это признать... Считаю, что мы сейчас должны, безусловно, узаконить Сталина в его правах в рядах великих учителей рабочего класса и вести за собой духовно народ⁴.

А.И.Микоян:

В первые дни он (Л.П.Берия. – А.Ю.) ратовал о культе личности. Мы понимали, что были перегибы в этом вопросе и при жизни товарища Сталина. Товарищ Сталин круто критиковал нас. То, что создают культ вокруг меня, говорил товарищ Сталин, это создают эсеры. Мы не могли тогда поправить это дело, и оно так шло. Нужно подойти к личности по-марксистки. Но Берия ратовал. Оказалось, что он хотел подорвать культ товарища Сталина и создать свой собственный культ. (Смех)⁵.

³ *Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н.Яковлева; сост. В.Наумов, Ю.Сигачева. М., 1999. С.99.*

⁴ *Там же. С.128, 137.*

⁵ *Там же. С.168.*

А.А.Андреев:

Я не сомневаюсь, что под его давлением вскоре после смерти товарища Сталина вдруг исчезает в печати упоминание о товарище Сталине.

Голоса из зала.

Правильно.

Андреев:

Это же позор для партии. Раньше чересчур усердствовали, в каждой статье сотни раз повторялось это имя, а потом вдруг исчезло. Что это такое? Я считаю, что это его рука, его влияние, он запугал некоторых людей. *Появился откуда-то вопрос о культе личности.* Что это за вопрос? Этот вопрос решен давным-давно в марксистской литературе, которая руководит движением, знают, какое имеет значение гений во главе движения, а тут откуда-то появился вопрос о культе личности. Это его проделки.

Из Президиума тов. Ворошилов.

Правильно.

Андреев:

Он хотел похоронить имя товарища Сталина, и не только имя товарища Сталина, но и затормозить ознакомление народа и с преемником товарища Сталина товарищем Маленковым.

Голоса из зала.

Правильно.

Маленков:

Все мы преемники. Одного преемника у товарища Сталина нет⁶.

В заключительной речи на Пленуме ЦК КПСС Г.М.Маленков, вопреки нестройному хору «дорогих товарищей», дал ясную и последовательную (для того времени) характеристику культу личности т. Сталина как антиподу «коллективного руководства»:

В нашей пропаганде за последние годы имело место отступление от марксистско-ленинского понимания *вопроса о роли личности в истории.* Не секрет, что партийная пропаганда вместо правильного разъяснения роли Коммунистической партии как руководящей силы в строительстве коммунизма в нашей стране *сбивалась на культ личности.* Такое извращение марксист-

⁶ Там же. С.207.

РОЖДЕНИЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

ма несомненно способствует принижению роли партии и ее руководящего центра, ведет к снижению *творческой активности партийных масс советского народа*.

Но, товарищи, дело не только в пропаганде. Вопрос о *культе личности* прямо и непосредственно связан с вопросом о *коллективности руководства*.

Разве все мы, члены Политбюро и члены ЦК, если не все, то многие, не видели, не понимали неправильность такого положения? Видели и понимали, но исправить не могли.

Мы обязаны сказать об этом Пленуму ЦК, с тем, чтобы сделать правильные выводы и принять меры по улучшению руководства партией и страной.

Вы должны знать, товарищи, что *культ личности т. Сталина* в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовала.

Мы не имеем права скрывать от вас, что такой *уродливый культ личности* привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной⁷.

Как видно, здесь «культ личности» *безусловно* связан с личностью Сталина. Г.М.Маленков не остановился на признании того, что культ личности Сталина в последние годы стал уродливым, он развернул аргументацию этой «уродливости».

Внутрипартийный аспект:

У всех нас в памяти следующий факт. После съезда партии т. Сталин пришел на Пленум ЦК в его настоящем составе и без всяких оснований политически дискредитировал тт. Молотова и Микояна. Разве Пленум ЦК, все мы были согласны с этим? Нет. А ведь все мы молчали. Почему? Потому что *до абсурда довели культ личности и наступила полная бесконтрольность*. Хотим ли мы чего-либо подобного в дальнейшем? Решительно – нет.

(Голоса. Правильно.)

(Бурные аплодисменты)⁸.

⁷ Там же. С.350–351.

⁸ Там же. С.351.

Хозяйственный аспект:

В ходе работ настоящего Пленума вам, товарищи, стал известен следующий факт. В связи с задачей подъема животноводства в феврале месяце этого года т. Сталин настойчиво предложил увеличить налоги в деревне на 40 млрд. рублей. Ведь мы все понимали *вопиющую неправильность и опасность этого мероприятия*. Мы говорили, что все денежные доходы колхозов составляют немного более этой суммы. Однако этот вопрос не был подвергнут обсуждению, коллективность в руководстве была настолько принижена и подавлена, что приводимые т. Сталину доказательства были им безапелляционно отброшены.

Возьмем далее, решение о Туркменском канале. Была ли выяснена предварительно необходимость строительства канала, был ли произведен расчет необходимых затрат и экономической эффективности этого строительства, обсуждался ли этот вопрос в руководящих органах партии и государства? Нет. Он был *решен единолично* и без всяких экономических расчетов. А затем выяснилось, что канал этот с системой орошения будет стоить 30 миллиардов рублей. В совершенно не заселенный район канала придется переселять людей из обжитых районов Средней Азии... Разве не ясно, что мы должны исправлять подобные *ошибки, явившиеся следствием неправильного отношения в руководящем коллективе*, результатом принижения коллективности в работе и перехода на *метод единоличных, безапелляционных решений*, следствием извращений марксистского понимания роли личности .

Теоретический аспект:

Или взять известное положение т. Сталина о продуктообмене, выдвинутое в работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Уже теперь видно, что это положение выдвинуто без достаточного анализа и экономического обоснования...

Общий вывод – впредь следует обезопасить себя от подобных ошибок в извращенном понимании культа личности. Этот вывод, на первый взгляд, очень существен *для всех*: и тех, кто говорил об этом на Пленуме, и тех, кто внимательно слушал, и тех, кого, по неразумному единоличному решению, готовы были направить рыть Туркменский канал...

⁹ Там же. С.351–352.

РОЖДЕНИЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Слова Маленкова вроде бы не противоречили мысли о практической важности критики культа личности Сталина *именно для всех*, для общества. Однако Маленков подчеркивал, что культ Сталина преодолевается *коллективным руководством в высшем звене* управления партией и государством, а масштаб вреда «культа» обратно пропорционален масштабу пользы «коллективного руководства»:

Как видите, товарищи, и у великих людей могут быть слабости. Эти слабости были у т. Сталина. Мы должны об этом сказать, чтобы правильно, по-марксистски поставить вопрос о необходимости обеспечить коллективность руководства в партии, критику и самокритику во всех партийных звеньях, в том числе прежде всего в ЦК и в Президиуме. Мы должны об этом сказать, чтобы не повторить ошибок, связанных с отсутствием коллективного руководства и с неправильным пониманием вопроса о культе личности, ибо эти ошибки, в отсутствие т. Сталина, будут трижды опасными.

(Голоса. Правильно).

Мы обязаны остро поставить этот вопрос, Тут не может быть недомолвок. Если при т. Сталине возможны были ошибки, то тем более чревато большими опасностями повторение их в отсутствие такого вождя, каким был т. Сталин.

(Голоса. Правильно)¹⁰.

Г.М.Маленков привел высказывание К.Маркса в известном письме Вильгельму Блосу (1877) о вреде всякого культа личности в политике. Это теоретическое объяснение не имело в речи Председателя правительства никакого смысла без признания большого практического вреда «культа личности т. Сталина». Но этот вред рассматривался в определенных рамках – с точки зрения «наследников». Так Маленков и сказал – нет одного преемника, равного Сталину, но имеется корпорация людей, которые, как «коллектив руководителей партии», являются таким преемником:

Товарищи, здесь, на Пленуме, неосторожно и явно неправильно был затронут вопрос о преемнике товарища Сталина. Я считаю себя обязанным ответить на это выступление и сказать следующее.

Никто один не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника.

¹⁰ Там же. С.352.

(Голоса. Правильно.) (Аплодисменты).

*Преемником великого Сталина является крепко сплоченный, монолитный коллектив руководителей партии, проверенных в трудные годы борьбы за судьбы нашей Родины, за счастье народов Советского Союза, закаленных в борьбе с врагами партии, испытанных борцов за дело коммунизма, способных последовательно и решительно проводить выработанную нашей партией политику... Такой коллектив, сплоченный на принципиальной основе великого учения Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, у нас есть*¹¹.

В постановлении Пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» от 7 июля 1953 г. определение Г.М.Маленкова «культ личности т. Сталина» не было вообще упомянуто. Вместо уже прозвучавшей конкретной постановки вопроса – абстрактность, не имеющая прямого отношения к Сталину: это «роль личности в истории» вообще.

В четвертом пункте постановления повторялись слова Маленкова из его заключительной речи на Пленуме, но так, *будто эти слова не имели прямого отношения к Сталину*:

...надо признать, что у нас имеются серьезные недостатки в деле соблюдения выработанных великим Лениным партийных норм, большевистских принципов партийного руководства. За многие годы у нас накопились значительные ненормальности в этой области. Ничем не оправданным является то, что только через 7 лет после окончания войны и через 13 лет после XVIII съезда был созван XIX съезд партии. По несколько лет не собирались пленумы Центрального Комитета партии. Длительное время Политбюро нормально не функционировало. Решения по важнейшим вопросам государственной работы и хозяйственного строительства нередко принимались без должного предварительного изучения и без коллективного обсуждения в руководящих партийных органах, как это предусмотрено Уставом партии. В результате таких ненормальностей в организации деятельности Центрального Комитета не была обеспечена коллективность в работе, а также должная критика и самокритика. Наличие таких ненормальностей на деле приводило иногда к недостаточно обоснованным решениям и к принижению роли ЦК как органа коллективного руководства партий.

¹¹ Там же. С.353.

РОЖДЕНИЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В этой связи также следует признать ненормальным, что в нашей партийной пропаганде за последние годы имело место отступление от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории. Это нашло свое выражение в том, что вместо правильного разъяснения роли Коммунистической партии как действительной руководящей силы в строительстве коммунизма в нашей стране *партийная пропаганда сбивается нередко на культ личности, что ведет к принижению роли партии и ее руководящего центра, к снижению творческой активности партийных масс и широких масс советского народа.* Такое направление пропагандистской работы расходится с известными положениями Маркса о культе личности...¹²

Двойные стандарты партийного постановления июльского (1953) Пленума ЦК КПСС придали новый импульс идеологической кампании, затронувшей историческую науку. Ученым-гуманитариям надлежало найти правильное объяснение «роли личности в истории» и заново определить истинное значение народных масс (как будто историческая наука не была марксистской!). Теперь вопрос о «культе личности» окончательно приобретал абстрактно-неопределенное значение – для общества и широкой партийной пропаганды. Оставаясь при этом решенным и ясным вопросом о «культе личности т. Сталина», – для премников Сталина.

Иными словами, в широкой пропаганде речь шла о вреде культе личности *вообще* (в разных сферах: в биологии, химии, физике, истории, литературе, на производстве, в быту, в колхозе и т. д. и т. п.). В самых высших партийных кругах — о *культе личности* Сталина. Правда для одних: историю творит народ, а не личность (пусть и одаренная!); правда для очень немногих — *мы теперь* (как корпорация), *а не один из нас* определяем, что есть истина, а что не есть истина...

18 августа 1954 года в редакции журнала «Коммунист» обсуждалась статья А. Егорова «Против субъективизма и культа личности в теории искусства». Журнал определял для себя, как бороться с субъективизмом и культом личности... в теории искусства!

А.Д.Никонов:

Мне кажется, статья по постановке вопроса выдержана правильно, но есть некоторые замечания. Возьмем заглавие

¹² Там же. С.367–368.

«Против субъективизма и культа личности в теории искусства», заглавие очень нечеткое, и эта нечеткость увеличивается при чтении статьи. Я бы предложил озаглавить статью «Против субъективизма в теории искусства». Сюда входит вопрос о культе личности. *Сама постановка о культе личности* (так в тексте! – А.Ю.) в теории искусства не принята. Что здесь имеется в виду в культе личности — личность творческая и личность изображаемая. Вопрос о культе личности во втором плане здесь не разбирается, в статье взята одна генеральная линия. Личность, творящая и изображаемая в искусстве, нашли (так в тексте. – А.Ю.) свое отображение. Но мы, конечно, в этой статье будем выступать против культа личности. Но мы обязательно должны выступить и за то, чтобы человеческая личность, его деятельность, чувства отражались правдиво. Чтобы выражение Горького «Человек – это звучит гордо» выглядело полно в искусстве социалистического реализма ... Далее вопрос о том, как сформулировать культ личности в теории искусства. В статье энергично доказывается, что народ порождает личности, а не наоборот. Это важная линия, и она нуждается в полной аргументации, это главное в статье [Д.57. Л.41–42].

И.А.Дорошев:

Относительно названия, как будто сходимся в том, что «культ личности» из заголовка нужно вычеркнуть. Может быть, следует подумать о том, чтобы дать позитивную формулировку в заглавии... Целеустремленность статьи против субъективизма. Основная линия направлена на то, чтобы показать, что источник творчества любого настоящего художника – это связь его с народом, с жизнью [Д.57. Л.55].

20 августа 1954 г. обсуждалась статья В.Столетова «Сельскохозяйственная наука и производство» — и вновь звучала тема «культа личности», но теперь в сельскохозяйственной науке.

И.А.Дорошев говорил:

Отвергать роль культа личности *нацело нельзя* (так в тексте. – А.Ю.). Нужно сказать более гибко, не отвергать ту мысль, что культ личности известную роль играл в ошибочных положениях. Вы говорите, что часто обращаются к личности ученых среди спора. Мысль правильная, но нужно добавить, когда хотят дискредитировать личность ученого, для того, чтобы взорвать данное научное положение, обращаются к личности в смысле дискредитации. Но в тексте может получиться (так в тексте! —

РОЖДЕНИЕ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

А.Ю.) так, что вообще не следует обращаться к авторитетам...
[Д.57. Л.71].

XX съезд КПСС, с одной стороны, признался наконец, что был культ именно Сталина, а не вообще любой личности, что зло от этого культа велико, что партия не может допустить повторения столь серьезных ошибок. Но Н.С.Хрущев и в этой ситуации обнажения страшной правды перед коммунистами остался верен укоренившимся двойным стандартам: его доклад был «секретным», а содержание – для «своих». И хотя нельзя было удержать этот мощный поток освобожденного сознания, прежний способ идеологической власти над обществом не подвергался сомнению.

Это была роковая ошибка КПСС. Никакой двойной стандарт власти в отношениях с обществом не проходит бесследно для власти, и никакое общество не терпит бесконечно долго обмана в главном – в определении исторической вины.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Тхагапсоев Хажисмель Гисович

доктор философских наук,
профессор Кабардино-Балкарского государственного университета

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
руководитель научного Центра историко-теоретических исследований
Института всеобщей истории РАН

Каменев Евгений Владимирович

кандидат исторических наук,
старший преподаватель исторического факультета
Петрозаводского государственного университета

Мягкова Елена Михайловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и географии
зарубежных стран Московского государственного лингвистического
института, главный специалист Российского государственного архива
социально-политической истории

Репников Александр Витальевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии
и культуры Российского университета театрального искусства,
главный специалист Российского государственного архива
социально-политической истории

Антонов Дмитрий Игоревич

кандидат исторических наук,
доцент Института русской истории РГГУ

Майзуль Михаил Романович

историк, преподаватель РГГУ

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории
России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Tkhagapsoev Khazhismel' Gisovich

D.Sci. in philosophy,
Professor of the Kabardino-Balkarian State University

Mal'kov Victor Leonidovich

D. Sci., historian, Professor, Merited Science Worker of Russia,
Head of Scientific Centre of Theoretical Research
of the Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Kamenev Evgeniy Vladimirovich

Ph. D. in history, senior lecturer, Faculty of History,
Petrozavodsky State University

Miagkova Elena Mikhaylovna

Ph.D., historian,
assistant Professor, Chair of History
and Geography of Foreign Countries, Moscow State Institute of Linguistics,
head specialist of the Russian State Archive for Social and Political History

Repnikov Alexander Vital'evich

D. Sci., historian, Professor, Chair
of History, Philosophy and Culture, Russian University of Theatre Arts,
head specialist of the Russian State Archive for Social and Political History

Antonov Dmitriy Igorevich

Ph.D in history, assistant Professor of the Institute of Russian History,
Russian State University for the Humanities

Mayzul's Mikhail Romanovich

historian, the lecturer of Russian State University for the Humanities

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor,
Head of Chair for Early and Early Modern Russian History,
Russian State University for the Humanities

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ в Москве

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;
«Циолковский», Политехнический музей, подъезд 7д;
магазины издательства «РОССПЭН»:
Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;
магазин ОГИ, Потаповский пер., д.8/12;
киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;
киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;
киоски «Аргумент» в I и II гуманитарных корпусах МГУ,
Воробьевы горы;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ий читательский
подъезд;
книжная ярмарка в «Олимпийском», стенд 109

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5

по всей России

журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6
(за книжным магазином «Москва», под вывеской
«Союз женщин России»)
Телефон: (495) 650-60-31,
сайт www.hamlet.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

Внимание!

С 2012 года меняется подписной индекс журнала
по каталогу Агентства «Роспечать».
Теперь подписка на журнал годовая, индекс 83496.

Альтернативная подписка:
ООО «ИнтерПочта-2003»
тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64
ООО «Смарт-Трейд» т/ф (499)500-97-08
ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00
ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40

В редакции подписка и продажа льготные.
Тел. (495)691-74-79
E-mail: bushueva@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57
e-mail: export@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года, оформляется через
Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2012.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 18.10.2012. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,75 печ. л.

Тираж 1500 экз (1 з-д 1000 экз.) Заказ №

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

**Международный общественный фонд
«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ЦЕНТР»**

представляет новые книги:

Четырехтомник
«СУТЬ ВРЕМЕНИ»

Философское обоснование мессианских претензий России в XXI веке. В книге собраны стенограммы цикла 41 видеолекции автора, в каждой из которых размышления С.Кургиняна о сути нынешнего времени, его метафизике, диалектике и их отражении в ключевых аспектах актуальной российской и глобальной политики.

2-ое издание 770-страничной книги
«КАЧЕЛИ»,

в которой рассматривается феномен так называемой «подковерной политики» и одновременно разрабатывается аппарат, с помощью которого можно анализировать нетранспарентные политические процессы.

сборник
«ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ»

Взгляд из России и Индии

Под редакцией *Юрия Бялого* и *Ангире Сен Шарма*

Все эти книги можно приобрести

в реакции журнала

«РОССИЯ XXI»

и в интернет-магазине

«Русская деревня» www.hamlet.ru

**Адрес редакции: 123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21
стр.1-2.**

Тел.: (495) 691-74-79, E-mail: russia21@ecc.ru

5. 2012 september-october

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Who will Fix the Situation?
On the Eve of the Civilizational Disaster _____ **6**

The Faces of Catastrophe

Khazhismel' Tkhagapsoev

Education in the Present Day Russia:
Ascending the Descending Stairway?"
(Traits to the Portrait of our Reforms) _____ **22**

Modern Utopia

Viktor Mal'kov

"Socialism" American Style. On the Creation
of the Tennessee Valley Authority _____ **40**

Pages of History

Evgeniy Kamenev

The Fatherland's Sons: On Shaping
of the Decembrist Ideology _____ **74**

*Elena Miagkova,
Alexander Repnikov*

Images of the French Revolution
in the 19th Century Russian Social
and Political Thought _____ **102**

Labels and Myths

*Dmitriy Antonov,
Mikhail Mayzul's*

“Phantoms” and “Illusions”:
Devil's Delusions in Texts
and Iconography (the end) _____ **126**

Topical Archive

Andrey Yurganov

Origination of Double Standards
in the Soviet Ideology _____ **154**

РОССИЯ XXI